

В. В. Филатов

**История Магнитогорского
государственного технического
университета им. Г. И. Носова:
1930-е годы**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова

В.В. Филатов

**ИСТОРИЯ МАГНИТОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.И. НОСОВА:
1930-е ГОДЫ**

Монография

Магнитогорск
2015

УДК 378.4 (09)
ББК 74.58-9
Ф 517

Рецензенты:

*Доктор технических наук, профессор,
директор института металлургии, машиностроения
и материалобработки Магнитогорского государственного
технического университета им. Г.И. Носова*
В.А. Бигеев

*Доктор технических наук, профессор
заведующий кафедрой промышленной экологии безопасности
жизнедеятельности Магнитогорского государственного
технического университета им. Г.И. Носова,
заслуженный работник высшей школы РФ*
В.Д. Черчинцев

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин филиала Московского
психолого-социального университета в г. Магнитогорске*
А.А. Порсин

Филатов В.В.

**История Магнитогорского государственного технического
университета им. Г.И. Носова: 1930-е годы: монография / В.В.
Филатов. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им.
Г.И. Носова, 2015. 261 с.**

ISBN 978-5-9967-0642-6

В монографии исследуется история становления в 1930-е гг. одного из крупнейших вузов страны – Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Анализируются учебная и научная деятельность, структурные изменения в управлении, складывание профессорско-преподавательского состава, внеучебная повседневность.

Издание представляет интерес как для преподавателей, так и для студентов.

Оглавление

Предисловие.....	4
Введение.....	5
Глава 1. Зарождение МГМИ.....	10
1.1. Причины создания технического вуза в Магнитогорске.....	10
1.2. Открытие филиалов вузов.....	14
Глава 2. Система управления и материально-техническое оснащение.....	54
2.1. Структурные преобразования.....	54
2.2. Финансово-хозяйственная деятельность.....	67
Глава 3. Образовательная и научная деятельность.....	81
3.1. Организация учебного процесса.....	81
3.2. Научно-исследовательская работа.....	132
Глава 4. Внеучебная повседневность.....	138
4.1. Общественно-политическая и культурно-спортивная жизнь.....	138
4.2. Социально-бытовые условия.....	168
Глава 5. Управление персоналом.....	182
5.1. Формирование профессорско-преподавательского состава.....	182
5.2. Персоналии.....	197
Заключение.....	222
Приложения.....	226
Именной указатель.....	231
Список сокращений.....	236
Об авторе.....	239
Библиографический список.....	240

Предисловие

Все дальше уходит время с того дня как в Магнитогорске возник горно-металлургический институт. Это знаменательное для города событие имело непреходящее значение на многие годы. Об МГМИ имеется не так много публикаций, чтобы можно было уверенно сказать, что история его становления общеизвестна. Идея подготовки такого исследования зародилась еще несколько лет назад. И, наконец, она получает свое воплощение в научном издании.

Возможно, история и достижения МГТУ им. Г.И. Носова менее известны, нежели слава Магнитогорского металлургического комбината. Но победы металлургов во многом определялись и определяются уровнем подготовки руководителей и инженерного корпуса этого знаменитого предприятия. Большая часть выпускников «горного» работала и работает на ММК. Их имена всегда на слуху, когда говорят о достижениях металлургического гиганта.

МГМИ-МГМА-МГТУ внес существенный вклад в подготовку и воспитание профессионалов своего дела. По пальцам можно перечислить высшие учебные заведения нашего государства, награжденные орденами. В 1984 г. Магнитогорский горно-металлургический институт им. Г.И. Носова был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Люди с дипломами этого вуза всегда востребованы, всегда нужны там, где требуется творческая мысль, смекалка, уверенность и ум в принятии управленческих решений. Выпускники вуза работают не только на ММК, но и на различных предприятиях, в организациях и учреждениях города и страны. Среди них имеются кандидаты и доктора наук.

История вуза будет представлена несколькими монографиями, посвященными определенным десятилетиям. Из тех, кто создавал славу МГТУ в 1930-е гг., уже многих нет в живых. Однако память о них, будь то ректор, заведующий кафедрой, профессор, доцент, старший преподаватель, работник какой-либо службы, лаборатории не должна остаться вне истории вуза. Это одна из попыток обобщить и систематизировать имеющийся документальный материал.

Впереди новые книги об истории МГТУ. Главное, чтобы они не пылились на книжных полках, а были интересны и преподавателям и студентам. Студенческая молодежь должна чтить традиции университета, знать его историю.

Введение

Актуальность данного исследования вызвана особенностями современного этапа развития российского общества, когда историческое знание начинает подменяться упрощенным видением прошлого, искажением фактов и явлений. Молодое поколение не всегда готово оценивать вклад предыдущего поколения в современную жизнь, лишается исторической памяти. На изучение истории отводится небольшое количество часов в учебных планах. Тем более не хватает времени на знакомство с историей собственного учебного заведения. Студенты и преподаватели должны знать историю вуза, где они работают и учатся. Традиции и опыт начального этапа становления МГМИ – важное средство патриотического воспитания.

История высших учебных заведений вызывает не только научный интерес отдельных исследователей, но и несет воспитательный момент. Молодежь должна знать как трудились, учились и жили их предшественники: дедушки и бабушки. История вуза, история города, «малая родина» каждого из нас. Опыт недавнего прошлого позволяет проанализировать научные достижения профессорско-преподавательского состава, педагогические наработки преподавателей, организацию внеучебной деятельности.

Научная новизна данного исследования обусловлена отсутствием обобщающих трудов по истории Магнитогорского технического университета. Имеющиеся газетные публикации и отдельные популярные издания не позволяют создать целостного, системного, научного представления о процессах, проходивших в институте и окружавшей его среде.

Цель исследования: раскрыть во всем многообразии развитие коллектива института в обеспечении подготовки высококвалифицированных специалистов. Для достижения этой цели предстоит решить ряд важных исследовательских задач: во-первых, проанализировать управленческую, образовательную и научно-исследовательскую деятельность; во-вторых, изучить внеучебную работу, в-третьих, определить материально-техническое оснащение вуза и социально-бытовые условия как студентов, так и преподавателей, в-четвертых, рассмотреть систему управления персоналом.

Хронологические рамки исследования 1930-е гг. охватывают значимый для развития института период: переход от филиалов свердловских институтов в самостоятельное учебное заведение. Анализ документального материала на протяжении 10 лет позво-

ляет проследить динамику роста института в решении учебных и научных задач.

1930-е гг. имели особое значение для нашего государства. Именно тогда было принято решение в кратчайшие сроки преодолеть значительное отставание от передовых стран Европы и США в производстве промышленной продукции. Сталинская модернизация предусматривала восстановление и подъем индустрии, строительство новых современных промышленных гигантов, оборудованных по последнему слову техники. С помощью первых пятилетних планов предстояло решить насущные задачи по выводу нашей страны в разряд высокоразвитых держав, чтобы обеспечить экономическую независимость и мощь государства. Эпоха первых пятилеток создавала особый настрой, энтузиазм людей, веру в скорую победу социализма с социальным равенством и справедливостью.

Осуществление этой весьма амбициозной задачи невозможно было без хорошо подготовленных инженерных и управленческих кадров. В стране практически поголовной безграмотности необходимо было не только ликвидировать неграмотность населения, но и наладить профессиональное обучение всех уровней. Особенно остро стояла проблема подготовки специалистов высшего звена. И эта трудноразрешимая проблема была реализована. «Культурная революция» в сфере высшего образования позволила обеспечить предприятия высококвалифицированными кадрами специалистов.

Сегодня можно спорить по поводу того насколько качество обучения в те годы могло сформировать высококлассного инженера, умеющего работать на современном оборудовании. Но молодые, пытливые и толковые кадры пришли на промышленные предприятия, сумели наладить производственный процесс. В этом была заслуга институтских преподавателей, приложивших немало сил, знаний и умений, чтобы научить студентов мыслить научными категориями, хорошо разбираться в технике, и умело управлять людьми.

Особенностью 1930-х гг. являлось то, что зачастую подготовка студентов велась «на ходу». Вечернее обучение стало преобладающим для работников новых предприятий. Студенты-вечерники проявляли повышенный интерес к учебе, поскольку знания, полученные в учебных аудиториях, стремились сразу же применять на практике. Поэтому в те годы рядом с крупными предприятиями стали создавать технические вузы, втузы и техникумы.

Не стал исключением и Магнитогорск. Для обеспечения Магнитогорского металлургического завода специалистами в начале

1930-х гг. появились профессиональные учебные заведения, в том числе и горно-металлургический институт.

Читатели познакомятся с тем, как непросто шло развитие вуза. Порой ставился вопрос о его закрытии или слиянии с другими областными институтами. Не хватало остепененных преподавательских кадров, отсутствовали нормальные условия для учебы в неприспособленных и плохо оборудованных помещениях. Остро стояла транспортная проблема. Однако коллектив института при всех невзгодах и лишениях выстоял. Сумел преодолеть временные затруднения и стал ведущим вузом не только среди институтов горно-металлургической и строительной направленности, но и других учебных заведений страны.

Автор попытался показать реальную обстановку того времени без гляцевых реляций. Достижений горно-металлургический институт имел значительно больше, чем недостатков. Важно проанализировать как путем проб и ошибок шло развитие вуза.

Особо следует признать несомненную заслугу в изучении истории института краеведа, бывшего преподавателя кафедры научного коммунизма и истории КПСС МГМИ, кандидата исторических наук, доцента Аркадия Глебовича Дегтярева. Именно его стараниями на страницах институтской многотиражки «За кадры» под рубрикой «Наша биография» и в других статьях появились замечательные по содержанию исследования по истории МГМИ¹. Эти материалы вошли составной частью данной монографии.

Хотя в ссылках на газетные статьи не принято указывать автора и название публикации, все же считаю правильным это сделать, чтобы был виден вклад А.Г. Дегтярева в создание истории института. Аркадию Глебовичу не удалось при жизни опубликовать эти статьи в виде монографии. В газетном же изложении отсутствуют ссылки на источники. Однако работа, проведенная автором, колоссальная. Им изучены многочисленные архивные документы, другие источники. Мне не раз приходилось с ним работать в свердловских архивах, и могу подтвердить его безукоризненную научную добросовестность.

Вызывает научный интерес для исследователей и сборник статей «XV лет МГМИ», подготовленный по материалам научной конференции, посвященной 15-летию института². Она проводилась в 1947 г. Тогда считалось, что МГМИ возник в 1932 г. Первый выпуск специалистов также датируется 1937 г. Безусловно, выступления ученых и выпускников МГМИ, общественных деятелей представляют важный источник того времени.

Сохранившиеся документы по истории МГМИ, воспоминания современников изумительный материал для исследователя. К со-

жалению, таких ценных источников не так уж и много, но и имеющиеся документы заслуживают внимания и нового прочтения. Первая попытка сбора и систематизации такого материала проведена в книге «История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях»³.

К 75-летию университета была выпущена книга «МГТУ: дела и люди», в которой имеются некоторые сведения об отдельных структурах МГМИ в 1930-е гг.⁴. В связи с 80-летием МГТУ в 2014 г. вышла новая книга «80 лет достижений и успеха»⁵. Это в большей степени популярные издания, но в них имеется и исторический материал, собранный кафедрами. Данная информация также используется в монографии. Краткие сведения по истории институтов, факультетов, кафедр размещены на сайте МГТУ⁶. Они во многом дублируют материалы этих книг. Однако в ряде случаев имеются и иные сведения, которые также дополняют монографию.

Данные о профессорах и докторах наук института находятся в справочнике «Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров», выпущенном в 2014 г.⁷. Последнему изданию предшествовали и другие справочные публикации⁸. В последнее время появился ряд статей в «Вестнике МГТУ», посвященных истории научных школ⁹.

Архитектурно-строительный факультет опубликовал летопись факультета, кафедра истории и социологии выпустила издание, посвященное истории кафедры¹⁰. В институте горного дела и транспорта ведется летопись института¹¹. Подобные издания также вызывают научный интерес для исследователя.

Наибольшую ценность для исторического исследования представляют архивные источники. Автором изучены значительный по объему массив документов муниципального казенного учреждения «Городской архив» г. Магнитогорска и архивного отдела МГТУ. Особую значимость имеет фонд МГТУ № 60. Описи 1 и 6 находятся в городском архиве, а опись 2 этого фонда – в архиве МГТУ. Кроме того, исследовались архивные фонды городского совета депутатов (фонд 10) и ОАО «ММК» (фонд 99).

Бесценным источником по истории университета является периодическая печать и, прежде всего, многотиражная газета «За кадры» (ныне «Денница»). Газета стала издаваться в конце 1956 г. Поэтому материалов по 1930-м гг. в ней не очень много. Чаще всего в газете выступали с воспоминаниями преподаватели и выпускники 1930-х гг. И этот материал уникален.

Большой интерес вызывают публикации газеты «Магнитогорский рабочий». Для подготовки данной монографии просмотрены и изучены материалы за период с 1933 по 1939 гг. этой город-

ской газеты, выходившей тиражом до 30 тыс. экземпляров. Если учитывать, что выходило до 300 номеров в год, то объем информации очень большой. При этом часть газет сохранилась плохо. Мелкий шрифт, ветхое состояние газет затрудняют исследовательскую работу.

В газете «Магнитогорский рабочий» можно было найти интереснейший материал об МГМИ в статьях как журналистов, так и преподавателей и студентов института. Помимо этого, в местной газете публиковались перепечатки важнейших постановлений партии и правительства, а также разнообразная городская информация, в том числе с решениями партийно-советских органов. При анализе статей приходилось учитывать особенности прессы того времени, ее идеологическую направленность.

В ходе исследования применялись и другие источники: энциклопедии, справочники и иные издания. Комплекс разнообразных источников позволил решить поставленную исследовательскую задачу по изучению истории университета на этапе его генезиса.

Практическая значимость проведенной работы заключается в возможности использования материалов монографии во внеучебной работе со студентами, в подготовке рефератов и сообщений на практических занятиях при изучении общественных наук.

Думается, что подготовленное к изданию исследование, послужит началом восстановления истории Магнитогорского государственного технического университета им.Г.И. Носова.

Глава 1. Зарождение МГМИ

1.1. Причины создания технического вуза в Магнитогорске

Восстановление народного хозяйства в годы новой экономической политики поставило вопрос о необходимости в кратчайшие сроки вывести нашу страну в передовые державы мира, значительно сократив отставание в экономической сфере и укрепив оборону. Партийное руководство советского государства разработало проект форсированного подъема индустрии (индустриализация), объединения мелких сельских производителей в коллективные хозяйства (коллективизация), чтобы обеспечить промышленность материальными и трудовыми ресурсами. При фактическом отсутствии собственного машиностроения предстояло проводить закупки машин, станков и оборудования за рубежом, а затем перейти к собственному производству важнейших стратегически важных видов продукции.

Ставилась и другая важная задача – радикально поднять грамотность населения, обеспечить подготовку собственных специалистов с высшим и средним специальным образованием (культурная революция). Для выполнения этой задачи требовалось построить множество школ, техникумов и вузов, обеспечив их высококвалифицированными преподавательскими кадрами и достойным уровнем организации учебного процесса.

Задачи были архисложными и, на первый взгляд, мало выполнимыми. Они легли в основу первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1928-1932 гг.). Однако огромными усилиями миллионов советских людей большую часть поставленных задач удалось выполнить.

В подъеме индустрии особая роль отводилась черной металлургии. Качественный металл обеспечивал национальную безопасность страны, открывал широкие возможности его применения в различных отраслях экономики. Предстояло решить очень сложную проблему создания на востоке СССР новой угольно-металлургической базы. Природные ресурсы для этого имелись, что подтверждали исследования ученых. Крупные залежи Кузнецкого угля в купе с рудой горы Магнитной позволяли построить гигантский металлургический завод с дешевым сырьем.

Еще в середине 1920-х гг. в СССР на XIV партийной конференции была поставлена задача строительства металлургического завода у горы Магнитной. Научные разработки

Уралпроектбюро предполагали строительство завода производительностью 50 млн. пудов чугуна в год. В результате разведочного бурения запасы руды на г. Магнитной определили в 275 млн. т, со средним содержанием железа 60%¹². По первоначальным проектам строительства Магнитогорского металлургического завода, его мощность определялась сначала в 656 тыс. т чугуна, а затем – до 1,1 млн. т. При заводе предполагалось построить поселок, в котором для подготовки рабочих и технических кадров открыть школу ФЗУ и индустриальный техникум. О создании высшего учебного заведения тогда речи не было.

Но практика социалистического строительства изменила эти планы. Уже в то время остро не хватало опытных специалистов, особенно инженерно-технических работников. Практики не могли заменить инженеров. Работа на современном оборудовании, организация производственного процесса были немыслимы без специалистов с высшим образованием.

В январе 1929 г. начиналось строительство металлургического завода. В следующем месяце создается управление по строительству Магнитогорского металлургического завода – Магнитострой. С появлением крупнейшего металлургического предприятия на востоке страны решалась проблема использования богатейших запасов Урало-Кузнецкого бассейна. Руководство строительством возглавил В.А. Смольянинов, крупный государственный и партийный работник.

Как и планировалось, строительство Магнитогорского металлургического комбината привело первоначально к созданию рабочего поселка (июнь 1929 г.), а затем решением Президиума ВЦИК РСФСР преобразованного в город Магнитогорск (10 июня 1931 г.)¹³. На строительство завода прибывали десятки тысяч рабочих и специалистов. Но инженеров для строительства и новых цехов завода явно недоставало. Следовало из имевшихся работников-практиков подготовить хороших специалистов. Данная проблема не была новой.

Когда планировалось строительство завода, проектировщики озаботились и кадровой проблемой. Но где было взять сотни инженеров, если в СССР только налаживалась система высшего образования? Вузов было явно недостаточно, не хватало профессорско-преподавательского состава. Часть так называемых буржуазных специалистов вытеснили из институтов и университетов во время всевозможных чисток.

Секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) по кадрам, инженер-металлург О.С. Меженный писал, что «необходимость от-

крытия в Магнитогорске высшей технической школы стала ясна, как только были заложены первые фундаменты мирового гиганта черной металлургии – гордости всей нашей многомиллионной и многонациональной страны – Магнитогорского металлургического комбината»¹⁴.

«И, действительно, – вспоминает работавший в то время начальником Магнитостроя В.А. Смольянинов, – первое, что я услышал в конторе, была фраза: «Нет людей!». Эта фраза сопровождала меня в течение всего времени пребывания на Магнитострое. Магнитострою уже тогда требовалось около 700 инженеров и техников. А в конторе работало человек сорок»¹⁵.

В постановлении первого пленума второго созыва Магнитогорского городского совета «По докладу тов. Валериуса об итогах строительства за 1929/30 г. и особый квартал и контрольные цифры на 1931 год» было отмечено слабое укомплектование строительства кадрами инженерно-технических работников¹⁶.

По последующим проектам строительства Магнитогорского завода увеличивались его мощности по производству чугуна, стали и проката, а вместо рабочего поселка стали строить крупный город. Проблема кадров становилась одной из важнейших.

В этих условиях в конце 1929 г. по инициативе В.А. Смольянинова управление Магнитостроя поставило вопрос перед Главным управлением технических высших учебных заведений Высшего совета народного хозяйства СССР (Главтуз ВСНХ СССР), Главным управлением профессионально-технического образования Наркомпроса РСФСР (Главпрофобр НКП РСФСР) и Культурной секцией Рабоче-Крестьянской инспекции РСФСР об открытии в Магнитогорске высшего технического учебного заведения с металлургическим, горным и химическим факультетами.

В декабре 1929 г. В.А. Смольянинов по этому же вопросу направил письмо в отдел народного образования, облисполком и облсовнархоз Уральской области следующего содержания: «По первоначальному плану в Магнитогорске предполагалось построить для подготовки технического персонала школы ФЗУ и индустриальный техникум с отделениями: металлургическим, горным и химическим. Управление Магнитогорского строительства несколько времени тому назад подняло вопрос о целесообразности пересмотреть этот план и включить в план постановления профессионального образования в Магнитогорске строительство школы ФЗУ и высшего технического учебного заведения, с соответствующими факультетами (металлургическим, горным и химическим). Это наше предложение основывается на

том, что Магнитогорский завод представляет из себя, по настоящей программе и ввиду дальнейшего развития ее, большой индустриальный центр. Указанные размеры завода дают полное основание настаивать на строительстве в этом крупном индустриальном центре обслуживающее ее нужды специальное высшее учебное заведение. Вопрос об открытии промышленного института, Управлением Магнитогорского строительства поставлен перед Главтузом ВСНХ СССР, Главпрофобром НКП РСФСР и Культурной секцией РКИ РСФСР. Управление строительством также обращается к вам с просьбой поддержать наше ходатайство и включить в план строительства по профессиональному образованию по области строительство промышленного института в городе Магнитогорске»¹⁷.

Эти предложения руководителя Магнитостроя были услышаны. При всех сложностях формирования системы высшего образования в стране стали продумываться варианты выхода из кадрового голода. За несколько дней невозможно было создать вуз в Магнитогорске. Предстояла длительная работа по подбору профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного персонала, строительству учебного корпуса с лабораториями и кабинетами, созданию библиотечного фонда и т.п.

В начале 1930-х гг. в стране стали образовываться втузы (высшие технические учебные заведения). Они создавались при крупных промышленных предприятиях для подготовки инженеров из числа трудящихся этих и подобных заводов и фабрик. Студенты обучались не только с отрывом от производства, но чаще без отрыва от основного места работы. Практические занятия составляли половину всего времени обучения. Втузы подчинялись соответствующим народным комиссариатам, и за их работу ответственность несли промышленные предприятия. Во время индустриализации, возможно, это было необходимо, однако в будущем такая форма подготовки не получила дальнейшего развития.

Исторические документы свидетельствовали, что руководители Магнитостроя в условиях дефицита инженерных кадров стремились оперативно решить возникшую проблему. Хотя проектировщики предполагали, что появится недостаток инженеров, но мало что было сделано, чтобы подготовиться к такому повороту событий. Начали строительство металлургического комбината и лишь затем вспомнили об отсутствии кадров. Предстояло в срочном, авральном порядке создавать институт. Но не имелось ни учебно-лабораторной базы, ни высококвалифицированных преподавателей. Приходилось все начинать с нуля, с чистого листа. В то

время часто многие проблемы решались «на ходу». Не удалось избежать этого и при организации высшего образования в городе.

1.2 Открытие филиалов институтов

Именно создание втуза планировалось в Магнитогорске под эгидой металлургического комбината и Магнитостроя. Поскольку город находился на территории Уральской области, включавшей нынешние Свердловскую, Челябинскую области, Пермский край, часть Тюменской области и Удмуртии, то центр этой громадной области г. Свердловск, где было сосредоточено большинство вузов, помог в становлении высшего образования в Магнитогорске. Филиалы свердловских вузов стали основой для первоначального обучения работников великой стройки и металлургического завода.

На базе Уральского политехнического института в 1930 г. действовало девять втузов (стали, энергетический, машиностроительный, горный и др.)¹⁸. На первом этапе в 1931 г. по ходатайству начальника управления Магнитостроя В.А. Смольянинова в городе решили открыть инженерно-строительный институт¹⁹, поскольку стройка в первоочередном порядке нуждалась в инженерах. Для нового учебного заведения требовались помещения пригодные к организации учебного процесса. В то время, когда все усилия направлялись на строительство завода, трудно было рассчитывать на большое специальное здание с учебными аудиториями. Необходимо было изыскивать возможности хотя бы на первых порах обеспечить минимальные возможности для учебы.

В 1930 г. в приказе № 729 управляющего строительством указывалось, что для обеспечения своевременного открытия ВТУЗа и вечернего рабочего университета необходимо приспособить бараки для использования в качестве учебных помещений ВТУЗа и университета с таким расчетом, чтобы они были готовы к 1 декабря. Для создания соответствующих условий работы студентам и курсантам отводился под общежитие один барак на том же участке²⁰.

В приказе № 757 управляющего строительством от 10 ноября 1930 г. подчеркивалось, что, придавая особое значение своевременному развертыванию инженерно-строительного института, закончить строительство двух корпусов к январю и февралю 1931 г. Определялось необходимое количество строителей и обеспечение необходимыми материалами²¹.

Приказом по управлению Магнитостроя от 31 декабря 1930 г., с 1 января 1931 г. официально открывался первый втуз – инже-

нерно-строительный институт, филиал Уральского строительного института (г. Свердловск), состоявший из трех факультетов: промышленно-строительного, механизации строительного производства и экономического. Как отмечалось в приказе управляющего строительством Я.П. Шмидта, «учебная работа во втузе должна протекать путем личного участия всех студентов в производстве, органического соединения теоретической учебы с производством».

Учитывая, что значительная часть будущих студентов не в состоянии была осваивать учебные дисциплины высшей школы, 24 марта 1931 г. в приказе по строительству Магнитогорского металлургического завода предусматривалось при инженерно-строительном институте открыть вечерний рабочий факультет (рабфак) на 300 человек, без освобождения от работы.

Рабфаки в то время создавались из числа рабочей и крестьянской молодежи для подготовки к обучению в высшей школе. Учебному комбинату предлагалось в трехдневный срок проработать план размещения и перемещения студентов на производстве и передать его всем участкам, на которых будут работать студенты, согласовав с начальниками участков порядок их распределения. Всем начальникам участков предстояло принимать и направлять этих студентов на работу по разработанным втузом и техникумом планам, согласованным с участками.

Для студентов втузов устанавливался следующий режим работы во время учебы. В течение пяти месяцев два дня в шестидневку студенты полностью освобождались от производства и проходили теоретическое обучение: три дня работали на производстве, причем два дня с сокращенным рабочим днем на два часа для вечерних занятий. Студенты обеспечивались общежитиями со стороны втуза и техникума и не подлежали удовлетворению жилищной площадью на участках.

Все начальники участков обеспечивали снабжение всех студентов втуза, работавших на производстве, спецодеждой по нормам, установленным для соответствующих категорий рабочих, работающих на производстве. О размере и порядке выдачи зарплаты студентам должны были получить дополнительные указания²².

Так, начиналось формирование будущего высшего учебного заведения. Пока намечалось открыть инженерно-строительный институт, предназначенный для обучения инженеров-строителей, в которых нуждалось управление Магнитостроя.

Открывшийся филиал не в состоянии был полностью решить все проблемы подготовки специалистов. На заседании бюро Магнитогорского городского комитета коммунистической партии 26 марта 1931 г. были рассмотрены практические мероприятия по

реализации обеспечения кадрами строительства, монтажа и своевременного пуска Магнитогорского завода и Коксохимкомбината. Постановлением бюро намечалось начальникам Магнитоостроя и «Коксоостроя» договориться с управлением «Востокосталь», с Союзкоксом и ВСНХ об открытии в 1931 г. сети высшего и среднего профтехобразования, приняв меры к обеспечению ее помещениями, средствами, педагогами, оборудованием и учебными пособиями.

Решено было не ограничиваться лишь открытием инженерно-строительного института. На бюро горкома ВКП(б) были определены контрольные цифры набора в новые филиалы втузов Магнитогорска. В инженерно-строительном институте должны были учиться 250 человек, во вновь создаваемом металлургическом втузе – 150, в горном втузе – 100, в коксохимическом втузе – 200 человек. ГК ВКП(б) обращался в обком партии поддержать перед центральными органами данное ходатайство Магнитоостроя и «Коксоостроя»²³.

Как следовало из приказов и постановления ГК ВКП(б), в первоочередном порядке предстояло не только открыть инженерно-строительный институт на базе свердловского вуза, но и работая на опережение, создать металлургический, горный и коксохимический втуз, чтобы обеспечить инженерами весь производственный цикл металлургического комбината. Идея являлась хорошей, но все упиралось в отсутствие необходимых условий для этого. Однако важно, что городская власть, производственные управленческие структуры поняли требование времени. Без хорошо подготовленных специалистов не добиться нормальной работы предприятий.

6 апреля 1931 г. в г. Магнитогорск приехал народный комиссар просвещения РСФСР А.С. Бубнов, который выступил с докладом об очередных задачах культурного строительства на пленуме Магнитогорского городского совета. Вместе с ним прибыли член коллегии Наркомпроса Шацкий, член коллегии Наркомпроса академик Архангельский.

В выступлении наркома подчеркивалась необходимость подготовки высококвалифицированных кадров как для строительства, так и для эксплуатации металлургического завода. Как сказал нарком: «То грандиозное строительство, строительство гигантского металлургического комбината, которое вы здесь осуществляете, оно требует десятков тысяч квалифицированных рабочих и требует сотни инженеров и техников. Вопрос о кадрах является одним из решающих моментов в деле осуществления народнохозяйственного плана в 1931 г.»²⁴.

Приезд руководителя российского образования представило возможность на месте показать реальные пути создания в городе как втуза, так и педагогического института. Эти предложения нашли воплощение в резолюции пленума с просьбой к Наркомату просвещения оказать содействие с открытием в ближайший период металлургического (с горным отделением) и химического втуза. Одновременно с этим депутаты обращались к наркому Бубнову принять срочные меры к укомплектованию квалифицированными силами имеющегося строительного втуза и обеспечить методическое руководство учебными заведениями²⁵. Так, была предпринята еще одна попытка «достучаться» до верхов в целях скорейшего открытия филиалов.

Тем временем в мае 1931 г. в инженерно-строительном институте уже училось 113 человек, из которых рабочие составляли 76%, коммунисты – 33,6%, комсомольцы – 35%²⁶.

Работа по созданию горно-металлургического втуза продолжалась. Дальнейшее становление будущего МГМИ было связано с приказом начальника строительства завода Я.С. Гугеля от 3 июня 1931 г. Под председательством заместителя начальника строительства Теплова создавалась подготовительная комиссия по открытию в Магнитогорске металлургического института и техникума в составе: директора учебного комбината Рафеса в качестве заместителя председателя и членов: начальника бюро кадров будущего завода Каткова и его заместителя Лившица, начальников цехов – доменного, мартеновского, прокатного, начальника горного управления Гончаренко, руководителя кафедры общественных дисциплин строительного института Канакова. Комиссия должна была представить свои предложения.

Постановлением Магнитогорского ГК ВКП(б) от 24 сентября 1931 г. в новые учебные заведения в качестве поощрения направлялись 100 лучших ударников и работников строительства. Горком партии ходатайствовал перед областными и центральными организациями о предоставлении необходимых мест в учебных заведениях²⁷.

Наконец, филиалы свердловских вузов начали работать в Магнитогорске. Осенью 1931 г. в филиале металлургического института училось 226 человек, в том числе 23 женщины. В филиале горного института из 107 студентов женщины составляли 15%, а в филиале строительного института из 215 обучавшихся удельный вес женщин доходил до 13%. Доля студенток в филиалах примерно соответствовала их удельному весу среди трудящихся. В начале 1931 г. в Магнитогорске трудилось 12,2 тыс. женщин (12% к общему числу работавших)²⁸

Городская партийная организация и управление Магнитостроя принимали меры к открытию в городе высшего технического учебного заведения. Филиалы не решали кадровой проблемы для предприятий и, прежде всего, для ММК. Обучение студентов без технического оснащения, высококвалифицированных педагогов создавало лишь видимость учебы.

Еще решался вопрос о вузе, а управление Магнитостроя взялось за организацию подготовительных курсов, потому что основная масса желавших стать инженерами или не имела соответствующей основы для этого, или давно окончила школу. Осенью при отделе кадров Магнитостроя были открыты подготовительные курсы для поступающих в вузы и техникумы. Заведующим был назначен И.И. Артемянко, завучем А.С. Звирбул. Работали на курсах молодые, энергичные преподаватели Г.С. Василенко, В.И. Егоров, Г.И. Крюкова, М.И. Крутогин, Н.Н. Лапин, А.Г. Пассовский, В.С. Телянко, А.Н. Туркеева и другие.

В приказе по управлению Магнитостроя с сентября требовалось «по представлению отделом кадров списков принятых на курсы по подготовке во ВТУЗ, техникум рабочих и служащих, освобождать последних в дни занятий на два часа раньше установленного времени, с выплатой за это время среднего заработка».

Подготовительным курсам партийная организация, общественность города и редакция газеты «Магнитогорский рабочий» уделяли много внимания, постоянно стремились держать их в поле зрения, оказывали необходимую помощь.

Строительные подразделения Магнитостроя направляли на курсы лучших рабочих, передовиков производства. Слушателями курсов были С. Константиновский, В. Павлов, К. Глумаков, Л. Лазарев и др. – все они затем окончили МГМИ и стали руководителями.

Строители Магнитки проявляли большую тягу к знаниям и охотно пошли на курсы, которые пришлось открыть в очень трудных условиях. Не было помещений для проведения занятий, не доставало преподавателей, отсутствовали программы и учебники, не хватало даже бумаги.

Подготовительные курсы начали действовать в здании заводууправления. Занятия проводились после окончания работы заводууправления в тех же комнатах и за теми же столами, где днем сидели бухгалтеры, проектировщики.

Однако количество желающих учиться росло буквально не по дням, а по часам. Если 20 октября на курсах обучалось 214 человек, 15 ноября – 380 человек, то 29 декабря – уже 460 человек, в

том числе готовились для поступления в вуз 200 человек. Среди слушателей рабочие составляли от 73 до 85%. Пришлось вывести значительную часть курсов в другие помещения и разделить их на четыре группы²⁹.

Первый выпускник МГМИ Р. Шнейвас писал: «Горком партии и управление строительства комбината, невзирая на все трудности, уже в первые годы строительства комбината, поднимали вопрос о создании на базе Магнитогорского комбината нового института.

Исподволь шла подготовка к этому. Мы – молодые рабочие первых цехов – были в курсе всех подробностей, всей борьбы, которая велась вокруг вопроса об открытии института. Вместе с горкомовцами переживали все удачи и горести. Чтобы не терять времени, было решено еще осенью 1931 года создать курсы по подготовке в институт и курсы повышения квалификации хозяйственных кадров.

Помнится, в столовой основного механического цеха ранним утром собирались начальники цехов, их заместители и помощники, не имеющие высшего образования. Сюда приходили молодые преподаватели – химики, физики, математики: Н.Н. Лапин, В.С. Темянко, П.Д. Корж, Г.С. Василенко и др. Эти курсы и были по существу первой ячейкой, зародышем будущего института³⁰.

Почти одновременно с организацией подготовительных курсов управление Магнитострой начало подготовку к приему студентов в вуз. 9 августа заместитель управляющего Магнитостроя Валериус издал приказ: «Для проведения всей подготовительной работы по осуществлению набора в Магнитогорский политехнический институт создать приемную комиссию под председательством зав. отделом кадров т. Твердова в составе: представителя РК ВКП(б) Струева, представителя рабочкома Морозова, представителя РК ВЛКСМ Мальцева, представителя горно-рабочих и транспортных рабочих по назначению последних.

Приказываю под личную ответственность т. Твердова развернуть массовую работу комиссии по мобилизации общественного внимания к вопросам комплектования политехнического института, в особенности в части обеспечения приема в институт соответствующего социально-качественного состава».

Согласно этому приказу комиссия приступила к работе. Так завершился еще один год – год подготовки к открытию института³¹. Как видно из приказа, название учебного заведения могло быть и иным. Но в дальнейшем, попав в подчинение Наркомата тяжелой промышленности, втуз стал горно-металлургическим. Предварительная подготовка на курсах очень помогла желавшим

поступить в институт. Они обновили свои школьные знания, тем более, что некоторая часть абитуриентов давно окончила школу, где не всегда проводили качественные занятия.

Приведенный материал свидетельствует, что все действия городского руководства и управления строительства завода направлялись на то, чтобы в кратчайшие сроки подготовить инженеров для вводимых в строй сложнейших металлургических агрегатов. Одновременно решалась задача обеспечения кадрами высшей квалификации и Магнитостроя.

За год, прошедший после начала развернувшейся работы по открытию втуза, положение с инженерными кадрами несколько не улучшилось. Просьбы хозяйственных и городских руководителей о присылке в город специалистов выполнялись лишь частично. По словам же одного из первых выпускников МГМИ Р. Шнейваса, в 1931 – начале 1932 г. на металлургическом заводе работало всего 64 инженера-металлурга³².

В подобной ситуации приходилось, прежде всего, ликвидировать безграмотность рабочих, организовывать курсы подготовки специалистов на рабочих местах. Для получения среднего специального и высшего профессионального образования требовалось открывать в городе вузы и техникумы.

Р. Шнейвас писал, что «Магнитке нужны были советские инженеры и как можно скорее. Горно-металлургические институты страны в то время не могли дать Магнитке нужного числа требующихся ей инженеров, металлургический Юг мог поделиться только своими довольно ограниченными в то время кадрами специалистов черной металлургии»³³.

В 1931-1932 г. руководством страны принимались меры по рационализации вузов. Прекратилась подготовка инженеров узкого профиля, закрыли отраслевые институты, восстанавливались лекции как основная форма обучения³⁴.

Работа филиалов уральских институтов постепенно набирала обороты. Преподаватель МГМИ В. Егоров вспоминал, что приказом начальника горнорудного управления в 1931 г. был создан горный институт. Помещался он в двух комнатах нижнего этажа здания управления на рудо-испытательной станции. Число студентов не превышало 20-30 человек.

В числе первых студентов были: будущие доцент В.М. Брызгалова, заместитель начальника рудника А.Ф. Тиховидов, главный инженер Агаповского карьера Т.А. Загорец, инженер Гаврилов. Тогда же учились впоследствии кандидат технических наук Тарнавский, преподаватель Дорман. Планы учебного процесса и программы дисциплин составлялись сменными инженерами горного

управления. Они же и преподавали в свободное от работы время³⁵.

Автор, возможно, ошибся, что после филиала горного института возникли металлургический, а затем строительный институт и рабфак. Все же инженерно-строительный институт, хотя и просуществовал недолго, но открылся в начале 1931 г. Воспоминания участников событий того времени показывают насколько эти учебные заведения соответствовали требованиям высшей школы. Могли ли студенты получить здесь полноценные знания? Если судить по фамилиям студентов, то они начали учебу в 1932 г. и выпустились в 1937 г.

Реорганизация филиалов продолжилась, но уже в увязке со средними специальными учебными заведениями и номенклатурой специальностей. В апреле 1932 г. по постановлению СНК СССР при отделе кадров ММК открыли вечерние подготовительные курсы по подготовке молодых рабочих к поступлению в вузы и техникумы.

1 апреля 1932 г. бюро Магнитогорского горкома ВКП(б) приняло постановление об открытии в городе нескольких институтов. В нем говорилось, что «в целях подготовки инженерно-технических кадров для строительства и эксплуатации металлургического и коксохимического комбината из командного состава производства (бригадир, десятник, мастер, техник-практик и пр.) на ходу, без отрыва от производства и полном соответствии с требованием новых агрегатов и новых методов организации производства и труда, во исполнение постановления секретариата обкома ВКП(б) от 4 марта 1932 г. бюро горкома ВКП(б) постановляет: организовать на площадке сеть сменных институтов и техникумов в следующем виде:

1. Металлургический институт и техникум по специальностям: домна, прокат, мартен, холодная и горячая обработка металла, энергетика, шамотно-динасовое производство.
2. Строительный институт и техникум по специальностям промышленного строительства.
3. Горно-рудный институт и техникум по специальностям эксплуатации рудных месторождений и обогащения руд.

В соответствии с этим постановлением начальник строительства и эксплуатации Магнитогорского металлургического комбината 27 апреля издал приказ об открытии вышеназванных институтов, в котором указывалось, что комплектование сменных институтов и техникумов производить из числа занятых на производстве практиков-техников, мастеров, десятников, бригадиров и старших рабочих в соответствии с основной специальностью,

обладающих знаниями для институтов в объеме девятилетки, для техникумов – семилетки.

Директорами институтов были назначены: металлургического – Д.А. Усманов, помощник директора завода по производственным совещаниям; строительного – Ф.Я. Клявин, директор бетонитового комбината; горного – Е.Д. Киселев, инженер-экономист горного управления. Новым руководителям институтов было предложено установить договорные отношения с уральскими институтами в г. Свердловске о методической помощи, обеспечении учебными планами и программами, преподавателями³⁶.

Так, по постановлению Уралобкома ВКП(б) и Магнитогорского горкома партии в мае 1932 г. в городе на новой организационной основе стали действовать филиалы уральских институтов – металлургический, горно-рудный, строительный, нацменотделение рабфака. Их называли сменными, поскольку занятия для обучающихся без отрыва производства, проводились как вечером, так и днем.

По существу мало, что изменилось. Оставались филиалы, а о создании специального технического вуза речь не шла. В постановлении отсутствовал коксохимический втуз. Причем интересен факт принятия постановления о реорганизации не государственным, а партийным органом.

С сентября 1932 г. начались занятия в филиалах институтов. Филиал горного института находился в здании горного управления металлургического завода. Филиал металлургического института размещался в Кировском районе соцгорода (бывший 25 корпус, ныне ул. Пионерская) в шести комнатах. Недолго просуществовал и филиал энергетического института³⁷. Соцгород был ограничен улицами Маяковского, Кирова, Чайковского и проспектом Пушкина.

Квартал строился в начале 1930-х гг. по проекту немецкого архитектора Э. Мая³⁸.

В сентябре 1932 г. был произведен первый прием студентов на младший курс вечернего отделения металлургического института, – всего в количестве трех групп (76 человек). В том же году в институте начали функционировать: кабинет физики, химическая лаборатория, библиотека. Так, было положено начало высшему техническому образованию в только что родившемся социалистическом городе³⁹. К ноябрю 1932 г. в городских вузах обучалось 162 женщины, на рабфаке – 192⁴⁰.

По одной информации, профессорско-преподавательский состав института состоял из девяти человек, в том числе двух доцентов. Институт имел пять аудиторий, две лаборатории: химии и физики, кабинет графики⁴¹. По другим сведениям, в институте работало пять преподавателей⁴².

За год работы филиалов в чрезвычайно трудных условиях по инициативе небольшого коллектива молодых преподавателей (Василенко Г.С., Егоров В.И., Корж П.Д., Лапин Н.Н., Темялко В.С.) была создана материальная база для выполнения программы первого курса: библиотека, кабинеты физики, химии, необходимая методическая документация. В физическом кабинете, который обслуживал и слушателей рабфака, работали три преподавателя: Павел Диомидович Корж, Рахиль Григорьевна Виленская, Николай Федорович Ильин⁴³.

Сохранившиеся воспоминания первых студентов и преподавателей МГМИ передают незабываемый колорит и атмосферу тех лет. Один из первых студентов нового института, в последующем заместитель главного редактора областной газеты «Челябинский рабочий», Р. Шнейвас писал, что «когда было принято решение о создании в Магнитогорске филиала Свердловского института «Стали», то это для нас, рабочей молодежи, тянущейся к учебе, стало большим праздником. Это было и большой культурной победой для всего города и, прежде всего, победой партийной организации Магнитки, комсомола.

И вот настал день. Под институт был отведен всего только один этаж только что выстроенного четырехэтажного здания ФЗУ (ныне первое ремесленное училище). Была ужасная грязь, и пробраться к дверям института было чрезвычайно трудно, не было еще электрического света, на скамейках сидели по 6 человек. Но разве это было главное?!

Когда мы говорим: институт, университет, то невольно эти слова ассоциируются с понятием большого здания, или даже архи-

тектурного ансамбля, с лабораториями, библиотеками, аудиториями.

Но, увы, ничего такого не было и в помине, когда мы – первая горсточка студентов – собрались на первые лекции вновь рожденного института. С каким трепетом и волнением ожидали мы этот день!

Сколько нас – молодых людей нового города – мечтали об учебе, сколько раз мы настойчиво и горячо доказывали в горьком комсомола, в горьком партии, что время идет, и мы хотим учиться, стать специалистами. А нам неизменно говорили: потерпите, организуем свой институт в Магнитке. Но трудно было поверить этому. Где, с чем и с кем создадут институт на голом месте, по существу в степи, где население в большинстве своем живет еще в палатках, землянках, бараках, где только заложены фундаменты будущего города и только пущены первые агрегаты нового металлургического комбината?

Но жизнь предъявляла свои требования. Уже был пущен в эксплуатацию рудник горы Магнитной, коксовые батареи, доменная печь; готовились к пуску первые мартеновские печи, прокатные станы. Сюда – к этим агрегатам, оснащенным передовой техникой, – должны были стать тысячи людей, овладевших этой техникой; сотни советских специалистов»⁴⁴.

Именно так эмоционально встречали учебные занятия первые студенты будущего горно-металлургического института. Невдобства, встретившиеся перед учащимися, нисколько их не смущали. Главное, что их ожидали новые, неизведанные научные знания и возможность их применить сразу же на производстве.

А. Тиховидов, студент 1932-1937 гг., затем главный инженер горнорудного управления (ГРУ) ММК писал: «Вряд ли вы можете себе представить, что 30 лет назад института, как такового, не было. В 1932 году я со своими товарищами с радостью и волнением пришел на первую лекцию. Были у нас тогда минуты разочарования и колебания, были и трудности. Настроение нам портили пессимисты и скептики, которые говорили, дескать, создать институт в строящейся Магнитке невозможно. Многие бросали институт, горько вспоминая при этом басню Крылова «Лиса и виноград».

Благодаря усилиям большого числа энтузиастов и старейших преподавателей П.Д. Коржа, Г.С. Василенко, В.С. Темялко, В.Д. Чистоты, А.Г. Пассовского и многих других институт Магнитогорска окреп и вырос в первоклассное высшее учебное заведение»⁴⁵.

О.С. Меженный – секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) по кадрам, инженер-металлург, выпускник МГМИ писал: «Следует

традиции большевистской партии о предвидении в руководстве, заботе о будущем, – развивающемся, – здесь велась неустанная работа по подготовке будущих кадров – инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Готовили кадры в процессе работы, закаляя их опытом гигантской стройки, но одновременно с этим шла подготовка и по всем другим путям.

Тысячи рабочих получили специальные знания на курсах теоретической, организованных при управлении строительства. Была развернута сеть кружков различного типа по повышению квалификации мастеров, техников, инженеров. Начал функционировать индустриальный техникум.

И, наконец, как логическое развитие этой цепи мероприятий, решением Правительства осенью 1932 года в Магнитогорске открывается высшее техническое учебное заведение – Горно-Металлургический институт»⁴⁶.

Вот что рассказывал один из первых выпускников института А.Г. Николаев, работавший позже начальником цеха подготовки составов ММК: «В 1932 году не приходилось мечтать об отдельном здании для института. Великой благодатью считалось, что, например, в горном управлении как-то смогли потесниться и выделить две комнаты для студентов. Два остальных факультета были расположены в доме по ул. Пионерской, где одновременно с нами занимались рабфаковцы и шли занятия техникума.

Преподавателей в институте было немного. Среди них П.Д. Корж, Г.С. Василенко, Н.Н. Лапин. Интересно наши педагоги организовывали тогда свой быт. Они создали коммуну: за стол садились одной большой семьей, вместе ходили в кино, на концерты.

Мы, студенты, прибывали в аудиторию по «индустриальным рельсам» в полном смысле этого слова. Для студентов к шести часам вечера прямо на стройку, к цехам подгоняли несколько товарных вагонов. Таким же образом нас доставляли обратно.

Случалось, что «студенческий экспресс» подкатывал к нашему учебному заведению раньше положенного времени. Без предупреждения знали – аврал, конец занятий. Значит, прибыл на комбинат состав с огнеупорами или прокатным оборудованием, а разгружать некому. И несколько часов все мы, рабфаковцы, студенты, учащиеся техникума вместе с преподавателями, передаем по конвейеру кирпич, детали оборудования.

Но как бы тяжело ни приходилось, а подготовку мы в институте получили основательную. Об этом можно судить хотя бы по тому, что из студентов первых выпусков МГМИ вышло немало настоящих специалистов»⁴⁷.

А.И. Матенков, прибывший в 1931 г. в Магнитогорск, вспоминал о том, что работал в горнорудном управлении лопаточником. Окончил курсы съемщиков, затем трудился в проектно-копировальщиком. Осенью открылись курсы по подготовке во втуз, на которые он поступил учиться. На базе этих курсов был организован рабфак, куда вместе с другими курсантами его перевели сразу же на 3 курс. Рабфак помещался в неотапливаемом здании горнорудного управления. Для него отвели одну комнату. Перед началом занятий топили печку. В 1932 г. здесь же открыли сменный горный институт. Как окончивший рабфак, он поступил на 1 курс института. Отпуск на производстве брал во время зачетных сессий, что позволяло аккуратно сдавать экзамены и зачеты. На 5 курсе учился с отрывом от производства и защитил диплом на «отлично»⁴⁸.

А.Н. Шмырев, начальник отдела организации труда ММК, инженер-металлург первого выпуска МГМИ, позднее начальник отдела Госплана РСФСР так оценивал годы учебы: «Учиться в высшем учебном заведении мне очень хотелось. После прибытия в 1932 г. в Магнитогорск я вскоре вступил в число студентов Горно-Металлургического института. Годы занятий в институте, когда надо было учиться и одновременно работать, были не легкими, но все же этот период был самым интересным, насыщенным яркими, запомнившимися на всю жизнь событиями.

Магнитогорский Горно-Металлургический институт в первые годы своего существования пережил много организационных затруднений. Мы, студенты первого приема, переживали вместе с руководителями и преподавателями института всевозможные затруднения и неполадки, и по существу были не только студентами, но и участниками в его создании и формировании.

Когда мы учились на первых курсах, еще не было окончательно установлено по каким металлургическим специальностям нас будут квалифицировать и выпускать. Не без участия первых студентов был решен Наркоматом вопрос об открытии прокатного отделения. Нам пришлось энергично добиваться этого решения. Студенческие организации активно добивались более удобного размещения института, его оборудования, организации перевозки студентов после вечерних занятий в Соцгород (трамвая в Магнитке тогда еще не было) и т. д.

Больше того, при участии студентов-вечерников, работавших на металлургическом комбинате, налаживались связи с заводскими работниками, привлекались к преподаванию квалифицированные специалисты-производственники. С каждым годом с помощью металлургического комбината рос и пополнялся преподавателями

и учащимися, оборудованием, литературой Магнитогорский Горно-Металлургический институт.

Одновременно с этим росли и мы, первые студенты МГМИ. Недочеты в организации учебного процесса в значительной мере компенсировались наличием производственного опыта у многих студентов, возможностью немедленного подкрепления теоретических знаний практической работой на заводе и исключительным рвением большинства студентов и преподавателей. Навсегда запомнилось, с каким старанием, с какой энергией работали в то время старейшие преподаватели института – т. т. Н.Н. Лапин, П.Д. Корж, В.С. Темянко, погибший на фронте Отечественной войны Г.С. Василенко и другие.

Когда наступило время для изучения специальных дисциплин, к нам прибыла группа опытных и любящих свое дело преподавателей из других вузов Союза, в частности из Ленинградского политехнического института. Среди них особенно запомнились каждому из нас ленинградцы – доцент А.А. Безденежных и доцент М.И. Бояршинов.

Наряду с преподавателями, прибывшими из других вузов, нас обучали и лучшие инженеры-производственники комбината. Много дали лекции и практические занятия, проведенные с нами заводскими инженерами, ныне лауреатами Сталинской премии т. т. Б.П. Бахтиновым и К.И. Бурцевым.

Как дружно, серьезно и вместе с тем жизнерадостно учились мы, студенты-вечерники, хотя среди нас было немало и немолодых уже людей, обремененных семьями. Много хорошего, нового и интересного каждый из нас узнал, услышал, на всю жизнь приобрел в институте.

С удовлетворением и благодарностью вспоминаю я время учебы в МГМИ и тех людей, которым обязан в получении знаний, и тех, вместе с которыми на протяжении нескольких лет учился для того, чтобы теперь работать инженером на нашем советском предприятии»⁴⁹.

Один из первых студентов Л.А. Волков, в будущем доцент, заведующий кафедрой экономики и организации производства МГМИ, вспоминал: «МГМИ начинал свое развитие как вечерний факультет Уральского политехнического института в 1932 г. на базе первого выпуска вечернего рабфака. Из 76 выпускников рабфака – молодых строителей комбината сформировалось три специальности: «Металлургия чугуна и стали», «Прокатное производство» и «Разработка месторождений полезных ископаемых». Я был в числе студентов первой специальности. Учебный год будущий горно-металлургический институт начал в первом в Магнитогорске

жилом капитальном доме по улице Пионерской, второй – в здании профессионально-технического училища на проспекте имени Пушкина, последующие – в капитальном здании на Ежовке, – довольно далеко от строящегося комбината, где мы работали. Городского транспорта и дорог не было.

Преподаватели и студенты, особенно первого приема, поначалу переживали очень большие трудности. Все работали с большим напряжением, нередко в неотапливаемом помещении. Учебников, тетрадей не хватало. Лабораторная база была примитивная. Переходы на работу, в институт, домой требовали много времени, которое рассчитывалось буквально по минутам.

Нашими первыми наставниками были в основном молодые инженеры, работники комбината и стройки, и молодые тогда педагоги, почти ровесники студентов. П.Д. Корж, М.И. Бояршинов, В.И. Егоров, В.С. Темяно, А.А. Безденежных, А.Г. Пассовский связали всю свою плодотворную жизнь с институтом»⁵⁰.

Среди первых выпускников был М.М. Иванов, ставший начальником термического отдела ЦЗЛ ММК. Он так описывал начало учебы в институте: «Осень 1932 года была знаменательна для магнитогорцев открытием первого приема в Магнитогорский Горно-Металлургический институт. Многих радовало, что имелось и вечернее отделение без отрыва от производства и даже с организацией лекций по сменам. Десятки жаждущих получить образование устремились в аудитории вновь открытого вуза. Наряду с юношами, только что окончившими среднюю школу, можно было встретить «пожилых» 30-35 летних мужчин и женщин.

В спецовках приходили они на лекции прямо из цехов. Каждая свободная минута после работы на производстве отдавалась лекциям в институте и восстановлению в памяти забытого из программы средней школы.

Малочисленный тогда еще коллектив преподавателей, не жалея сил, боролся за удержание в институте каждого студента. Еще начинающих преподавателей Н.Н. Лапина, П.Д. Корж, А.Г. Пассовского, В.С. Темяно и др. можно было встретить в институте в любое время готовыми помочь студентам консультациями и указаниями. Не все выдерживали. Часть студентов, не преодолев трудности, оставила учебу. Первый год учебы и для меня оказался самым трудным. Дальше втянулся: напряженный режим и учеба начали приносить большое удовлетворение. Особый интерес вызывало изучение специальных дисциплин. К тому времени многие из нас занимали уже командные должности в цехах комбината и в институте искали и находили ответы на многие вопросы производства, непонятные до того.

Знания, полученные в вузе, тут же проверялись и применялись на производстве, а наличие опыта цеховой работы способствовало более осмысленному и глубокому прохождению курса»⁵¹.

Студенческие воспоминания позволяют осознать насколько значим для поступивших был институт. Не считаясь с личным временем, будущие инженеры после тяжелой работы садились за учебники и конспекты, постигали важные для них науки, знакомились с практическим опытом инженеров-практиков, работавших на стройке и металлургическом комбинате. Не все выдерживали тяжелые испытания. Для некоторых учеба оказалась не под силу. Но тот, кто выдержал трудности, нисколько не пожалел о проведенном за студенческой партией времени. Добрые слова о первых преподавателях – это высокая оценка их каждодневного труда.

Свои воспоминания оставили и преподаватели. Преподаватель В.С. Темянко рассказывал: «В напряжении рабочих дней не хватало времени подумать о себе, о собственном быте. Все преподаватели, жившие тогда в первом фундаментальном доме на Пионерской улице, объединились в «коммуну», сообща готовили завтраки и ужины, кому-то поручалось для всех приобретать билеты в кино, цирк, на редкие концерты приезжих знаменитостей.

Меня уговаривали вернуться в Ленинград, где я раньше учился, обещали в любое время принять в аспирантуру, но мне уже с Магниткой невозможно было расстаться. Меня захватил этот головокружительный темп магнитогорской жизни. Кроме преподавательской работы была еще масса всевозможных дел и поручений. Меня избрали членом окружкома комсомола, депутатом горсовета I и последующих созывов (на протяжении более 20 лет), секретарь горкома партии Р. Хитаров поручил создать первый городской лекторий.

И пусть еще не было специальных зданий и лабораторий – тяга к учебе преодолевала любые трудности! Занятия по химии, математике и другим предметам проводились в бараках, в столовой механического цеха. Занимались и ранним утром, и в обеденный перерыв и вечерами.

Тогда кафедру химии в только что созданном институте представляли всего четыре человека – заведующий Н.Н. Лапин, ассистент В.С. Темянко, лаборант и уборщица. Да и на других – специалистом было не больше. На кафедре физики П.Д. Корж, математики – Г.С. Василенко, графики – А.Г. Пассовский, преподаватель сопротивления материалов – В.И. Егоров.

Вспомнить хотя бы расписание лекций, они продолжались «от зари до зари», с утра и до позднего вечера, для самых разных по подготовке слушателей: студентов института, слушателей раб-

фака, учащихся горпромуча, на курсах переподготовки учителей... Чтобы попасть на очередную лекцию, приходилось отмеривать немалые километры. Курс читался иногда прямо в цехе, куда после утомительных смен на пуск первых домен, мартенов собирались металлурги, строители»⁵².

Как вспоминал преподаватель П.Д. Корж, в будущем профессор МГМИ, «первые лекции мне пришлось читать студентам, которые были специалистами с большим производственным стажем. Работать с ними было отраднo, несмотря на большие трудности в период зарождения института. Первая трудность заключалась в том, что специального здания для института не было, и занимались мы в жилом помещении по улице Пионерской в корпусе № 27. Аудитории были малы, поэтому читать лекции приходилось для каждой группы отдельно. А кафедра состояла из одного человека.

В двух комнатах размещалась лаборатория. Оборудование там имелось небогатое. Лабораторные работы по содержанию, с современной точки зрения, были элементарными: по электричеству ограничивались проверкой законов постоянного тока и т.п. Несколько лучше была оборудована лаборатория оптики. Студенты к выполнению работ относились с большой серьезностью, сначала они сдавали коллоквиум, проявляя при этом глубокие знания по содержанию и теории лабораторных заданий.

Термина «академическая задолженность» в то время не существовало. Некоторые группы сдавали экзамены только на хорошо и отлично.

В несколько лучших условиях находились наши лаборатории, когда институт располагался в здании ФЗО на 1-м участке. Число членов кафедры увеличилось до 2-х человек. Здание на Ежовке, в котором институт прожил около 20 лет, считалось уже для «барачного» города прекрасным.

Отличительной чертой студентов первых лет являлась их зрелость. В общежитии барачного типа, где в каждой комнате жили по 25 человек, царил, исключительный порядок. Студенты не только хорошо учились, но и умели хорошо отдыхать. Художественная самостоятельность была массовой, организованной и боевой. На протяжении многих лет работал физический кружок»⁵³.

Заведующий кафедрой химии МГМИ Н.Н. Лапин поделился в газете «Магнитогорский рабочий» размышлениями о проблемах становления института и своих планах на будущее. В 1932 г. его направили в институт, который встретил, как считал он, приветливо. Он поселился в общем бараке. Корпус института был недостроен. Никаких лабораторий не было.

Дирекция и преподаватели взялись за оборудование кабинетов и лабораторий. Это было самое трудное время. Работали без выходных дней, свободные вечера – редкость. Каждый час свободного времени он тратил на подготовку к лекциям и на изучение научной литературы. Для научной работы не было ни времени, ни условий: химическая лаборатория находилась еще в стадии формирования⁵⁴.

Старший преподаватель кафедры графики А. Пассовский так оценивал прошлое: «В течение одного 1932-33 года в доме №27 по Пионерской улице размещался филиал металлургического института города Свердловска. В нем на втором этаже занимались три группы металлургов в количестве 75 человек и две – энергетиков в количестве 50 человек. Этот дом в то время был своего рода уникалом. Кроме института, в нем сосредоточивались следующие культурные учреждения города: библиотека отдела кадров, металлургический техникум (прообраз нынешнего индустриального техникума), строительный техникум, рабфак, курсы по подготовке во вуз и проектный отдел строительства жилых зданий соцгорода.

Учебные занятия в те годы проходили в две смены. Здание внутри не было оштукатурено. Аудитории, если выразиться современным языком, отделялись деревянными простенками, через которые была слышна речь другого преподавателя. Студенты как бы присутствовали на двух лекциях. Они шутили: «Вместо четырех часов можем заниматься только два». Было очень тесно. Занимались даже в коридорах. В тяжелых условиях приходилось вести лекции математику Виктору Германовичу Раменскому. Его высокая сутулая фигура хорошо запомнилась старым работникам института. Будучи в свое время председателем местного комитета, Виктор Германович активно участвовал в нашей общественной жизни. Вместе с ним работал талантливый математик Георгий Семенович Василенко, погибший в Великую Отечественную войну, способный физик Павел Диомидович Корж, тогда еще молодой человек с густой копной черных волос. В следующем 1933 году металлургический институт вместе с горным, находившемся ранее на РИСе в здании горного управления, переехал в новый корпус, где помещается ремесленное училище №1, и занял правое крыло третьего и четвертого этажей. Пребывание нашего института в этом здании примечательно тем, что он впервые стал называться горно-металлургическим.

Инженерно-строительный институт в это время находился в четырехэтажном доме №40 по улице Маяковского. В 1934 году инженерно-строительный институт прекратил свое существование, и никакой преемственности с нашим институтом он не имеет.

Все студенты тридцатых годов учебу совмещали с работой на производстве. Их тяга к знаниям была необычной. Транспорта не было. И чтобы добраться до института, приходилось пешком покрывать многие километры. Хорошо об этом рассказал в своем стихотворении наш выпускник П. Щулепников:

«Приходили, меся сапогами
Километры разрытых дорог,
Но усталость прощалася

С нами,
Лишь на твой мы ступали
порог»⁵⁵.

Среди первых руководителей института оказались выдающиеся личности. Ранее началом создания МГМИ считался 1932 г. В 1962 г. со словами приветствия по случаю юбилея МГМИ обратился Заместитель Генерального секретаря ООН, бывший первый директор горного института, филиала Свердловского горного института Е.Д. Кисилев. Он написал: «Мне довелось участвовать в его рождении в 1932 году, когда меня, молодого специалиста, работавшего на руднике Атач, выдвинули по инициативе партийной организации ГРУ [горнорудного управления] первым директором Горного Института. Несколько позже Горный Институт и Metallургический Институт были слиты. Когда меня назначили директором института, в нем был только один человек – я. Пришлось начинать с самого начала, но с помощью комбината и партийной организации удалось в том же 1932 году начать в учебных помещениях Горного техникума первый учебный год Института.

Все трудности, а их было немало, преодолевались горячим энтузиазмом молодости. Нам тогда пришлось учить и учиться самим.

Вспоминаю, что как раз в то время на Магнитку приехали на практику несколько студентов и дипломантов Свердловского Горного института тт. П.Э. Зурков, К.В. Зебзиев и др., которые охотно помогали новому ВУЗу»⁵⁶.

Такие яркие, эмоционально окрашенные воспоминания, оставили о том времени первые преподаватели и руководители МГМИ. Не только студентам приходилось преодолевать невзгоды первых лет формирования института. Но и преподаватели, несмотря ни на что, были настроены работать в новом вузе. Не только организовывать учебный процесс предстояло в новом учебном заведении, но и создавать первые лаборатории, кабинеты. Желание работать было выше организационных и бытовых неурядиц. Не зря студенты гордились своими педагогами. Общими усилиями

администрации и небольшого педагогического коллектива удалось справиться с трудностями становления нового втуза.

Потребность в инженерных кадрах росла с каждым днем. В 1932 г. на 10626 рабочих Магнитогорского металлургического завода приходилось 156 дипломированных инженеров и 116 техников⁵⁷. В 1932 г. ОГПУ направило в Магнитогорск до 30 специалистов, обвиненных во вредительстве. Большинство из них проходило по делу Промпартии⁵⁸. Они также участвовали в строительстве завода и в его эксплуатации. Но это была капля в море. Инженеров не хватало.

Откуда же было взяться инженерам, если большую часть трудящихся Магнитогорска составляли крестьяне. Некоторые из них прибыли по вербовке. Но многие оказались в Магнитогорске не по своей воле. Массовая коллективизация проходила с жесточайшим раскулачиванием и высылкой сельских жителей в необжитые районы страны и на новостройки.

Удельный вес спецпереселенцев в 1930-х гг. составлял от 40 до 70% строителей Магнитогорского металлургического завода⁵⁹. По данным В.П. Баканова, в августе 1931 г. в Магнитогорске проживало 32680 спецпереселенцев⁶⁰. Кроме того, в Магнитогорской исправительно-трудовой колонии в начале 1933 г. только по статье 58 УК РСФСР (антисоветская деятельность) находилось 26,8 тыс. заключенных⁶¹.

В то время на строительстве и эксплуатации металлургического завода остро стояла кадровая проблема. В 1932 г. на Магнитострой прибыло 30801 человек, в том числе 7972 женщины, а выбыло 27119 человек. Причины текучести определялись: отказом от работы (за 10 месяцев 1932 г. – 1221 человек), прогулы (1207), окончание срока вербовки (6611), собственное желание (5174), побег с производства – 7717 человек⁶². К ноябрю 1932 г. женщин на производстве стало 18 тыс. (22%). Среди 294 ИТР женщины составляли 6%⁶³. Как и прежде, среди инженерно-технических работников не хватало специалистов с высшим образованием.

Грамотность горожан находилась на низком уровне. На 1 марта 1932 г. в городе были учтены 31,4 тыс. неграмотных спецпереселенцев⁶⁴. По другим сведениям, на 1 января 1932 г. в Магнитогорске насчитывалось почти 12 тыс. неграмотных и малограмотных⁶⁵. Но постепенно грамотность населения стала возрастать. Принимались меры по ликвидации неграмотности.

В резолюции III объединенного пленума Уралсовета и ОблКК ВКП(б) (областной контрольной комиссии коммунистической партии) по докладам т.т. Ошвинцева и Крумина (февраль 1933 г.) указывалось, что грамотность населения Уральской области (из

которой в 1934 г. выделилась Челябинская область), с 1926 г. возросла с 49,3% до 95% в 1932 г. Количество вузов увеличилось с восьми в 1927/28 г. до 34. В высших учебных заведениях Урала обучалось 18 тыс. человек, что в 5 раз превышало показатели начала первой пятилетки⁶⁶. По другим сведениям, в Уральской области в 1928/29 г. имелось два стационарных вуза с 3,5 тыс. студентов, а в 1932/33 учебном году – 34 вуза с 18,4 тыс. студентами⁶⁷. В это число входили и магнитогорские студенты.

Действительно, культурная революция происходила в стране. Ликвидировалась неграмотность, и одновременно с этим открывались широкие возможности в получении среднего специального и высшего образования. Ярким примером тому служила Магнитка. Положительная динамика в формировании системы высшего образования в городе прослеживалась на протяжении всех 1930-х гг.

В 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О строительстве Магнитогорского металлургического завода». Началось ускоренное строительство гиганта металлургии. 1 февраля 1932 г. был выдан первый чугун. 8 июля 1933 г. на заводе получили первые 100 тонн стали. Через 20 дней вступил в строй мощный блюминг. Магнитогорский металлургический завод стал предприятием с законченным металлургическим циклом⁶⁸. Для ритмичной и качественной работы этого мощного промышленного предприятия необходимы были высококвалифицированные специалисты. Их мог дать только местный горно-металлургический институт.

В постановлении пленума горкома ВКП(б) от 4 октября 1933 г. по докладу секретаря горкома Ломинадзе указывалось на некомплектованность кадрами ИТР большинства действовавших цехов ММК. Пленум просил НКТП направить для работы на Магнитке новые кадры молодых специалистов, в первую очередь, механиков и электриков⁶⁹. Надежды на помощь центра все же были призрачны. В стране вузов и их выпускников было явно недостаточно. Инженеров следовало готовить на месте. Причем и на дневном отделении.

В том году многое было сделано для упорядочения системы высшего образования в городе. Особое значение имел приказ № 133 по Управлению строительством и эксплуатации Магнитогорского металлургического комбината от 10 марта 1933 г. В нем указывалось, что в целях приведения в соответствие контингента высшей и средней учебно-технической сети с требованиями комбината – с одной стороны, и снижения расходов по ее содержанию – с другой, установить на 1933 г. высшую и среднюю сеть стационарных учебных заведений комбината в следующем виде: 1. Гор-

но-металлургический институт с рабфаком при нем в составе: а) металлургического отделения – филиала Уральского института стали – на 75 человек; б) горного отделения – филиала Уральского горного института – на 75 человек; в) энергетического отделения – филиала Уральского энергетического института – на 75 человек. Всего: 225 человек. г) Рабфака – 1) нацменотделение (с отрывом от производства – 110 человек; 2) вечернее отделение (без отрыва от производства) – 395 человек.

2. Магнитогорский филиал Уральского строительного института – на 150 человек.

В примечании к приказу говорилось, что в связи с решением Главного управления учебных заведений Наркомата тяжелой промышленности СССР (ГУУЗа НКТП) о свертывании строительного института поставить вопрос перед ГУУЗом НКТП и Уральским строительным институтом о порядке окончания учебы студентов 3-го курса, в части же студентов 1 и 2 курсов охватить системой ФЗТК. Директора институтов и техникумов должны были утверждаться в Управлении строительством и эксплуатации ММК⁷⁰.

Студенты строительного института оказались в худшем положении после ликвидации филиала. Особенно это касалось младших курсов. Технические курсы не могли заменить обучение в вузе.

Таким образом, по сравнению с предыдущим годом вместо металлургического института и техникума создавалось металлургическое отделение, а вместо горно-рудного института и техникума – горное отделение. Появилось новое энергетическое отделение. Кроме того, в горно-металлургический институт вошел рабфак, который действовал еще с 1931 г. В нем имелось так называемое нацменное отделение.

Национальная политика советского государства решала важную задачу: подтянуть в культурном отношении отдельные народы, проживавшие в СССР, на более высокий уровень. При оценке экономического положения национальных меньшинств отдел национальностей ВЦИК РСФСР в 1928 г. выделил 3 группы: 1) эстонцы, латыши, поляки и некоторые другие; 2) татары, киргизы, казахи, калмыки; 3) мордва, чувашы, удмурты и некоторые народности Сибири. К меньшинствам относились «живущие маленькими вкрапленными группами в национальных республиках, а особенно в немногих областях РСФСР» свыше 10 млн. чел. Госплан РСФСР в 1930 г. предлагал подотчетным организациям считать национальными меньшинствами «всех, не относящихся к коренной национальности данного края, автономной республики, области»⁷¹.

К национальным меньшинствам в Челябинской области в то время относили казахов (или как писали тогда казаков), татар, башкир, нагайбаков и другие народы. Причем иногда в информации некоторые из этих категорий населения публиковались отдельно от нацмен.

Рабфаки являлись исключительно важным звеном в системе национального образования в СССР. Они осуществляли подготовку в вузы молодежи, не получившей своевременно среднего образования. По сравнению с другими вузами, в национальных вузах и на рабфаках были снижены некоторые требования к поступающим⁷². Школы в национальных республиках и автономиях давали очень слабую подготовку по всем учебным дисциплинам, особенно по русскому языку. Без хорошей языковой подготовки учиться в вузах было невозможно. Поэтому для такой категории населения рабфаки открывали возможность ликвидировать пробелы в школьном образовании и подготовиться к поступлению в вуз. Специально для них организовывалось обучение с отрывом от производства, причем на несколько лет.

В преподавательской работе на рабфаке в основном были задействованы учителя школ, прежде всего, знавшие национальные языки. Контингент рабфака был очень сложный и его подчинение руководителю института, в должности которого указывалось директор института и рабфака, налагало особую ответственность за выполнение партийных установок по реализации национальной политики.

Но все же рабочий факультет стал существенным подспорьем в подготовке абитуриентов. За большой срок учебы (четыре года) можно было попытаться из сотен обучавшихся найти десятки человек, способных учиться в институте. Трудности работы с таким контингентом были необычайные. Незнание русского языка и чрезвычайно слабая школьная подготовка не позволяли всех студентов рабфака сделать отличниками и хорошистами.

На рабфаке МГМИ на нацменном отделении студенты обучались с отрывом от производства. Поэтому к статистике движения контингента на рабфаке не стоит относиться предвзято. Даже те из рабфаковцев, кто не поступил в институт, сумели получить здесь качественное образование, которое пригодилось в их дальнейшей жизни.

В 1933 г. много нацмен работало на производстве и строительстве цехов Магнитогорского металлургического комбината. В работе с нацменами особую озабоченность вызывала их профессиональная подготовка. Средняя зарплата от выполнения неква-

лифицированной работы у них была очень низкой, и составляла от 75 до 124 рублей.

Большая часть нацмен, прибывших в Магнитогорск в 1933 г., была истощена: не нужно забывать, что в это время в стране и на Урале стоял голод. Поэтому на рабфаке им установили дополнительное питание.

Смертность среди нацмен в городе была высокой. В августе 1933 г. умерло 20 человек, в том числе 16 детей, в сентябре – 49 (26), в октябре – 16 (10), в ноябре – 6 (4), в декабре – 3 (2).

В январе 1934 г. смертность вновь поднялась до 19, а с февраля наметился спад – 5, в марте – 6, в апреле – 1, в мае – 8, в июне – 1, в июле – 2, в августе – 1. С сентября смертность от истощения уже не наблюдалась, а ранее она составляла 87,7% от всех умерших. На рабфаке МГМИ тогда обучалось 136 нацмен, из них казахов – 55, татар – 63, башкир – 13 и др.⁷³

Безрадостная картина наблюдалась среди национальных меньшинств, приехавших в Магнитогорск. Предстояло не только обеспечить им достойный уровень жизни, который мог быть возможным в тех условиях, но и обучить, повысить квалификацию, а наиболее способных подготовить к поступлению в институт.

В заметке в газете «Магнитогорский рабочий» «Рабфаку – устойчивый состав студентов» говорилось следующее. Итоги учебного года на рабфаке показали, что в прошлом году ни администрация самого рабфака, ни общественные организации цехов не уделяли достаточного внимания этому учебному заведению.

На рабфак приглашали всех, кого придется: и недостаточно квалифицированных рабочих и малограмотных. В результате от 600 человек в начале года к концу осталось 270.

Помещение к началу учебного года оказалось неподготовленным. Занятия проводились кое-как, по коридорам, без достаточного количества столов и стульев, окна в ряде комнат были забиты фанерой. Не хватало чернил, ручек. Чтобы не повторить ошибок, новая учебная часть во главе с Бернштейном подготовилась к новому учебному году. Как же прошла подготовка?

Для обеспечения хорошего состава студентов на новый учебный год создали из кадровых рабочих-студентов специальные комиссии, проводившие вербовку на рабфак по цехам ММК лучших квалифицированных рабочих⁷⁴.

Так, формировалось новое учебное подразделение, с помощью которого удалось пополнить МГМИ первыми студентами. Причины большого количества отчисленных рабфаковцев крылись, прежде всего, в том, что еще не была хорошо отлажена система приема на факультет. Одного желания учиться на рабфаке

было недостаточно, нужны были знания, а их у большинства поступавших не хватало. Столкнувшись с первыми трудностями, часть студентов покинула рабфак. Руководству института предстояло учесть все недостатки и более качественно провести прием новых студентов.

Итак, в 1933 г. произошло объединение металлургического, горного и энергетического втузов. Новое структурное преобразование не меняло, по сути, коренным образом прежнее положение. Горно-металлургический институт по-прежнему не являлся самостоятельным высшим учебным заведением: его отделения оставались филиалами свердловских институтов. Преподавателей и помещений от такой реорганизации не добавилось. Институт находился в соцгороде в шести комнатах жилого дома № 7 по улице Пионерской. Все студенты обучались без отрыва от производства⁷⁵. Но это все же был шаг вперед к созданию в будущем полноценного втуза.

Распоряжением по Управлению строительством и эксплуатации ММК от 21 апреля 1933 г. в связи с окончанием 4 курса рабфака учащиеся освобождались от работы на производстве с переводом на стипендию с 1 мая по 1 июля. Переведенные на стипендию учащиеся получали отпуск на производстве в период с 1 июня по 1 сентября⁷⁶.

В начале июня 1933 г. директором горно-металлургического института была назначена М.И. Кузьмицкая. Однако работу вновь созданного втуза оценивали пока что неудовлетворительно. Директору института Кузьмицкой М.И. в октябре 1933 г. объявили выговор за недостатки в подготовке к учебному году и освободили от должности по собственному желанию. За проделанную работу, как это ни странно, она получила благодарность. Временно обязанностями директора института стал исполнять Прохорчук⁷⁷.

15 декабря постановлением секретариата Магнитогорского горкома ВКП(б) директором горно-металлургического института был рекомендован И.Д. Сафронов, член партии с 1919 г. Он возглавлял институт до августа 1934 г.⁷⁸ Заместителем директора стал Прохорчук, во главе учебной части – Неволин, заведующим хозяйством – Рудных, бухгалтером – Соснин⁷⁹.

По одним данным, в 1933 г. в штате института числились: один руководитель, три доцента и ассистент. К началу 1934 г. профессорско-преподавательский персонал увеличился до 16, в том числе состоящий из 11 доцентов и четырех ассистентов⁸⁰.

По другим сведениям, первоначальной ячейкой, из которой вырос МГМИ, являлись курсы по повышению квалификации ИТР при отделе кадров заводоуправления. Состав педагогического

персонала тогда определялся четырьмя доцентами, и вместе с производственниками составлял 15 человек. Кроме них, в институте работал один человек в должности преподавателя, и имелось три ассистента. В те годы штатной единицей являлась должность преподавателя, а весь штатный профессорско-преподавательский состав назывался научными работниками. Всего в институте насчитывалось 19 человек ППС⁸¹.

Кафедры в институте отсутствовали, а имелись только цикловые комиссии, во главе которых стояли более квалифицированные из имевшихся преподавателей. Преподавателей с учеными степенями не имелось, степени введут только в 1934 г.

Как видно из приведенных данных, большая часть преподавателей являлась совместителями из числа работников металлургического комбината. Из-за загруженности на производстве и плохих средств передвижения они часто опаздывали на занятия, а иногда срывали их. Аспирантура в институте отсутствовала. Исследовательскую работу в то время вели только преподаватели физики и химии. На первых порах небольшие, но дружные коллективы кафедр физики, химии и высшей математики являлись самыми важными структурными подразделениями зарождавшегося института в организации учебного процесса и научно-исследовательской работы.

Под руководством заведующего физическим кабинетом велись исследования строительных материалов: изучение физических свойств термозита (новый строительный материал); исследование поверхностных свойств специальных сортов стали (определение твердости при различных условиях) и др. В химическом кабинете проводилось исследование воды на предмет технического ее использования; исследование руд и др. Эти и другие научные исследования осуществлялись по заданию управления металлургического комбината. Именно тогда стали устанавливаться тесные связи института и ММК. Во многом это было связано с двойным подчинением как Главному управлению учебными заведениями, так и отделу подготовки кадров металлургического комбината.

Все преподаватели института участвовали в социалистическом соревновании, из них половина являлась ударниками⁸². В целях улучшения учебно-воспитательной работы намечалось в сентябре провести конференцию педагогов и конференцию студенчества всей учебной сети⁸³.

Соревнование проводилось и вне стен института. Причем соревнования проводились по разным поводам. Это могло быть соревнование за то, кто больше перечислит своих средств по займу, на строительство каких-либо значимых на то время объектов и

т.п. Так, в октябре 1933 г. коллектив научных работников и сотрудников Магнитогорского пединститута в количестве 18 человек внес на постройку самолета им. тов. Бубнова 114 руб. 60 коп. и вызвал последовать его примеру научных работников Магнитогорского строительного института⁸⁴.

Формирование профессорско-преподавательского состава по горным специальностям и техническое оснащение проходило следующим образом. Преподавание геологии и геодезии в институте началось в 1933 г., т.е. сразу же с образованием горного отделения, где обучались без отрыва от производства рабочие ММК⁸⁵. Поскольку отсутствовали оборудованные кабинеты, специалисты с производства приходили в институт «не с пустыми руками». В своих научных статьях и диссертациях они приносили материалы, ставшие основой кабинета геологии на руднике горы Магнитной, сотрудники которого – будущие преподаватели читали лекции студентам горных специальностей института⁸⁶.

Не только образовательная и научная деятельность являлись главными в развитии института. Спецификой того времени являлась борьба с политически вредными людьми среди преподавателей и студентов. Не миновали институт так называемые партийные чистки, проводившиеся в ноябре 1933 г.⁸⁷. Но все же, как сообщалось в городской газете, общественные организации института плохо провели чистку от нежелательных элементов. В заметке «Политическая близорукость парторганизации металлургического института», помещенной в газете «Магнитогорский рабочий», сообщалось о преподавателе физики, которую вовремя не разоблачили как троцкистку⁸⁸.

Социальное происхождение в то время играло важную роль. Поэтому абитуриенты, скрывшие свое происхождение, исключались из института. Так, студент металлургической группы Сурин, скрывший факт из своей биографии, что являлся сыном кулака, безоговорочно был отчислен из института в январе 1934 г.⁸⁹.

ММК и институт сообща решали отдельные вопросы. Металлургический комбинат контролировал деятельность филиалов свердловских вузов. О влиянии руководства ММК на учебный процесс говорил тот факт, что без разрешения отдела кадров металлургического комбината с лета 1933 г. запрещалось предоставление отпусков преподавателям всей учебной сети ММК, включая и институты⁹⁰.

Некоторые распоряжения центральных органов посвящались взаимодействию предприятий и вузов. В 1933 г. появился ряд документов, связанных с системой высшего образования. В приказе по Наркомату тяжелой промышленности «О подготовке

специалистов без отрыва от производства» (29 октября 1933 г.) особо подчеркивалась необходимость обучения исключительно практиков, инженеров и техников, квалифицированных рабочих, имевших законченное среднее образование, достаточный производственный стаж и работавших на производстве по той же специальности, по которой они обучались во вузе. Срок обучения устанавливался 4-5 лет при занятиях не свыше 12 часов в неделю. Разрешалось освобождать от производства на последнем году обучения студентов, успешно окончивших предыдущие курсы. Они обеспечивались стипендией в размере не ниже ставки последней работы, но не выше 250 рублей в месяц⁹¹.

Поэтому приказ начальника металлургического комбината от 19 ноября 1933 г. обязывал руководителей цехов передать в учебно-курсовой комбинат заявки на подготовку и переподготовку инженерно-технических работников (инженеров, техников, мастеров, десятников) в 1934 г. В заявке должны были быть отражены потребности цехов, участков в новых кадрах. В обязательном порядке проходили обучение все практики, занимавшие должности ИТР⁹².

В октябре 1933 г. вышло распоряжение по сектору кадров и ГУУЗ НКТП «О порядке распределения молодых специалистов». Согласно этому документу устанавливалось, что распределение производится с таким расчетом, чтобы каждый учащийся за год до окончания учебного заведения знал, на какое предприятие он будет командирован с тем, чтобы его преддипломная практика и дипломный проект были увязаны с характером предстоящей работы.

Специалисты направлялись непосредственно на работу на производство, как правило, на должность низшего технического персонала (помощник мастера, бригадир, десятник, старший рабочий и т.д.) и на рабочие места, требующие технической подготовки. Категорически запрещалось назначать молодых специалистов в управленческие аппараты трестов, объединений, заводоуправлений и на работу в научно-исследовательские институты и проектные конторы. Молодые специалисты должны были отработать не менее пяти лет на производстве⁹³.

В этом распоряжении было рациональное зерно. Специалисты, не прошедшие азов нисовой работы, не знавшие производства, не должны были руководить другими людьми. Но очень часто эти рекомендации нарушались. В управленческих структурах не хватало квалифицированных специалистов, и, не отработав положенный срок на производстве инженер, попадал на работу в хозяйственные органы управления или в партийно-советские органы.

Сроки обучения в 1933 г. были сдвинуты. Вместо 1 сентября в горно-металлургическом институте, техникуме и рабфаке занятия начались с 10 сентября, а в строительном институте по группам старого набора и дневному отделению строительного техникума – с 1 октября. Поздний срок начала учебного года был связан с тем, что студенты-строители учились до 1 августа⁹⁴.

В институт порой принимались и без экзаменов. Распоряжением отдела кадров ММК (октябрь 1933 г.) директора горно-металлургического института обязывали зачислять без экзаменов в число студентов молодых техников, командированных С. Орджоникидзе на рабочие места 3-й комсомольской домны в количестве 40 человек. Для них была организована сменная учеба и предусмотрено в учебном плане факультативное изучение вопросов доменного производства⁹⁵. Дефицит специалистов требовал неординарных подходов. С одной стороны, безусловно, прием в институт без экзаменов снижал качество обучения, но с другой – открывал возможность оперативной, целенаправленной подготовки инженеров для доменного производства.

Обучение на рабфаке, которое началось раньше, чем проводилась реорганизация института, позволило создать задел для первого курса института. Первый выпуск рабфака составил 54 человека, которые затем поступили в институт⁹⁶.

Слабая подготовка абитуриентов требовала от администрации института поднять их уровень знаний. В ноябре 1933 г. на Магнитогорском горно-металлургическом рабфаке организовали курсы по подготовке во втузы без отрыва от производства в количестве 150 человек. Занятия начинались в январе 1934 г. Курсы формировались преимущественно из рабочих, имевших среднее образование 9 классов, а также из окончивших школу ФЗУ на базе семилетней школы и проработавших на производстве установленный правительством срок. Кроме того, набирались бывшие выпускники рабфака, а также абитуриенты, не сумевшие ранее поступить во втуз, выпускники техникумов, проработавшие на предприятиях. Поступившие на курсы должны были пройти испытания по математике, физике, русскому языку, химии и истории классовой борьбы⁹⁷.

На подготовительных курсах обучение составляло 6-8 месяцев⁹⁸. Учитывая низкий уровень подготовки выпускников школ и давние сроки окончания учебных заведений у ряда поступавших, эта возможность обновить и пополнить знания позволяла поступить в институт. Традиции первых подготовительных курсов 1931-1932 гг. пригодились и на новых курсах.

По информации газеты на 1 октября 1933 г. в горно-металлургическом институте обучалось 400 человек, в строительном институте – 137, на рабфаке – 715 человек⁹⁹. На первый взгляд, прогресс был налицо. Показатели впечатляли. Однако если сопоставить эти данные с другими сведениями, то окажется не все так просто. В информации фигурируют цифры контингента института разного порядка: 208-360-260-246. Причем в них не указывалось, что учитывалось ли количество студентов филиала строительного института.

Разной в показателях был связан, прежде всего, с тем, что в филиалах был плохо налажен учет студентов. На 1 декабря имелось по списку 360 студентов вместе с подготовительной группой, а фактически оказалось 260.

О составе контингента учащихся можно судить по следующим качественным характеристикам. К концу семестра в институте училось 208 человек, из них по социальному происхождению: из рабочих 108 (51,9%), из крестьян – 24 (11,5%), из колхозников – 36 (17,3%), из служащих – 40 (19,2%). По социальному положению рабочие составляли 33,7%, служащие – 16,8%, члены и кандидаты в члены ВКП(б) – 11,5%, комсомольцы – 24%. Эти показатели свидетельствовали о классовом подходе в подборе студентов. Пролетарское происхождение давало преимущество при поступлении в институт. До поступления во втуз абитуриенты получили образование: 10 – незаконченное высшее, 49 – закончили девятилетку в школе, 21 – ФЗУ, 62 – рабфак, 56 – техникум.

Большую часть обучавшихся составляли мужчины – 87%, все студенты состояли в профсоюзе. Большинство обучалось русских (71,6%), затем шли украинцы (17,8%), белорусы (4,81%), евреи (4,4%), татары (1%), казахи (0,5%).

За время обучения не состоялось ни одного выпуска института. В конце первого семестра имелись два курса и одна группа третьего курса (энергетическая), которая подлежала расформированию. Предстояло изменить учебные планы, поскольку они не соответствовали требованиям втуза. В каждой группе читалось не более 5-6 предметов. Имелись проблемы и с дисциплиной студентов. Чаще всего, они были вызваны дальними расстояниями до учебного заведения, отсутствием средств передвижения, переходными сменами на производстве, загрузкой общественной работой в цехах.

Высокая текучесть (50%) студентов объяснялась тем, что в институт принимали случайных людей – секретарей, счетоводов, домохозяек, строителей, учителей. От этих людей пришлось избавиться, и контингент студентов резко понизился¹⁰⁰.

По другим сведениям, в начале 1934 г. в горно-металлургическом институте обучалось 246 студентов в 12 группах. Из всего состава женщины составляли 13,4%, студенты моложе 22 лет – 37,8%, от 22 до 29 лет – 55,7% и остальные – старше 30 лет.

Партийная прослойка среди студентов доходила до 14,2% и комсомольская – до 25,2%. По социальному положению рабочие составляли почти треть (32,1%), инженерно-технические работники – 12,2% и остальной контингент относился к прочим служащим.

Текучесть среди студентов в 1933 г. была очень высокой – выбыло 203 человека, в том числе больше половины – с первого курса (65%). Из-за низкой успеваемости ушло из института только 2,5% от отчисленных. В основном причины отчисления вызывались бытовой неустроенностью, перегрузками на производстве, удаленностью института при отсутствии транспорта¹⁰¹.

Даже по далеко не точным данным, можно увидеть некоторые тенденции в учебном процессе. В первую очередь это касалось высокой доли отчисленных. Кто был в этом виноват? Администрация, которая стремилась любыми путями набрать студентов? Транспортные проблемы? Безусловно, эти причины не способствовали закреплению контингента. К ним добавлялись и другие причины, названные директором втуза.

Директор института и рабфака Сафронов указывал на плохое оборудование учебных помещений и отсутствие совместной работы администрации и общественных организаций. По его мнению, большой отсев студентов в институте, прежде всего, был вызван плохими условиями для учащихся как в учебе, так и в быту. Из-за отсутствия буфета студенты не могли нормально питаться. Он выступал за то, что «не надо брать курс на максимальное отсеивание студентов, а нужно бороться за максимальное подтягивание»¹⁰².

Высокий отсев обучавшихся, конечно, не способствовал стабильной работе института. Слабая базовая подготовка студентов и транспортно-бытовые трудности, регулярные задержки на производстве и т.п. не позволяли обучать всех желающих. Хотя директор заявлял об отказе от массового отсева, но на практике происходило иное.

Другой аспект учебной работы также был не на высоте. Вызывали нарекания неточность учета. Насколько плохо был поставлен учет контингента студентов видно по различным показателям предыдущей и последующей информации на начало 1934 г. Учебная часть работала, мягко говоря, слабо. Преподавателей обязывали своевременно сдавать в учебную часть данные по успевае-

мости учащихся, отчетность за семестр и рабочие планы на II полугодие¹⁰³. Но это не всегда выполнялось так, как следует. Отсюда были и разночтения в показателях.

По отделениям ситуация выглядела следующим образом. Metallургическое отделение, находившееся в подчинении Уральского металлургического института, располагалось на 1 участке соцгорода, в здании ФЗУ. Обучение составляло 5 лет. Из 101 студента все проходили обучение без отрыва от производства, в том числе на 1 курсе – 70 и на 2 курсе – 31.

Из 290,3 тыс. ученико-часов занятий фактически было отработано 165 тыс. (56,9%)! Только из-за прогулов учащихся было не выполнено 24,8 тыс. часов (8,5%). За 1933/34 учебный год не состоялось 146 занятий, причем 46 – из-за неявки преподавателей-совместителей.

На горном отделении обучался 51 человек – 31 на первом и 20 – на втором курсах. Из плановых 52,2 тыс. ученико-часов занятий фактически выполнили 47,6 тыс. часов (91,1%). Не состоялось 100 занятий, из них из-за отсутствия преподавателей – 30¹⁰⁴. Данные показатели говорили о значительных нарушениях в организации учебного процесса. Что же это было за обучение, когда учебный план был выполнен лишь наполовину? Все это свидетельствовало о неэффективной деятельности администрации. С такой постановкой работы не могло состояться высшее учебное заведение.

В первом семестре 1933/34 учебного года в горно-металлургическом институте проходило обучение 208 человек. Из плановых 810,8 тыс. ученико-часов фактически выполнили 726,3 тыс. (89,6%). Из 352 не состоявшихся занятий, 114 приходилось на отсутствие преподавателей. На 1 курсе обучалось 111 человек, на 2 курсе – 58, на 3 курсе – 19 студентов¹⁰⁵. На энергетическом отделении занималось 56 студентов: на 1 курсе – 20, на 2 курсе – 17, на 3 курсе – 19 человек¹⁰⁶. Директор института вновь подчеркивал высокую текучесть студентов в связи с перегруженностью на производстве или с отъездом из города¹⁰⁷.

Из приведенных сведений становится ясно, что в институте не все было благополучно с организацией учебного процесса. Проблемы с обучением возникали чаще всего на рабфаке, где училось наибольшее количество студентов. Исходя из приказа по управлению кадров ММК (апрель 1933 г.), для нормальной работы нацменотделения рабфака заведующий учебной частью этого отделения Сагаев должен был представить на утверждение в отдел подготовки кадров учебный план. Кроме того, требовалось прове-

ритель и обеспечить твердое расписание нацменотделения рабфака¹⁰⁸.

Как писали в газету «Магнитогорский рабочий» студенты первого курса рабфака, там постоянно срывались занятия. Это происходило из-за отсутствия света, неявки преподавателя, производства ремонта и т.п. Расписание на неделю не составлялось¹⁰⁹.

На производственном совещании педработников института и рабфака в декабре 1933 г. отмечались и такие недостатки. Преподаватель Бастраков говорил, что на рабфаке слушатели не знали, по каким предметам будет зачет. Учебная часть плохо работала с отстающими. Студент Колло сообщал, что расписание постоянно отсутствовало или же ежечасно менялось¹¹⁰.

Эти нарушения отмечались не только в институте, но и в других учебных заведениях. В связи с плохой организацией работы учебных подразделений, подчинявшихся ММК, было принято распоряжение отдела подготовки кадров металлургического комбината. В соответствии с распоряжением требовалось проверить учебно-методические документы металлургического рабфака и на основании типовых программ разработать программы по спецдисциплинам. Намечалось проведение совещания завучей техникумов и рабфака, на котором установить единые нормы учебно-методической документации¹¹¹.

Приказом директора института (декабрь 1933 г.) в связи с неудовлетворительной успеваемостью некоторых студентов рабфака учебной части предлагалось принять меры по усилению методической работы с неуспевающими, проведению дополнительных занятий в общежитии, а также оказания реальной помощи со стороны так называемого треугольника группы (староста, профорг, комсорг)¹¹².

При всех трудностях учебы всегда находились студенты, которые своим отношением к занятиям показывали пример для остальных. Среди тех, кто обучался в горно-металлургическом институте, выделялся студент Благодарев, отличник учебы, машинист вагоно-весов доменного цеха, окончивший перед этим курсы машинистов и Магнитогорский рабфак. С хорошей стороны оценивалась учеба студента четвертого курса рабфака Бутырского. Он был в прошлом батрак, стал комсомольцем. В Магнитогорске работал с 1929 г. В 1930 г. прошел курсы ликбеза, затем – курсы электромонтеров. Являлся секретарем цеховой комсомольской организации, ударником на производстве. В учебной группе организовал соцсоревнование за качество учебы, добился, чтобы отстающая группа стала лучшей¹¹³.

В городской молодежной газете «Магнитогорский комсомолец» сообщалось о передовиках: ударниках-студентах комсомольцах Букланове, Радюкевиче, Куприянове и о преподавателях Савельеве и Корнеевко, которые «не считаясь со временем, дополнительно занимаются со студентами». В этой же газете 27 января была опубликована статья «Перенимайте опыт Левицкого», в которой описывался опыт работы преподавателя строительного института Вениамина Левицкого. Общественные организации института характеризовали его как хорошего методиста и лучшего педагога вуза¹¹⁴.

В трудных условиях существования института принимались меры по решению социальных проблем. Администрация металлургического комбината стремилась материально поддерживать студентов. На основании распоряжения по отделу кадров ММК от 1 августа 1933 г. всем студентам Магнитогорских институтов и техникумов, проходивших производственную практику, выплачивались суточные в размере: 2 руб. в день для студентов 2-3 курсов втузов и 3 руб. – для студентов 4-5 курсов. Через несколько дней в другом распоряжении разъяснялось, что деньги выплачивались лишь в том случае, если цеха и участки ММК находились на расстоянии не менее 3 км от учебного заведения. Это было связано с отсутствием регулярного автобусного движения¹¹⁵.

Стимулом для отличной учебы служила стипендия. В 1933 г. хорошо учившиеся студенты первого курса получали стипендию в размере 130 рублей, второго курса – 150 рублей, третьего и четвертого курса – 175 рублей и пятого курса – 200 рублей. У пятикурсников вечернего отделения стипендия доходила до 263 рублей¹¹⁶. Для сравнения – в 1933 г. работники стана на ММК получали от 110 до 198 рублей в месяц¹¹⁷.

За невнимание к материально-бытовому положению студентов можно было получить наказание. Только что вступившему в должность директору института и рабфака Прохорчуку за задержку выдачи студентам нацменрабфака карточек цехпитания и за невнимательное отношение к материально-бытовому обслуживанию нацмен объявлялся строгий выговор. Подобное отношение к нацменрабфаку рассматривалось как проявление шовинизма. Хорошо, что это не случилось в 1937 г., а то бы статья УК была бы ему обеспечена¹¹⁸.

Городские власти давали льготы учащейся молодежи. В феврале 1934 г. студенты-стипендиаты стали получать льготные билеты в кинотеатр «Магнит» со скидкой 50%. Подобную льготу собирались ввести и в цирке¹¹⁹.

Тогда принимались меры по оптимизации материально-технической базы института. Руководство металлургического завода поставило задачу централизовать физическое и химическое оборудование строительного техникума, института и школы Горпромуча и Стройуча в единые физические и химические кабинеты при строительном техникуме и институте. Предлагалось начальнику школы Стройуча Новикову и школы Горпромуча Ципленкову передать это оборудование директору строительного техникума-института Клявину.

Не позднее 1 сентября предстояло представить в отдел кадров ММК проект упрощения и сокращения аппарата горно-металлургического института, техникума и рабфака, как имеющих общее помещение и лаборатории, с таким расчетом, чтобы за каждым учебным заведением было закреплено определенное количество штатных единиц.

Необходимо было выверить наличие оборудования общежитий и постельных принадлежностей. В случае недокомплекта белья его восполнить.

Учебные заведения обязывались наблюдать за ходом ремонта учебных помещений и общежитий, организовав для этого посты из работников и учащихся учебной сети.

Следовало договориться об организации специальной студенческой столовой в соцгороде или использования другой столовой, а также прикрепить всех педагогов к определенным распределителям и столовым. Нужно было организовать движение транспорта по доставке студентов из общежитий в учебные заведения.

Учебная площадь здания школы ФЗУ, в котором находились все учебные заведения металлургического направления, распределялась следующим образом: горно-металлургическому институту, рабфаку и техникуму для дневных групп отводился 4-й этаж первой и второй очереди. Школе ФЗУ оставлялся 1-й и 3-й этаж первой и второй очереди и 2-й этаж первой очереди здания.

Директорам горно-металлургического института, техникума и рабфака следовало договориться с начальником школы ФЗУ об использовании аудиторий ФЗУ для вечерних занятий. Ввиду недостатка учебных площадей до полной сдачи в эксплуатацию второй очереди здания школы ФЗУ, вечерникам института, техникума и рабфака предстояло проводить занятия через день.

Жилые помещения в 25 корпусе в соцгороде также делились между учебными заведениями. Всем места не хватало, часть преподавателей жила в Доме Втуза¹²⁰.

Занятия в ноябре 1933 г. проводились в учебном здании на 3 и 4 этажах школы ФЗУ. Учебные аудитории находились в 29 корпусе соцгорода. Жилые помещения для преподавателей были недалеко – в 25 корпусе соцгорода. Студенты проживали в общежитии в 37 корпусе на Щитовом поселке, во втором бараке и в гостинице на 5 участке¹²¹.

Накануне создания МГМИ накопилось немало проблем, которые приходилось решать руководству института. В отчете за первый семестр 1933/34 учебного года директор с болью отмечал, что «наши хозяева свердловские институты совершенно не руководят и считают, что этого со стороны их достаточно, что они дают средства».

Материально-техническая база института находилась не в лучшем состоянии. В четырехэтажном доме в соцгороде располагались институт, рабфак, техникум, школа ФЗУ и курсы для подготовки во втуз.

Инвентарь был изношенным. До 80% мебели предстояло заменить. Химический и физический кабинеты были оборудованы неплохо. В них находилось оборудование на 120 тыс. рублей, в том числе импортное, которое приобрел металлургический комбинат. Пополнение оборудования осуществлялось и в связи с ликвидацией строительного института. В библиотеке имелось 50 тыс. томов книг, многие из которых оказались ненужными. Она обслуживала 1500 человек. В основном книги закупались ММК.

Директор института Сафронов отмечал, что «в наших условиях, то есть, при таком небольшом контингенте уложиться в ту норму на одного учащегося, которая утверждена по смете, невозможно»¹²². Таковы были реалии начального этапа формирования института на базе филиалов свердловских вузов. Денег постоянно не хватало на приобретение самого необходимого для организации учебного процесса. Отделениям МГМИ приходилось ютиться в непригодных помещениях. Помощь свердловских головных вузов ограничивалась лишь выделением незначительных средств на содержание филиалов. Так что говорить об эффективном втузе пока было еще рано.

Как писал заведующий кафедрой МГМИ Н.Н. Лапин, первый учебный год прошел в очень тяжелых условиях, при отсутствии пригодных для занятий помещений и неукomплектованности работниками. Только в 1933 г. при помощи горкома партии и общественности Магнитки институт получил часть школьного здания ФЗУ с закрепленной площадью для занятий и лабораторий. Контингент студентов становился все более устойчивым. Но продолжало ска-

зываются отсутствие достаточного руководства со стороны свердловских институтов, в ведении которых находились филиалы¹²³.

О том, как создавалась материально-техническая база для рабфака свидетельствуют следующие данные. По приказу по управлению кадров ММК (апрель 1933 г.) для нормальной работы нацменотделения рабфака предстояло осуществлять контроль за готовностью двухэтажного дома в соцгороде, отведенного для рабфака, а также обеспечить оборудованием барака для общежития нацменрабфака на 5 участке и к 10 апреля вселить в него учащихся рабфака. Предлагалось связаться с городской прокуратурой для ускорения следствия по привлечению к ответственности виновных в выселении студентов из барака на 11 участке¹²⁴.

За рабфаком днем было закреплено 13 аудиторий, а вечером – 10. Вечерники института обучались в восьми аудиториях. В связи с этим аудиторий остро не хватало¹²⁵. Студенты первого курса рабфака писали в городской газете, что возникали неувязки по аудиториям между рабфаком и институтом. Порой рабфаковцам приходилось проводить занятия в тесном коридоре, в столовой, или студентов отправляли заниматься домой. В здании, где находилось две тысячи человек, существовало всего три бака с водой. У баков постоянно были очереди, так как имелась всего одна кружка и к тому же вода очень часто была горячей¹²⁶.

На заседании президиума контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции (КК-РКИ) 1 октября 1933 г. проанализировали ситуацию в городе по жилищно-бытовому обустройству студенчества учебных заведений, в том числе и горнометаллургического института. Было принято постановление «О ходе ремонта и достройке школы ФЗД №12, ФЗУ и культурно-бытовом положении студенчества». Этот городской партийно-советский орган контроля проверил выполнение своего решения от 15 сентября 1933 г. Оно оказалось не выполненным. Здание не было готово к эксплуатации, ни в одном студенческом общежитии ремонт также не был закончен, что привело к срыву занятий 6 тыс. городских учащихся.

Президиум КК-РКИ отметил пренебрежительное отношение со стороны управления комбината к строительству и ремонту втузов и техникумов. Контрольная комиссия обязала управление соцгорода закончить постройку второй очереди ФЗУ для горнометаллургического института и других, размещавшихся в том здании учебных заведений.

Президиум потребовал завершить ремонт домов в Щитовом городке, арендованных у комбината для института и рабфака. Указывалось на необходимость достройки столовой для студентов и

педагогов горно-металлургического института и рабфака. Намечались меры по обеспечению автобусами сообщения между втузом и студенческими общежитиями по линии Соцгород – Ежовка – Туковский городок. За срыв этих мероприятий наступала суровая ответственность должностных лиц. Предлагалось прокурору привлечь к судебной ответственности за преступно-безобразный ремонт начальника 1-го участка строительства соцгорода и прораба. Начальник строительства соцгорода предупреждался, что будет привлечен к суровой партийной ответственности¹²⁷.

Для скорейшего введения в строй в соцгороде новых помещений для учебных заведений 85 студентов должны были поработать на строительстве, в том числе от рабфака 30 человек¹²⁸.

По приказу начальника ММК от 21 октября 1933 г. строительному институту передавались каркасные дома на Туковом поселке. Предлагалось в новом фонде домов в ноябре забронировать для строительных института и техникума половину каркасного дома. Освобождаемые бараки, где ранее находились институт и техникум, переходили в ведение ММК¹²⁹.

В связи с тем, что в одном здании находилось несколько учебных заведений, отсутствовал порядок. Ответственность за все здание отдел кадров ММК переложил на начальника школы ФЗУ Ивановского. Директору горно-металлургического института Прохорчуку, директору техникума Рачкевичу вместе с Ивановским предстояло создать нормальные условия для учебы¹³⁰.

До 1934 г. горное отделение располагалось в здании РИС ГУ (рудо-испытательной станции горного управления металлургического комбината)¹³¹.

Приказом начальника металлургического комбината А.П. Завенягина (23 октября 1933 г.) для улучшения жилищных условий рабочих основных специальностей к ММК прикреплялись дома, среди которых располагались горно-металлургический институт, техникум и рабфак. Это были щитовые дома 37, 49 с проведенным до этого ремонтом¹³². Данное прикрепление под опекой служб комбината позволяло обеспечить нормальные условия для учебы и быта.

Как и раньше, возникали новые предложения об открытии специального учебного заведения. На V городской партийной конференции (январь 1934 г.) культпроп Магнитогорского ГК ВКП(б) предложил создать в городе стационарный политехнический институт с факультетами – металлургическим и энергетическим¹³³. Но дальше предложений дело не пошло.

Из приведенного материала становится понятно, что формирование системы высшего образования в Магнитогорске проходи-

ла непросто. Тогда наблюдались следующие тенденции. Городские партийно-советские органы совместно с руководством строительства и эксплуатации металлургического комбината предпринимали первые шаги по созданию технического высшего учебного заведения. На первом этапе удалось открыть филиалы институтов. Постоянные реорганизации филиалов свердловских институтов затрудняли учебный процесс. Но администрация института пыталась решать возникавшие проблемы.

Следующие тенденции являлись преобладающими. Отсутствовал четко отлаженный механизм организации контроля за деятельностью вузов как со стороны головных учебных заведений, так и металлургического комбината и Магнитостроя. Материально-техническое оснащение учебных заведений было слабым. Неблагоприятные условия обучения, отсутствие в ряде случаев помощи студентам со стороны администрации предприятий и другие причины вели к высокому отсеву. Учебные заведения различных звеньев находились в одном здании, которое являлось непригодным как по площади, так и по оснащенности всем необходимым для нормального учебного процесса.

В ходе зарождения института отмечались и такие тенденции. Кадровый состав преподавателей не отвечал требованиям высшей школы. Одни и те же преподаватели вели занятия во всей учебной сети, прикрепленной к металлургическому комбинату. Большинство преподавателей составляли совместители. Хотя практические знания являлись положительным моментом обучения, но незнание методики проведения занятий совместителями снижало качество подготовки будущих специалистов. Часть преподавателей работала в школах. Отсутствовали кафедры по специальным дисциплинам.

Поскольку большинство студентов училось без отрыва от производства, то воспитательная работа с людьми, отработавшими в тяжелых условиях смену, явно была неуместна. Научно-исследовательская работа находилась в зачаточном состоянии. Для проведения значительных исследований отсутствовали необходимые условия: высококвалифицированные научные кадры, оборудование, связь с промышленными предприятиями и т.п.

Одного желания у городских властей и руководства строительства и эксплуатации комбината создать высшее техническое учебное заведение было явно недостаточно. Предстояло создать самостоятельный вуз со своими штатными преподавателями, хорошей материально-технической базой.

С чего-то необходимо было начинать, и энтузиазм руководящих органов, первых преподавателей, умноженный на желание

первых студентов получить образование, открывал возможности для дальнейшего развития высшего образования в городе металлургов и строителей.

Глава 2. Система управления и материально-техническое оснащение

2.1. Структурные преобразования

1934 г. является официально утвержденным позднее Министерством образования годом основания МГМИ. Ранее считался началом деятельности горно-металлургического института 1932 г. Изменение этой даты в большей степени было связано с тем, что до 1934 г. действовали филиалы свердловских вузов, объединенные лишь одним названием в горно-металлургический институт.

С получением официального статуса начался отсчет времени славной истории нынешнего университета, в которой, как и в жизни человека, были и достижения и падения, победы и поражения. В предыдущей главе исследовалась проблема зарождения Магнитогорского горно-металлургического института, анализировались реорганизации, которые пришлось пройти, прежде чем он получил статус втуза.

Трансформации в структуре института продолжались и в дальнейшем. Поэтому важно изучить какие изменения произошли во вновь образованном втузе. Это касается появления новых учебных подразделений: отделений, факультетов, кафедр, отделов и т.д. Интересен опыт деятельности руководства института по выполнению указаний центра и собственные инициативы, направленные на развитие МГМИ.

Две даты важны для МГМИ. Это постановление Совета Народных Комиссаров от 22 марта 1934 г. и приказ Главного управления учебных заведений Наркомата тяжелой промышленности (ГУУЗа НКТП) СССР от 9 апреля того же года. Важно, и то, что МГМИ в титульный список учебных заведений включили 28 марта 1934 г.¹³⁴.

Приказ по главному управлению учебных заведений НКТП № 26/156 от 9 апреля 1934 г. гласил: «Согласно постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 22 марта 1934 г. за № 603 «О ликвидации в Магнитогорске филиалов Уральских ВТУЗов и создании на базе их самостоятельного втуза по черной металлургии и эксплуатации железорудных месторождений в Магнитогорске приказываю:

§1. Ликвидировать в Магнитогорске филиалы следующих Уральских ВТУЗов: Строительного, Энергетического, Горного и Metallургического и на базе их организовать Магнитогорский Гор-

но-Металлургический институт с обучением без отрыва от производства.

§2. Утвердить в Магнитогорском Горно-Металлургическом институте следующие резко выраженные специальности:

- а) «Производство чугуна»
- б) «Производство стали»
- в) «Эксплуатация месторождений железных руд».

§3. Исполнение обязанностей директора Магнитогорского Горно-Металлургического института возложить на тов. Сафронова.

§4. Директорам ВТУЗов передать дела, обеспечив нормальный ход занятий Магнитогорского Горно-Металлургического института. Директору разработать к 15 мая структуру, штаты и смету на содержание института на 1934 г. Начальник ГУУЗа НКТП Д. Петровский»¹³⁵.

Таким образом, чего долго добивались власти Магнитогорска и руководство ММК свершилось. Теперь официально создавался самостоятельный втуз, хотя не обошлось и без потерь. Прекратили существование строительный институт и энергетическое отделение. Предстояла большая работа по формированию профессорско-преподавательских кадров, новых кафедр, созданию нормальных условий для учебного процесса и научно-исследовательской работы, социально-бытовому обслуживанию преподавателей и студентов.

К сожалению, не получила продолжения учеба строителей. Вероятно, это было вызвано ведомственными интересами. Новый втуз создавался при Наркомтяжмпроме, а у строителей имелся свой наркомат. Потребность в инженерах строительных специальностей ощущалась довольно остро. На строительстве в Магнитогорске из всех прорабов, помощников прорабов, начальников работ и помощников начальников работ лишь 11% имели высшее образование (18 человек). Прорабы жаловались в вышестоящие организации, что строительный институт прекратил свое существование. Краткосрочные курсы не давали системных знаний. Студенты бывшего строительного вуза уезжали в города, где имелись строительные вузы, или же переходили в горно-металлургический институт, бросая строительную площадку.

В учебно-курсовом комбинате Магнитостроя обучалось лишь 145 человек, в том числе 41 десятник. Посещаемость курсов составляла 81,6%, поскольку у прорабов рабочий день составлял 10-12 часов. Техническая литература находилась лишь в центральной технической библиотеке ММК. Из опрошенных 20 прорабов только один читал советские и иностранные технические журналы¹³⁶. Без-

условно, ликвидация филиала строительного института являлась большой потерей не только для института, но и для Магнитостроя.

Тогда же реорганизовались свердловские вузы. На основе семи отраслевых вузов был организован Уральский индустриальный институт, позднее переименованный в Уральский политехнический институт¹³⁷.

До начала нового 1934/35 учебного года по указанию ГУУЗа в двухмесячный срок в МГМИ предстояло утвердить кандидатов на заведование кафедрами. Управление также утвердило следующие кабинеты и лаборатории: кабинет черчения и начертательной геометрии, лаборатории физики и общей химии, аналитической химии. В 1935 г. предстояло организовать кабинеты и лаборатории: кабинеты математики, деталей машин, геологии и минералогии, лабораторию металлографии¹³⁸.

Директором института 13 августа 1934 г. назначили Упенек Антона Михайловича¹³⁹. На сентябрь 1934 г. высший административный персонал института состоял из двух человек: директора и его заместителя. Административно-технический персонал составлял 19 человек, в том числе младший обслуживающий персонал – 6¹⁴⁰. Во вспомогательный технический персонал входило семь человек, в учебно-вспомогательный персонал – четыре и в младший обслуживающий персонал – шесть человек¹⁴¹. Таким немногочисленным составом начинал первый учебный год МГМИ.

Как писал заведующий кафедрой химии МГМИ Н.Н. Лапин, в сентябре 1934 г. со специальностями производство чугуна, производство стали и эксплуатация железорудных месторождений. НКТП разрешил открыть отделение по специальности прокатного дела¹⁴².

Утвержденных факультетов МГМИ тогда еще не имел¹⁴³. В октябре 1934 г. одной из первых была создана кафедра высшей математики и она имела одну штатную единицу, которую занимал заведующий кафедрой Г.С. Василенко¹⁴⁴. Тогда же была организована кафедра механики, где преподавались графика и прикладная механика¹⁴⁵.

Согласно решению совещания об организации при институте дополнительных кафедр, одобренного горкомом ВКП(б) и представителем ГУУЗа НКТП, при МГМИ 13 ноября 1934 г. учреждалась кафедра социально-экономических наук. В круг ведения этой кафедры включались следующие дисциплины: политическая экономия, экономическая политика, диалектический материализм) и ленинизм. По путевке горкома партии на должность заведующего созданной кафедры был назначен М.И. Крутогин с окладом 200 рублей¹⁴⁶.

История кафедры физики начинается с 7 декабря 1934 г., когда приказом № 26/089 ГУУЗа была создана кафедра физики, которую возглавил Павел Диомидович Корж. До этого события был создан физический кабинет, который обслуживал и слушателей рабфака¹⁴⁷.

Кафедра химии в Магнитогорском горно-металлургическом институте была организована по приказу Главного управления учебными заведениями 27 декабря 1934 г. Одновременно были созданы и оснащены лаборатории общей химии, качественного, количественного, технического анализа и физической химии. Первым заведующим кафедрой был утвержден кандидат химических наук Лапин Никонор Никитич, который возглавлял работу на кафедре до 1946 г.¹⁴⁸

До образования кафедры «Геология и полезные ископаемые» с 1933 по 1938 гг. руководителем коллектива являлся Ф.Ф. Дульский, его заместителем была Е.И. Каминская (по совместительству, работая на руднике)¹⁴⁹.

Первые общеобразовательные кафедры взяли на себя основную нагрузку по созданию института. Именно их небольшие коллективы заложили фундамент МГМИ, образовали научные школы. Имена первых талантливых руководителей кафедр всегда были на слуху в 1930-1940-е гг.

27 декабря 1934 г. вышел приказ по ГУУЗ НКТП. По нему еще раз утверждались специальности МГМИ. Исполняющим обязанности заместителя директора по учебной части стал Г.С. Василенко. В МГМИ утверждались следующие кафедры и циклы: 1) социально-экономических наук; 2) математики; 3) физики; 4) химии; 5) общего машиностроения; 6) механики; 7) энергетики; 8) общей геологии; 9) горного искусства; 10) цикл языков. Утверждались временно исполняющие обязанности заведующих кафедрами: социально-экономических наук – М.И. Крутогин, математики – Г.С. Василенко, физики – П.Д. Корж, химии – Н.Н. Лапин¹⁵⁰.

К концу календарного 1934 г. в МГМИ утвердили новых заведующих кафедрами: Целинского А.А. – заведующего кафедрой механики и деталей машин, Комиссарова И.И. – заведующего кафедрой сопромата, Перелазного И.Л. – заведующего кафедрой физической химии, Василенко Г.С. – заведующего кафедрой математики, Пассовского А.Г. – заведующего кафедрой графики¹⁵¹. За короткий срок появились новые кафедры. Коллективы кафедр были немногочисленны, но они сразу же взялись за организацию учебной и научной работы. Все больше МГМИ обретал черты технического высшего учебного заведения.

В октябре 1934 г. на основании директивных указаний ГУУЗа НКТП при МГМИ под председательством директора института создавался Учебный Совет, цели и задачи которого определялись типовым уставом высшей школы, утвержденным постановлением Президиума ЦИК СССР (27 февраля 1934 г.). В состав первого совета института входили: Упенек А.М. – директор института, председатель совета; Василенко Г.С. – заместитель директора по учебной части, заместитель председателя совета, заведующий кафедрой математики; Корж П.Д. – заведующий кафедрой физики; Лапин Н.Н. – заведующий кафедрой химии; Пассовский А.Г. – преподаватель черчения; Крутогин М.И. – заведующий кафедрой социально-экономических наук; Дульский Ф.Ф. – горный инженер горно-рудного управления (ГРУ), Гипелин – инженер-технолог, заведующий центральной химической лабораторией ММК, Славин – секретарь партколлектива¹⁵². Совет стал действенным органом коллективного управления в пока еще формирующемся втузе. Коллективная мысль позволяла оперативно решать возникающие проблемы. Совместными усилиями легче преодолевались трудности становления института.

В ноябре 1934 г. в соответствии с приказом начальника строительства и эксплуатации ММК был открыт учебно-консультационный пункт Уральского заочного института технического образования. Осенью был организован набор на строительный, энергетический, химико-технологический и геологоразведочный факультеты этого института на все курсы¹⁵³. Заочным обучением должны были быть охвачены практики, занимавшие инженерно-технические должности. Директора МГМИ обязали предоставить кабинеты и лаборатории института для работы заочников¹⁵⁴. Первым преподавателям МГМИ приходилось работать не только в своем институте, на рабочем факультете, но и в заочном институте.

С появлением новых высших учебных заведений постепенно стала решаться кадровая проблема. Выступая на III съезде Советов СССР, нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе говорил: «Кадры в нашей промышленности есть. Они созданы. Тысячи, десятки тысяч командиров, которые неплохо сегодня работают, которые во много раз лучше будут работать завтра... Наши промышленные вузы, техникумы, рабфаки, фабзавучи... стали выпускать десятки, сотни тысяч инженеров, техников»¹⁵⁵. Одним из таких промышленных вузов стал МГМИ, готовивший инженеров не только для предприятий Магнитки, но и страны.

Но пока инженеров не хватало. Постановление Челябинского обкома партии (апрель 1935 г.) «О работе Магнитогорского ме-

таллургического комбината» требовало от руководства завода серьезно заниматься повышением квалификации ИТР, поставить вопрос перед НКТП о переброске на Магнитогорский завод специалистов-инженеров для укрепления цехов и отделов завода, в первую очередь для мартеновских и прокатных цехов¹⁵⁶.

Особенно это было важно в связи с высокой текучестью кадров на металлургическом комбинате. Кадровая проблема на строительстве ММК стояла очень остро: за 1934 г. прибыло 12841 человек, а убыло 15663¹⁵⁷. Горно-металлургический институт еще только готовил инженеров, а комбинату они требовались, как говорится, здесь и сейчас. Наркомат не мог обеспечить все возрастающие потребности металлургов Магнитки.

Курсы повышения квалификации, конечно же, не могли решить кадровой проблемы. Ожидать специалистов из других мест, особенно из центральных городов, где находилась их большая часть, было весьма затруднительно. Все зависело от местных инженеров, выпущенных горно-металлургическим институтом.

С 1935 г. с появлением в штате МГМИ специалистов различных областей науки стали возникать специальные кафедры¹⁵⁸. По приказу ГУУЗа от 16 июля 1935 г. в МГМИ была организована кафедра теории металлургических процессов и физической химии (ТМП). Первым заведующим был доцент, кандидат технических наук И.Л. Перелазный. Кафедра вела подготовку студентов-металлургов по физической химии и теории металлургических процессов¹⁵⁹. Сделан был еще один шаг в создание полноценного вуза.

В середине 1930-х гг. возникают первые факультеты. В конце 1935 г. появился металлургический факультет. Его первым деканом стал Э.И. Касперович, руководивший факультетом с 1935 по 1938 г.¹⁶⁰ 15 ноября 1935 г. Слесарев Петр Андрианович и.о. профессора Свердловского горного института был направлен в Магнитогорский горно-металлургический институт в качестве декана горного факультета с персональной ставкой профессора сроком на два года. Он руководил факультетом до 25 февраля 1939 г.¹⁶¹ Создание факультетов свидетельствовало о кардинальных изменениях в структуре вуза. Оно приблизило новый вуз к системе управления, принятой в высшей школе.

В 1935 г. было упорядочен режим занятий. Занятия в институте на дневном отделении проводились с 8 до 13.35 час., а на вечернем – с 18 до 21.40 час., по 50 мин. каждое занятие¹⁶².

В середине 1930-х гг. получает развитие высшее образование. В 1935 г. на Урале действовало 35 вузов¹⁶³. В следующем году в Челябинской области работало пять вузов, в том числе – два

педагогических¹⁶⁴. Причем в 1936 г. был ликвидирован Магнитогорский вечерний педагогический институт. В городе оставался лишь учительский институт с двухгодичным сроком обучения. Пед-институт с дневным отделением должен был начать работу только с 1938-39 учебного года¹⁶⁵.

О Магнитогорском горно-металлургическом институте узнали в стране. В 1936 г. опубликовали справочник АН СССР «Научно-исследовательские учреждения». В нем давалась краткая характеристика основных научных кадров страны. Про МГМИ в нем имелась информация следующего содержания.

Директор МГМИ – Упенек Антон Михайлович, социального происхождения из рабочих, член ВКП(б) с 1917 г., заместитель директора – Касперович Эдуард Иванович, из рабочих, член ВКП(б) с 1928 г. Назывались руководители научно-исследовательских работ: 1) Лапин Никанор Никитич – и.о. доцента, беспартийный, окончил Смоленский госуниверситет и аспирантуру при Ленинградском госуниверситете в 1932 г., заведующий кафедрой химии; 2) Корж Павел Диомидович – и.о. доцента, беспартийный, окончил Киевский математический институт в 1929 г., заведующий кафедрой физики; 3) Перелазный Иван Леонтьевич – доцент, беспартийный, окончил Московский коммерческий институт, лабораторный цикл в 1918 г., заведующий кафедрой горного искусства. Научных работников в институте было немного – всего десять человек¹⁶⁶.

Факт публикации сведений об МГМИ свидетельствовал о признании нового учебного заведения. Хотя кафедр было немного, но о их деятельности узнал научный мир.

Продолжалось создание новых кафедр. Кафедра металлографии и термической обработки была организована в июне 1936 г. Первым заведующим кафедрой и преподавателем дисциплин «Металлография» и «Теория термической обработки» была Е.В. Панченко, инженер-термист¹⁶⁷. В 1936 г. из состава кафедры механики выделилась кафедра прикладной механики. Заведующим кафедрой назначили А.А. Целинского¹⁶⁸. В июне 1936 г. в соответствии со штатным расписанием заведующим кафедрой горного искусства стал Слесарев П.А.¹⁶⁹. Новые заведующие прилагали все силы, чтобы организовать преподавателей кафедр на решение актуальных учебных и научно-исследовательских задач, поднять престиж вуза.

Руководители вузов получали возможность повысить свою квалификации. В июне 1936 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». Постановление предлагало Наркоматам создать директорам вузов все необходимые условия для повышения их

научной и технической квалификации: научный отпуск, научные командировки, выписку литературы, освобождение от работы для подготовки диссертации на ученую степень и др.¹⁷⁰. Однако в МГМИ руководителю не пришлось повышать свою квалификацию.

1937 г. внес трагическую страницу в историю института. Перед началом 1937-38 учебного года был снят с работы директор МГМИ А.М. Упенек. 22 августа 1937 г. дела и имущество института и рабфака директор Упенек передал новому директору А.А. Безденежных¹⁷¹. В следующем году он был репрессирован и расстрелян. 1937-1938 гг. были временем Большого террора. Недостатки в работе становились доказательством вредительства, антисоветской деятельности.

Травля директора, о которой будет рассказано позже, закончилась таким финалом. Даже при всех имевшихся недостатках и надуманных преступлениях, лишать жизни человека являлось противоестественным, чудовищным делом.

В 1937 г. совершенствовалась структура института, открывались новые кафедры, назначались новые заведующие кафедрами. Каждый год открывал новую страницу в формировании института. В феврале 1937 г. по приказу директора была сформирована учебная часть института¹⁷². Заместителем директора по учебной части был назначен Г.С. Василенко¹⁷³.

В МГМИ в числе первых выпускающих кафедр 4 марта 1937 г. была создана кафедра металлургии черных металлов. Командированный Ленинградским индустриальным институтом для чтения лекций по металлургии стали, и.о. профессора Алексей Андреевич Безденежных с февраля 1937 г. был зачислен временно в штат института. Доцента, кандидата технических наук А.А. Безденежных назначили заведующим кафедрой черных металлов. В сентябре эта кафедра стала называться кафедрой металлургии стали¹⁷⁴. В апреле того же года А.А. Безденежных получил должность заместителя директора института по учебной и научной части¹⁷⁵.

Приказом по МГМИ от 23 сентября 1937 г. открылась кафедра обработки металлов давлением. Создателем и первым заведующим кафедрой стал доцент, кандидат технических наук М.И. Бояршинов, который успешно руководил ею более 40 лет¹⁷⁶. Столь долгий стаж руководящей работы говорил о многом. Своими делами этот человек прославил МГМИ. Его уважали и любили в коллективе кафедры за принципиальность, ответственность. Он был человеком слова.

Преподаватели МГМИ работали также и в других учебных заведениях, находившихся в городе. В 1937 г. в Магнитогорске действовал учебный консультационный пункт заочного сектора

Уральского индустриального института (г. Свердловск). Заведующим этого пункта являлся Г.С. Василенко. Учебные пункты данного института находились в Нижнем Тагиле, Челябинске, Златоусте, Воткинске, Иркутске, Омске. В институте студенты обучались на механическом, химико-технологическом, металлургическом, энергетическом и строительном факультетах.

Но работа этих учебных консультационных пунктов была не на высоте. Проверки отмечали в них расхлябанность: подход с одинаковой меркой ко всем студентам, отсутствие контроля за выполнением указаний и распоряжений. В учебном пункте обучающиеся получали консультации. Для них проводились лекции, лабораторные работы. В феврале 1937 г. в Магнитогорском учебно-консультационном пункте заочного сектора Уральского индустриального института училось 14 человек¹⁷⁷. Кроме того, в городе действовали техникумы, школа десятников и другие учебные заведения¹⁷⁸.

Организаторская роль руководства института проявилась в наведении порядка в МГМИ. С 1937 г. усилилась борьба за трудовую дисциплину. В этой борьбе принимались меры наказания к нарушителям. Например, опоздавшие студенты не допускались к занятиям¹⁷⁹.

Всего несколько лет работал институт, но для полноценной его деятельности требовались радикальные изменения. Над МГМИ нависла угроза закрытия. В 1938 г. само существование института стояло под вопросом. 1 апреля 1938 г. на расширенном заседании Ученого совета МГМИ рассматривалось состояние работы института. На заседании присутствовали 15 преподавателей, 17 студентов и инспектор ГУУЗа Котович.

За сохранение вуза выступали не только преподаватели, но и студенты. Как говорил студент Тарнавский, Главному управлению учебных заведений надо заняться не закрытием вуза, а, напротив, помочь с его расширением. Этим оно поможет во многом заводу. По его мнению, слишком большую нагрузку имел директор института Безденежных. Он же и завуч, и заведующий кафедрой металлургии стали, а это отражалось на управляемости учебным процессом.

Студент-прокатчик 4 курса Денисов также просил помощи у ГУУЗа разгрузить директора. В выступлении инспектора ГУУЗа Котовича подчеркивалось тяжелое положение, в котором оказался вуз. В центре считали, что необходимо или закрыть институт, или оказать ему существенную помощь в строительстве нового здания и обеспечения квалифицированными кадрами¹⁸⁰.

Из некоторых выступлений на заседании Ученого совета становится ясно, насколько серьезно стояла проблема дальнейшего существования МГМИ. Главная проблема заключалась в недостаточной численности профессорско-преподавательского состава. Вести полноценные занятия в таких условиях вызывало закономерную тревогу как среди преподавателей, так и руководства управления учебными заведениями. Институт стоял на грани закрытия. По всем направлениям: учебной, научно-исследовательской работы, обеспеченностью кадрами, помещением и т.п. МГМИ находился в незавидном положении. Но пока вопрос о закрытии втуза откладывался. Велся поиск путей решения возникшей проблемы. Главное, что центральные органы проявили заинтересованность в сохранении набравшего силу института.

Расширялся коллективный орган руководства Ученый совет института. Приказом по ГУУЗ НКТП (октябрь 1938 г.) утверждался новый Ученый совет МГМИ. В него вошел Безденежных А.А. – и.о. директора института, председатель совета. Членами совета стали: Слесарев П.А. – декан горного факультета, Целинский А.А. – и.о. заведующего кафедрой деталей машин, Перелазный И.Л. – и.о. заведующего кафедрой физической химии, Заморуев Г.М. – врио заведующего кафедрой металлографии и термообработки, Василенко Г.С. – врио заведующего кафедрой высшей математики, Лапин Н.Н. – врио заведующего кафедрой химии, Корж П.Д. – врио заведующего кафедрой физики, Венгеровский Я.С. – врио заведующего кафедрой теоретической механики, Попов С.И. – и.о. заведующего кафедрой эксплуатации рудных месторождений, Мещеряков Б.Ф. – и.о. заведующего кафедрой кристаллографии и минералогии, Михин М.К. – и.о. заведующего кафедрой металлургических печей, Эсман С.А. – преподаватель электротехники, Бояршинов М.И. – заведующий кафедрой ОМД. Из 14 членов совета восемь являлись кандидатами наук¹⁸¹.

Такой представительный состав совета повышал его авторитет в коллективе института. Решения совета становились важным рычагом в проведении в жизнь указаний не только центральных органов, но и ценных инициатив преподавательского состава. Критика и самокритика определяли деятельность совета.

В 1938 г. появились новые кафедры. Приказом по МГМИ от 26 февраля 1938 г. была организована кафедра «Геология полезных ископаемых»¹⁸². Ее первым заведующим был назначен инженер-геолог Б.Ф. Мещеряков, руководивший кафедрой с 1938 по 1941 г.¹⁸³ В 1936-1938 гг. С.В. Николаенко возглавлял кабинет геологии и минералогии¹⁸⁴. В феврале 1938 г. и.о. профессора

Слесарева П.А. утвердили в должности заведующего кафедрой «Эксплуатации железорудных месторождений». Горный инженер Попов С.И. возглавил кафедру «Разработка рудных месторождений». В ноябре 1938 г. заведующим этой кафедрой был назначен и.о. профессора Слесарев П.А., с освобождением от обязанностей заведующего кафедрой инженера Попова С.И.¹⁸⁵. Цель таких перестановок диктовалась потребностью максимально улучшить подготовку специалистов на горном факультете.

В том же году возникает кафедра металлургии и термической обработки. В апреле 1938 г. инженер Георгий Михайлович Заморуев был назначен заведующим этой кафедрой с общей годовой учебной нагрузкой 600 часов. Он ею руководил вплоть до 1959 г. Кафедра обязана Г.М. Заморуеву своим становлением и развитием¹⁸⁶. Он прославил институт своими научными достижениями и проявил себя как хороший организатор коллектива. Особенно значим его вклад в производство в годы Отечественной войны.

28 октября 1938 г. приказом директора института организовали общетехническую кафедру металлургических печей. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой был назначен инженер Николай Герасимович Бурылев¹⁸⁷. Его отличала высокая работоспособность, активная жизненная позиция. На страницах газеты «Магнитогорский рабочий» постоянно печатались его статьи, пропагандирующие опыт рационального, высокопроизводительного труда. Н.Г. Бурылев проявил себя как способный рационализатор и изобретатель.

В 1938 г. вновь созданная кафедра энергетики стала вести электротехнические дисциплины. Заведующим кафедрой был назначен инженер Степан Александрович Эсман, выпускник ЛЭТИ 1931 г.¹⁸⁸. Из этой кафедры выделилась кафедра электроэнергетики. Длительное время (1939-1947 гг., 1953-1960 гг.) ею заведовал С.А. Эсман¹⁸⁹. Он проявил незаурядные качества руководителя, способного сплотить коллектив на решении приоритетных задач.

Бухгалтерию с 1938 по 1940 гг. возглавлял Антон Иванович Панфилов¹⁹⁰.

Изменения произошли в повышении квалификации преподавателей. Нарком тяжелой промышленности Л.М. Каганович своим приказом от 25 ноября 1938 г. на основании постановления СНК СССР от 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях» упряднил квалификационную комиссию по присвоению ученых степеней и званий, созданную при НКТП¹⁹¹.

В 1938 г. ужесточились требования к дисциплине как на производстве, так и в учебных заведениях. Правила внутреннего рас-

порядка МГМИ в 1938/39 учебном году предусматривали занятия в институте с 8 до 14 часов и с 18 до 20.30 часов, на рабфаке – с 10 до 16 часов и с 18 до 21.30 часов. Занятия проходили по 45-50 минут с 10-минутным перерывом. В верхней одежде и галошах ходить по институту не разрешалось. Как говорилось в правилах, «студенты, опоздавшие на занятия без уважительных причин, пропустившие занятия по какой-либо дисциплине или совершенно не присутствовавшие на занятиях, подвергаются административным взысканиям, вплоть до отчисления из числа студентов института»¹⁹².

Изменения в укреплении трудовой дисциплины коснулись не только студентов, но и преподавателей. В правилах внутреннего распорядка, утвержденных на заседании Ученого совета, в январе 1939 г. устанавливался минимум пребывания преподавателя в институте – 5 часов¹⁹³.

1939 г. стал переломным в деятельности МГМИ. Если в предыдущем году стоял вопрос о закрытии технического вуза в Магнитогорске, то в 1939 г. было решено оставить институт. Возобладал здравый смысл. Когда остро ощущался недостаток инженеров на предприятиях черной металлургии, в частности, на ММК, закрытие вуза привело бы к ухудшению положения на производстве. Какая-никакая помощь из центра все же ожидалась как в росте ассигнований, так и в повышении квалификации имевшихся преподавательских кадров, с возможным командированием квалифицированных доцентов и профессоров из других вузов страны.

Поэтому представитель руководства ГУУЗа на Ученом совете института в январе 1939 г. предлагал повышать квалификацию преподавателей. По его мнению, в МГМИ плохо решались кадровые вопросы: за небольшой срок сменилось семь директоров и восемь заместителей. В заключении директор института А.А. Безденежных заявил, что помощь от ГУУЗа будет получена и закрытия МГМИ не будет¹⁹⁴.

Руководство института, заручившись поддержкой центра, стало более активно заниматься кадровой проблемой. На Ученом совете МГМИ в июне 1939 г. обсуждались соискатели, участвовавшие в конкурсе на замещение вакантных должностей. О требовательности к кандидатам говорит тот факт, что 4 из 18 кандидатов не прошли на должность.

На этом заседании присутствовал и выступил начальник ГУУЗа Федоров. Он обратил внимание на следующие вопросы: на подготовку высококвалифицированных кадров, проведение перезачетов во время сессии, ведение документации, проверку договоров по практике, оказание помощи ММК, критику и самокритику в

коллективе и т.д. Как он сказал: «Есть много техникумов, которые могут показать МГМИ пример»¹⁹⁵. По всем показателям в 1939 г. МГМИ находился на 28 месте из 41 имевшихся¹⁹⁶.

Прибытие в МГМИ руководителя столь высокого ранга свидетельствовало об особом внимании главного управления к институту. Отставание МГМИ от других вузов заставляло коренным образом улучшить состояние всей работы. Прежде всего, молодому вузу необходим был сильный профессорско-преподавательский состав.

В 1939 г. в институте произошли значительные изменения. 3 июня Наркомчермет назначил директором института П.В. Журавлева. Ему пришлось руководить институтом в самые трудные военные годы. На этом ответственном посту он находился до 31 мая 1946 г. и внес большой вклад в развитие вуза¹⁹⁷. В 1939 г. заместителем директора по учебной и научной части стал Петр Андрианович Слесарев¹⁹⁸. В феврале того года старший преподаватель Попов С. И. был назначен и.о. декана горного факультета¹⁹⁹.

В связи со сложившейся обстановкой институт стал принимать меры для того, чтобы соответствовать требованиям высшей школы. Если в начале 1939 г. в МГМИ действовало десять кафедр²⁰⁰, то в сентябре 1939 г. их стало 16: кафедра марксизма-ленинизма; кафедра иностранных языков; кафедра военного дела; кафедра физкультуры; кафедра высшей математики; кафедра физики; кафедра общей и аналитической химии; кафедра механики; кафедра энергетики; кафедра металлургических печей; кафедра металловедения и термообработки; кафедра пластической обработки металла; кафедра физической химии и теории металлургического производства; кафедра геологии; кафедра разработки месторождений; кафедра спецдисциплин горного дела²⁰¹.

В сентябре 1939 г. к горному факультету прикрепили следующие кафедры: геологии, разработки полезных ископаемых, специальных дисциплин горного дела, физики, математики, механики, физкультуры, иностранных языков. В ноябре 1939 г. заведующим кафедрой «Специальных дисциплин горного дела» (СДГД) назначили Слесарева П.А.²⁰². Какие бы высокие должности ни занимал Петр Андрианович он всегда проявлял высокий интеллект, умение работать с людьми, решать сложные научные и организационные проблемы.

В 1939 г. кафедра социально-экономических наук получила новое название – основ марксизма-ленинизма. В феврале 1939 г. Магнитогорский горком ВКП(б) утвердил заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма Г.К. Бакланова, а в конце 1939 г. в ин-

ституте был создан кабинет марксизма-ленинизма, которым заведовал преподаватель рабфака И.Г. Довгошея²⁰³.

Партийно-политическому воспитанию в те годы уделялось особое внимание. Заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма входил в номенклатуру ГК ВКП(б) и его утверждали на бюро горкома. Чаще всего преподаватели этой кафедры или работали в партийных органах, или совмещали преподавательскую работу с партийной работой.

В ознаменование 60-летия И.В. Сталина в Советском Союзе учреждались премии им. Сталина. Это были Сталинские (Государственные) премии. За лучшие научные исследования, изобретения выделялось по 10 первых премий в размере 100 тыс. руб. каждая, двадцать вторых премий по 50 тыс. руб. каждая, тридцать третьих премий по 25 тыс. руб. каждая. Для студентов вузов, находившихся в ведении Наркоматов, выделялась тысяча стипендий по 500 руб. в месяц. Лучшие аспиранты получали сталинские стипендии в размере тысячи рублей в месяц, а докторанты – 1,5 тыс. руб.²⁰⁴.

Итак, многое изменилось в МГМИ со времени его образования. Постепенно сформировалось ядро преподавательского состава. Создавались новые кафедры, в том числе специальные. Лучшие преподаватели возглавили новые структурные подразделения. Однако не все из них имели ученые степени и звания. Все силы коллектива направлялись на сохранение статуса втуза.

Демократические принципы управления проявились в деятельности Ученого совета, на заседаниях которого решались актуальные проблемы института. Представители Главного управления учебных заведений, начиная с 1938 г., стали постоянно приезжать в МГМИ. Это позволяло на месте решать насущные вопросы жизнедеятельности вуза и оказывать реальную помощь.

Как показало исследование, со времени официального получения статуса втуза в институте происходили структурные преобразования, направленные на совершенствование всех сфер деятельности. Администрации института совместно с преподавателями удалось выйти из кризисной ситуации. Институт получил свое дальнейшее развитие.

2.2. Финансово-хозяйственная деятельность

Созданный на основе филиалов свердловских втузов горно-металлургический институт на первых порах не имел даже собственного помещения. Важно проследить, как развивалась хозяйственная и финансовая деятельность института, с каким проблема-

ми он столкнулся на начальном этапе становления, чтобы оценить масштабы сделанного администрацией и коллективом за 1930-е гг. От расширения и обновления материально-технической базы института, ассигнований, их рационального использования многое зависело в дальнейшем развитии института.

Институт в 1934/35 учебном году имел всего 26 комнат. Под лаборатории физики, химии и кабинеты отводилось 14 аудиторий, а остальные предназначались для учебных целей. Утром в институте приходилось размещать 14 групп, а вечером – 22. Часто студенты занимались в читальном зале библиотеки, иногда – в коридоре. Лаборатории обслуживали и горно-металлургический техникум²⁰⁵.

Тогда в институте действовали лаборатории: физики, качественного анализа, количественного анализа, общей химии. Весь бюджет института укладывался в 98088 руб., из которых учебные расходы составляли 13738 руб. и культурно-бытовые – 1750 руб.²⁰⁶.

Общая сумма ассигнований на институт на учебный год распределялась следующим образом: на административно-хозяйственные расходы свыше 18 тыс. руб. (только на вечерников). Учебные расходы составили 12,5 тыс. руб. – на вечерников и 1,3 тыс. руб. – на дневников. На зарплату персоналу – 44,7 тыс. руб. и 8,9 тыс. руб. соответственно. На стипендию студентов-дневников направлялось 12 тыс. руб., на культурно-бытовые нужды – 1,8 тыс. руб.²⁰⁷.

Пропускная способность лабораторий составляла всего восемь человек. Лаборатория общей химии использовалась для лекций по химии и не была оборудована как постоянная лаборатория. В кабинете черчения (чертежном зале) пропускная способность также не отвечала необходимым требованиям²⁰⁸.

А.Б. Баян и А.В. Лапина вспоминали: «Учились в непригодном небольшом здании, где самым большим помещением был спортивный зал. Библиотека института не могла полностью обеспечить учебными пособиями. Чертежный зал ютился в одной тесной комнате. Кафедры института не имели возможности развернуть лабораторную базу, которая могла бы удовлетворить требованиям нормального учебного процесса»²⁰⁹.

Данная информация показывает с какими трудностями столкнулся институт, начиная первые занятия. Не только недостаточное количество преподавателей сдерживало полноценное начало учебного года, администрации еще приходилось решать проблемы размещения студентов. Не хватало учебных аудиторий, лабораторий и кабинетов, библиотечный фонд также был невелик.

Предстояло практически с нуля начинать обустройство помещений. Выделяемых ассигнований явно не хватало для нормальной деятельности института.

По словам выпускников, учебный год будущий горно-металлургический институт начал в первом в Магнитогорске капитальном жилом доме по улице Пионерской, второй год – в здании будущего профессионально-технического училища на проспекте имени Пушкина, последующие – в капитальном здании на Ежовке, – довольно далеко от строящегося комбината, где работало большинство студентов. Городского транспорта и дорог не было.

Преподаватели и студенты, особенно первого приема, поначалу переживали очень большие трудности. Все работали с большим напряжением, нередко в неотопляемом помещении. Учебников, тетрадей не хватало. Лабораторная база была примитивная²¹⁰.

Журналист Р. Шнейвас, один из первых выпускников МГМИ, опубликовал в 1934 г. в газете «Магнитогорский рабочий» выдержки из письма студента МГМИ другу, обучавшемуся в московском вузе. Был ли это настоящий или вымышленный студент, судить трудно, но переписка передает атмосферу и условия студенческой жизни того времени.

Как пишет студент МГМИ, в городе открылся металлургический институт. Эти годы учебы напоминали сорокадневный октябрьский штурм на площадке строительства завода в 1931 г. Не хватало учебных лабораторий. В аудиториях было холодно, как в брезентовой палатке у Ежовки. Не все было благоустроено в институте²¹¹.

Со слов директора института на совещании, в начале 1934/35 учебного года обеспеченность помещениями в институте была крайне недостаточная. На общее количество студентов в 876 человек, включая рабфак, имелось лишь 11 аудиторий, из них к институту относилось пять.

По его мнению, физическая и химическая лаборатории были оборудованы сносно. В следующем году намечалось организовать кабинеты металлографии и горный, но для них не имелось помещений. Крайне необходим был второй зал графики, хотя и первый находился далеко не в лучшем состоянии.

Общежития института и рабфака, по мнению директора, находились в удовлетворительном состоянии, в них имелись три радиоточки. Однако в общежитиях не хватало постельных принадлежностей. Обеспеченность простынями составляла всего 50%.

Из-за отсутствия стекла некоторые рамы были не остеклены, требовалось около тысячи кв. м стекла.

Из 876 студентов в общежитии проживало 114 человек (13%). Озабоченность руководства института вызывал тот факт, что остальные студенты в дни самостоятельной работы из-за отсутствия помещений не могли проводить учебные работы. Участники совещания обратились к директору ММК А.П. Завенягину за помощью в решении хозяйственных проблем²¹².

Такие условия едва ли можно назвать нормальными. Отсутствовало необходимое количество аудиторий, непригодными для проживания были и общежития. Как сообщала газета «Магнитогорский рабочий» в сентябре 1934 г. рабфак имел общежитие, но состояние его было неудовлетворительным. Оно нуждалось в капитальном ремонте, в ряде помещений отсутствовал свет, рамы не везде были остеклены, в дверях не было запоров. Ремонт никто не занимался²¹³. Большую часть студентов, проживавших в общежитии, составляли рабфаковцы. Однако условия проживания на первых порах оказались далеко не идеальными.

Студенческая столовая для рабфака отсутствовала. Под общежитие использовался арендуемый деревянный дом с жилой площадью 442 м², где размещалось 120 человек. 30 слушателей рабфака нуждалось в общежитии²¹⁴.

В предыдущем учебном году положение с учебно-методической литературой было еще хуже. Обеспеченность учебниками и учебными пособиями на январь 1934 г. составляла 6707 экземпляров. При потребности дополнительно в 485 изданий поступило только 402. По научным дисциплинам учебной литературы также было недостаточно. Всего в фондах библиотеки имелось 11127 книг, и поступило в 1934 г. 5622 экземпляров²¹⁵.

По другим сведениям, в институте насчитывалось четыре аудитории, два кабинета, пять лабораторий. Библиотечный фонд состоял из 26,6 тыс. экземпляров книг, из них 11,1 тыс. учебников и учебных пособий, 6,5 тыс. – технической литературы, 293 журналов. Читальный зал был рассчитан всего на шесть человек. В лаборатории качественного анализа одновременно могли заниматься 28 человек, в лаборатории количественного анализа – 36, в лаборатории общей химии – 14 студентов²¹⁶. Вторые показатели по библиотечному фонду были выше. Но и они являлись недостаточными для самостоятельной работы студентов, тем более, что некоторые учебные издания устарели.

Заведующий кафедрой МГМИ Н.Н. Лапин считал, что к началу учебного года институт имел вполне оборудованный чертежный кабинет, физическую и химическую лаборатории²¹⁷. С ним согла-

сен был и директор института. Директор МГМИ А.М. Упенек, писал, что в институте имелось весьма приличное оборудование химической и физической лаборатории, библиотека, но его не удовлетворяло само здание, в котором находились несколько учебных заведений. Он предлагал выделить здание на Ежовке²¹⁸. Следовательно, какой-никакой задел для начала учебного года все же имелся. Но требовались новые площади, и ради этого директор был готов получить здание на Ежовке. Видимо, такой вариант уже прорабатывался.

Главное управление учебных заведений НКТП СССР в январе 1935 г. отметило удовлетворительное состояние кабинетов по физике и аналитической химии, но неудовлетворительное – чертежного зала, имелись плохо оборудованные учебные аудитории (недостаточность инвентаря, наглядных пособий, демонстративных материалов)²¹⁹. Об этих недостатках упоминали и очевидцы событий. Предстояла трудоемкая работа по наращиванию мощностей института. Без этого учебный процесс становился профанацией.

Считается, что в 1936 г. по решению городских организаций, институту было предоставлено не совсем удобное, но достаточное тогда для него по размерам трехэтажное здание школы Горпромуч (объем здания 20880 куб. м), вблизи рудника, у подножья горы Атач. С переходом в это здание можно было начать оборудование специальных кафедр и лабораторий²²⁰.

По поводу передачи здания в сборнике, из которого взята информация, кроется ошибка, поскольку новое помещение было выделено летом 1935 г. Вслед за этой информацией и другие источники стали повторять неверную дату²²¹.

Как сообщалось в газете «Магнитогорский рабочий», в июне 1935 г. МГМИ получил новое здание на Ежовке, но помещение бывшего Горпромуча требовало капитального ремонта. Поэтому преподаватели Корж П.Д., Лапин Н.Н., Фишер Ф.И., Комиссаров И.И., Василенко Г.С., Венгеровский Я.С., Косенко М.С., Пассовский А.Г., Темянко В.С., Ильина А.Ф. и др. обращались через газету «Магнитогорский рабочий» к строителям. Они отметили бездушное, бюрократическое отношение руководителей строительной организации комбината к ликвидации недоделок и ремонту здания.

Профессорско-преподавательский персонал института и рабфака вместе со студентами уже обращались с просьбой отремонтировать помещение, но ничего не было сделано. Хотя начальник комбината А.П. Завенягин указал на недоделки, но шла волокита. Институт приостановил перевозку оборудования²²².

Помещения, выделенные для МГМИ, требовали капитального ремонта. Но по смете на 1935 г. отпущенных 20 тыс. руб. было явно недостаточно. По ней стоимость работ определялась в 7,6 тыс. руб., а стоимость материалов в 12,4 тыс. руб. Предусматривался ремонт крыши, перестилка полов, побелка, исправление рам, дверей, их окраска, ремонт столов. Те же вопросы предстояло решить и в общежитии студентов²²³.

Для ведения работы в общежитии также требовались работники. Выделяемых средств на содержание общежитий было недостаточно²²⁴.

Все же ремонт был сделан. Как говорилось в газете «Магнитогорский рабочий» в сентябре 1935 г., институт впервые за четыре года получил «собственное» здание: вместительное, красивое и удобное. Студентов радовали светлые, просторные аудитории и хорошо оборудованные лаборатории. Но общее впечатление праздничного начала нового учебного года портили: строительный мусор, отходы, нехватка стульев. Студенты, пришедшие из прежнего здания, преодолели трудности прошлых лет учебы – и холод, и грязь, и кустарщину лабораторий²²⁵.

В новом здании МГМИ имелось девять лабораторий: общей химии (с пропускной способностью 25 человек), качественного анализа (25 чел.), количественного анализа (25 чел.), оптическая (12 чел.), измерительная (12 чел.), молекулярной физики (12 чел.), электрическая (12 чел.), металлографическая (12 чел.), термообработки (6 чел.). В здании института находились и кабинеты: геологии и минералогии (вместимость 24 человека), теоретической механики (12 чел.), физической химии (25 чел.), графики (40 чел.), металлургических печей (12 чел.), иностранных языков (6 чел.), военный кабинет (25 чел.). Спортзал был рассчитан на 60 студентов.

Здание МГМИ на Ежовке

Библиотечный фонд тогда насчитывал 32,3 тыс. книг, в том числе учебных пособий – 28 тыс. экземпляров. Иностранских книг по учебным дисциплинам имелось 647. Услугами библиотеки пользовались 610 человек. За год было выдано свыше 36 тыс. книг²²⁶. Из этих сведений видно, что условия обучения студентов значительно улучшились. Стало больше учебных аудиторий, лабораторий, учебных кабинетов. Институт стал обретать с новой технической базой очертания настоящего высшего учебного заведения. Конечно, администрация втуза хотела большего. Но пришлось смириться с переселением в новое здание. Надежды возлагались на будущее строительство нового учебного корпуса, которое затянулось надолго.

Администрация института стремилась увеличить фонд библиотеки. Пополнение библиотеки шло через Книгоцентр. В 1935 г. из-за плохой работы отделения Книгоцентра в Магнитогорск не завезли учебники для вузов: по высшей математике, физике, механике, специальные книги – по обработке металлов, доменному процессу²²⁷. Это повлияло на обеспечение студентов и преподавателей учебной литературой. Приходилось довольствоваться имевшимися учебниками.

В декабре 1936 г. на заседании депутатской группы МГМИ был заслушан отчет заведующей библиотекой Шуриной. Заседание выявило, что в библиотеке института явно не хватало учебников. Выданные учебники на дом часто задерживались. Мало было и художественной литературы, периодических изданий. Выступавшие в прениях предлагали расширить и оборудовать читальный зал.

Предполагалось читальный зал использовать не только для учебы, но и для отдыха как студентов, так и преподавателей. В читальном зале намечалось поставить несколько диванов, чтобы можно было отдохнуть и почитать хорошую литературу²²⁸. В те времена библиотека являлась культурным центром института. У студентов не было возможности найти необходимую литературу в другом месте. От того как они обеспечивались учебными пособиями и научной литературой во многом зависела учебная и научно-исследовательская деятельность.

Как отмечал в газете «Магнитогорский рабочий» студент МГМИ Пономарев, у многих студентов квартирные и семейные условия не позволяли работать дома, а читального зала в Магнитогорске нет. В Ленинграде, например, имелась публичная библиотека, которая работала с утра до ночи и в выходные дни. Он предлагал иметь такой зал в городе²²⁹.

Многое в развитии института зависело от его бюджета. В 1936 г. на зарплату педперсонала выделялось 277,2 тыс. руб., а административно-хозяйственных работников – 181,4 тыс. руб. Зарплата с начислением доходила до 458,6 тыс. руб. Административно-хозяйственные расходы в тот год находились на уровне 96,4 тыс. руб., учебные и научные расходы – 71,3 тыс. руб., материальное обеспечение – 332,2 тыс. руб., в том числе стипендии студентов – 262,9 тыс. руб.

На капитальное строительство было израсходовано 29,9 тыс. руб., на учебное оборудование – 9,8 тыс. руб. В итоге капитальные расходы достигали 39,7 тыс. руб. От хозяйственных организаций институт получил оборудования на 4,1 тыс. руб.

На январь 1937 г. основные средства МГМИ составляли 420,2 тыс. руб., в том числе оборудование, машины, учебно-технический инвентарь – 181,3 тыс. руб., хозяйственный инвентарь – 146,4 тыс. руб.²³⁰. Эти показатели свидетельствовали об укреплении материально-технической базы втуза по сравнению с началом его работы. Прослеживается положительная динамика в техническом оснащении втуза. Но ассигнований как всегда не хватало. Для полноценной работы института требовались большие вложения.

В Уральском регионе выделяемые средства на высшие учебные заведения также увеличивались. На Урале за годы второй пятилетки расходы на вузы возросли в 2,5 раза²³¹.

В объяснительной записке к годовому отчету по МГМИ за 1938 г. отмечались как положительные, так и отрицательные стороны деятельности втуза. В документе подчеркивалось, что здание института было непригодно к проведению учебных занятий. В течение ряда лет не проводился капитальный ремонт. Особенно плохо обстояли дела с крышей.

Институт находился у подножия горы Магнитной, и взрывы пород резко отражались на здании, которое имело трещины. С каждым годом разработки приближались к зданию института, что негативно влияло на его состояние.

Состояние аудиторий также было неудовлетворительным: мебель имела разнообразную и подлежала замене. Лаборатории находились в неприглядном состоянии и не обеспечивали качество преподавания. На факультетах отсутствовали лаборатории по специальным дисциплинам.

Легкового транспорта в институте не имелось, что осложняло работу, так как завод и город были разбросаны на 12-15 км. Отсутствие транспорта приводило к трудностям для преподавателей, вынужденных тратить много времени для того, чтобы добраться

вовремя в институт. Отсюда и частые опоздания как преподавателей, так и студентов.

Общежития для студентов были барачного типа. На новое строительство деньги не отпускались.

Капитальные вложения за отчетный 1938 г. равнялись 351,7 тыс. руб., в том числе на капремонт – 30 тыс. руб., на приобретение оборудования за счет бюджета – 175 тыс. руб. (через Промбанк) и 146 тыс. руб. (через Госбанк). Запасы материалов на складе увеличились с 52,7 тыс. руб. до 83,6 тыс. руб.

Дебиторская задолженность дошла до 33,4 тыс. руб. По кредитной задолженности высокая задолженность наблюдалась по расчетам за госзаймы. За год выбыло имущества на 50,7 тыс. руб. Финансовая работа за 1938 г. института и рабфака ГУУЗом была признана неудовлетворительной²³².

Пояснительная записка вскрывала основные недостатки в развитии втуза. Прошло всего три года после переезда в новое-старое здание, а проблем не убавилось, а, напротив, добавилось. Рос институт, контингент студентов и преподавателей, и имевшиеся учебные площади не могли обеспечить нормальную жизнедеятельность МГМИ. Неудовлетворительная оценка финансовой деятельности института вышестоящим органом говорила сама за себя. Получаемые незначительные средства использовались нерационально.

Отрицательная оценка финансово-хозяйственной деятельности со стороны главного управления свидетельствовала не столько о плохом руководстве администрации института, сколько о просчетах высших управленческих структур, не создавших нормальных возможностей для развития нового втуза. Металлургический комбинат в тяжелых условиях 1930-х гг. также не в состоянии был оказать существенную помощь МГМИ. Так, в конце 1930-х гг. институт подошел к кризисному состоянию. Требования к втузу росли, а реальной помощи не ощущалось.

В феврале 1939 г. при обсуждении годового отчета анализировалась ситуация в институте, предлагались меры по устранению недостатков. Так, заведующий кафедрой химии Н.Н. Лапин указал на грубейшие нарушения финансовой дисциплины. По его словам, оборудование покупалось без плана, преимущественно дорогое, про реактивы, стекло, бумагу часто забывали. Были заморожены средства на вентиляцию в лабораториях, а без нее работать было невозможно.

По мнению другого заведующего кафедрой П.Д. Корж, сумма капиталовложений в 810 тыс. руб. неверная, так как не было проведено ни одной инвентаризации оборудования и материалов на-

учно-исследовательских работ. Средства на НИР остались в значительной степени неиспользованными, ввиду расходов по другим статьям. Единственный трансформатор, купленный для научно-исследовательских целей, отдали металлургическому комбинату, а взамен ничего не получили.

Преподаватель Г.С. Василенко обратил внимание на произвол в расходовании средств. Переносы средств из одной статьи в другую достигли чудовищных размеров. По некоторым статьям имелся недорасход, но эти деньги нельзя было использовать в связи с их расходом по другим статьям. Он считал, что научных командировок было достаточно, но отсутствовали по ним отчеты. Поэтому нельзя судить, рационально ли использовались деньги на командировки. Оборудование в институт поступало без плана и часто применялось нерационально. Библиотечный фонд формировался стихийно.

По его мнению, преподаватели Г.М. Заморуев и М.И. Бояршинов находились на особом положении. Они часто разъезжали по командировкам в Ленинград на государственные средства без дела, опаздывали к началу занятий. Руководство институтом осуществлялось только треугольником (Безденежных – Ткаченко – Журов), без мнения других преподавателей, а от этого страдало дело.

Выступавший в прениях, преподаватель А.Б. Баян рассказал о проблемах, с которыми сталкивался рабфак. Это, прежде всего, невозможность оборудовать физический кабинет, из-за отсутствия денег. Он полагал, что учет поступавшего оборудования велся недостаточно хорошо. Его также волновал вопрос плохого состояния электрооборудования.

Как считал профессор П.А. Слесарев, заведующий кафедрой не отвечал за оборудование. В своем выступлении он призвал провести инвентаризацию и добиться получения средств на проектирование нового здания.

Отвечая на критические замечания, директор института А.А. Безденежных объяснял нарушения финансовой дисциплины тяжелым положением МГМИ – необходимостью постоянного ремонта и созданием новых лабораторий. На 30 тыс. руб. отпущенных средств на ремонт и скромные ассигнования на оборудование, невозможно было сделать даже самое необходимое.

По поводу передачи трансформатора ММК было сказано, что это сделано добровольно, так как он требовался для пуска в эксплуатацию второй плотины. Директор подчеркнул, что «его надо было отдать. Эта жертва необходима»²³³.

Обсуждение отчета показало неравнодушие преподавателей к делам института. Нарушений имелась масса. Ввиду отсутствия необходимых средств приходилось маневрировать, порой идти на не предусмотренные расходы, на нецелевое использование финансов. Конструктивные предложения преподавателей, высказанные в ходе обсуждения годового отчета, нашли свое отражение в дальнейшей работе института.

Имевшиеся основные фонды руководство МГМИ пыталось привести в надлежащий вид. Когда получали новое здание института, то были рады тому, что дали. Но со временем стало ясно, что необходимо улучшать условия для работы. Большое, но неудачно спланированное здание института, было решено капитально отремонтировать и несколько изменить планировку аудиторий. Одновременно проводился ремонт студенческих общежитий.

Лаборатории не удовлетворяли требованиям по оборудованию. На пополнение лабораторий оборудованием затратили свыше 100 тыс. руб., что значительно превышало предыдущие затраты. В институте провели перепланировку. Лаборатории разместили в совершенно изолированных друг от друга уголках здания, а наиболее крупные из них заняли целое крыло.

Актный зал переоборудовали под библиотеку. Не хватало лишь кровельного железа, чтобы завершить ремонт крыши.

В связи с увеличением контингента студентов требовались жилые помещения в общежитиях. Дирекция ММК выделила под общежитие большой каменный барак на Ежовке. Но в него не прошло заселение студентов, поскольку не выселили прежних жильцов²³⁴.

Приходилось самостоятельно искать пути выживания, налаживать контакты с предприятиями и организациями. Вновь прибывшая из Ленинграда в МГМИ преподаватель И.Н. Заморуева воспользовалась старыми связями. Она писала: «В октябре мне пришлось поехать в командировку в Ленинград для приобретения различных материалов непосредственно на заводах. Хочется отметить, что предприятия чутко откликались на запросы Магнитогорского института, и тогда было получено много необходимых для лабораторных занятий материалов. Организовывались и оснащались оборудованием лаборатории. Кафедра развивалась»²³⁵.

Хотя бюджет страны в предвоенные годы был напряженным, но все же выделялись средства на подготовку кадров. Расходы госбюджета на подготовку кадров в 1939 г. предусматривали 7,2 млрд. руб., на научно-исследовательские учреждения – 903 млн. руб., на просвещение, включая и вузы – 21,1 млрд. руб.²³⁶. Часть из этих средств шла и на техническое переоснащение МГМИ.

Хотя ГУУЗ НКЧМ предлагало подавать заявки от институтов на поставку в 1940 г. импортного оборудования²³⁷, но надежда на получение такого оборудования была небольшой.

Для нормальной организации учебного процесса необходимо было новое здание института, причем в ином месторасположении. Представитель руководства ГУУЗа на Ученом совете института заявил, что институт сам виноват, что нет здания²³⁸.

В центре все же решили выделить деньги на строительство здания института. Через бывших магнитогорцев удалось «пробить» этот вопрос. 1 июня 1939 г. на внеочередном заседании Ученого совета слушался вопрос «Основные установки проектного задания для постройки института». Заместитель директора МГМИ П.А. Слесарев информировал собравшихся о распоряжении заместителя наркома черной металлургии П.И. Коробова, бывшего директора ММК, о включении в генеральную смету достройки металлургического комбината в третьей пятилетке 11 млн. руб. на постройку зданий МГМИ с расчетом: учебное здание площадью 60 тыс. м² (6 млн. руб.), общежитие на 700 студентов (3 млн. руб.), профессорский дом на 44 квартиры (2 млн. руб.). Создавалась комиссия по разработке контрольного задания по строительству²³⁹.

В продолжение решения Наркомата на заседании президиума Магнитогорского горсовета 20 августа 1939 г. рассматривался вопрос «Об отводе площадки под строительство горно-металлургического института». Было решено отвести площадку под строительство на правом берегу в кварталах 2, 4 и 7, предусмотренных Генпланом города под учебный городок²⁴⁰.

Газета «Магнитогорский рабочий» поторопилась сообщить, что в городе началось строительство нового здания МГМИ. На его строительство наркомат черной металлургии выделил 11 млн. руб.²⁴¹. Однако радоваться было рано. Строительство здания отложили до лучших времен.

Абитуриентов необходимо было знакомить лишь с достижениями института. Накануне приемных испытаний в июле 1939 г. директор МГМИ П.В. Журавлев выступил в газете «Магнитогорский рабочий». По его словам, в институте имелись прекрасно оборудованные лаборатории общей и аналитической химии, количественного и качественного анализа; лаборатория физики с ее отделами (оптика, электричество, теплота и проч.). Кроме того, действовали хорошие лаборатории по металловедению и термической обработке металлов и ряд других лабораторий и кабинетов.

До начала учебного года в институте проводился как капитальный, так и текущий ремонт учебного корпуса и общежитий. Учебный корпус и все лаборатории были полностью отремонтиро-

ваны. В студенческих общежитиях все было готово для приема студентов: постельное белье, оборудованные радиоприемниками и трансляционными точками красные уголки²⁴².

Спустя месяц он вновь информировал читателей, что к началу учебного года все намеченное отремонтировали. Лаборатории пополнились новым капитальным оборудованием. В лаборатории металловедения приступили к монтажу 35-тонной разрывной машины. Подготовили помещение для монтажа рентгеновской установки, почти закончили оборудование термической лаборатории. Все преподаватели заботливо, с большой любовью подготавливали лаборатории к новому учебному году. Особенно много труда вложил и.о. заведующего кафедрой Лапин Н.Н.²⁴³. Не дождавшись строительства нового учебного корпуса, администрации приходилось довольствоваться малым: проводить ремонт, оборудовать старые лаборатории. Другого выхода просто не было.

В библиотеке книг для учебного процесса по-прежнему не хватало. Через газету «Магнитогорский рабочий» библиотека МГМИ обращалась к горожанам с просьбой о покупке у них технических журналов и технических книг²⁴⁴. Низкая успеваемость, по мнению преподавателя П.Д. Корж, была, прежде всего, вызвана недостаточным обеспечением учебными программами и учебными пособиями²⁴⁵. Библиотеку приходилось пополнять и таким способом.

После проведенных мероприятий, к ноябрю 1939 г. институт имел девять хорошо оборудованных кабинетов. На пополнение кабинетов новым оборудованием использовали 190 тыс. руб.²⁴⁶.

Однако положение института продолжало оставаться очень трудным. Получив непригодное для вуза здание у горы Атач, институт испытывал недостаток аудиторий и других учебных помещений. Очень слаба была лабораторная база²⁴⁷.

Материалы исследования показывают, что хозяйственное обустройство института шло сложно. Основное направление развития института проявлялось в укреплении материально-технической базы, без которой МГМИ не мог состояться как высшее учебное заведение.

Однако администрации института не все удалось сделать в этом направлении. Первоначально МГМИ приходилось перемещаться из одного здания в другое. Выделенное помещение на Ежовке, также оказалось не отвечающим требованиям высшего учебного заведения. С расширением контингента студентов недоставало помещений для лабораторий, кабинетов. Трудно шел процесс улучшения оборудования лабораторий современными прибо-

рами и машинами. Отпускаемых центром средств не хватало. Не всегда они использовались рационально.

Структурные изменения, проводившиеся в МГМИ в течение 1934-1939 гг., привели к повышению статуса института. Из небольшого учебного заведения институт превратился в вуз, в основном отвечавший требованиям, предъявляемым к высшей школе. В МГМИ проявлялись положительные тенденции. За прошедшие годы возросла остротенность профессорско-преподавательского состава, в институте стали возникать научные школы, открываться новые кафедры, заметно улучшился учебный процесс. Коллектив МГМИ, стоявший на грани прекращения деятельности, сумел преодолеть кризисную ситуацию. В институте совершенствовалась организационно-управленческая деятельность. Большую роль играл Ученый совет в решении важных и актуальных для коллектива задач.

Глава 3. Образовательная и научная деятельность

3.1. Организация учебного процесса

Главное, на что направлены усилия высшего учебного заведения, – это подготовка высококлассного специалиста, не только хорошо знающего теорию, но и умеющего на практике применять полученные знания. Предстоит исследовать организацию учебного процесса, проанализировать как положительные, так и отрицательные моменты образовательной деятельности в МГМИ. При этом необходимо изучить организацию приема в институт, динамику движения контингента студентов, качество подготовки и конечный результат обучения – выпуск инженеров и их дальнейшее трудоустройство.

Состояние контингента, его возможности учиться во многом определялось предвузовской подготовкой. Следует откровенно признать, что качество обучения в школе в то время еще было далеко до совершенства. В стране, где велась борьба с неграмотностью и малограмотностью, трудно было рассчитывать на высокие достижения в образовании. Среди поступавших, особенно без отрыва от производства, пробелы в знаниях были еще более заметны.

Руководству вуза предстояло не только думать о совершенствовании учебного процесса, но и доведении абитуриентов до подходящего уровня, способных учиться дальше. Чтобы развиваться и превратиться в настоящее высшее учебное заведение, необходимо было отобрать будущий контингент из молодежи, что имела как в самом молодом городе, так и в ближайших окрестностях. Для доведения знаний поступавших до требований высшей школы действовали рабочий факультет и краткосрочные подготовительные курсы.

Для привлечения во втуз использовалось доступное для того времени средство массовой информации – городская газета, имевшая тираж до 30 тысяч экземпляров. О первом наборе в новое учебное заведение – в горно-металлургический институт – магнитогорцы узнали из газеты «Магнитогорский рабочий». В июне 1934 г. появилось объявление в газете за подписью директора института и рабфака Сафронова, в котором говорилось, что Магнитогорский горно-металлургический институт и рабфак (без отрыва от производства) объявили осенний набор студентов. Институт выпускал инженеров-металлургов и горняков-эксплуатационников. Набор проводился на 1-3 курсы, а на рабфак – на 1-4 курсы. Заяв-

ления принимались до 15 июля 1934 г. в здании ФЗУ, институт (4 этаж, комната 68), рабфак (3 этаж, комната 59)²⁴⁸.

Однако в связи с новой ситуацией пришлось изменить извещение. Сентябрьское объявление в газете «Магнитогорский рабочий» извещало о приеме студентов в дневные прокатные группы МГМИ с отрывом от производства. Заявления принимались с 7 по 20 сентября, а приемные испытания проводились с 21 по 25 сентября. Занятия начинались с 1 октября 1934 г. Объявление подписал вновь избранный директор института и рабфака А.М. Упенек²⁴⁹.

Такое начало учебного года было вызвано тем, что 7 сентября из Главного управления учебными заведениями Наркомата тяжелой промышленности пришла телеграмма об открытии в институте дневного отделения из двух групп с прокатным уклоном. В этих группах занятия начинались лишь 1 октября. Директору же института пришлось объясняться перед вышестоящим руководством о причинах несвоевременного начала учебного года в 1934/35 учебном году. Это было вызвано также еще и тем, что из-за халатности заведующего учебной частью В.Б. Бернштейна вместо первых занятий для вечерников еще проводились приемные испытания²⁵⁰. В те времена отсутствовали понятия абитуриент и приемные экзамены. По ходу повествования автором вводились знакомые читателям термины.

С одной стороны, такое начало деятельности нового втуза дезориентировало население, но с другой стороны, все же первый блин не стал комом, поскольку с открытием дневного отделения повышался статус учебного заведения. Из вечернего он становился полноценным втузом. Магнитогорский педагогический институт, возникший в 1932 г., так и оставался вечерним вплоть до 1936 г. пока его не закрыли, и только с 1938 г. там стало действовать дневное отделение.

В сентябре 1934 г. МГМИ организовал прием и на первый курс дневного отделения (две группы в количестве 50 человек)²⁵¹. К ним добавилась и новая группа вечерников.

Большую часть первокурсников составили студенты рабочего факультета. Один из первых выпускников МГМИ вспоминал как из 76 выпускников рабфака – молодых строителей комбината сформировалось три специальности: «Металлургия чугуна и стали», «Прокатное производство» и «Разработка месторождений полезных ископаемых». Он был в числе студентов первой специальности²⁵².

По движению контингента можно хорошо проследить насколько успешно работал вуз в образовательном процессе. Иссле-

дование данной проблемы позволяет выявить причины отсева студентов и достижения в сохранении контингента. Динамика движения контингента – это важный показатель развития института, реальных последствий управленческих решений администрации в работе с персоналом и студенческим коллективом.

В 1934 г. в МГМИ студенты обучались на отделениях: прокатном, металлургическом и горном²⁵³. Из протокола совещания директоров и завучей учебных заведений НКТП при Магнитогорском металлургическом комбинате от 17 ноября 1934 г. можно узнать, что на 15 сентября 1934 г. в институте училось 233 человека, в том числе без отрыва от производства 185 человек (79,4%) и 48 человек с отрывом от производства. Среди них коммунистов было 21 и комсомольцев 61²⁵⁴. От прежнего горно-металлургического института остались студенты, которые перешли в новый вуз.

По другим сведениям, на 1 сентября 1934 г. переходящий контингент составил 82 студента, в том числе на металлургическом отделении на 2 курсе – 35 человек, на 3 курсе – 19. На горном отделении на 2 и 3 курсах обучалось по 14 человек. Новый набор вечернего отделения включал не только первокурсников. На металлургическое отделение на 1 курс было принято 65 человек, на 2 курс – 10, на 3 курс – 9. У горняков на 1 курсе приступили к занятиям 19 студентов, на 2 курсе – 4 и на 3 курсе – один человек дополнительно к переходящему контингенту. Всего состав студентов насчитывал 190 человек вместе с переходящим контингентом²⁵⁵. Разница с предыдущими показателями составляла 43 человека, хотя прошло всего полмесяца. Это были студенты дневного отделения, приступившие к занятиям позже.

Как писал в газете «Магнитогорский рабочий» директор МГМИ А.М. Упенек, будучи филиалом Свердловского индустриального института, горно-металлургического институт не мог развернуть полностью учебы ни количественно, ни качественно. Комплектование студентов проходило весьма слабо. В июне 1934 г. фактически училось 85 студентов. На 1 декабря их стало уже 233, из них – 48 с отрывом от производства.

В большинстве среди студентов были бригадиры, мастера, техники, рабочие-ударники. Несмотря на то, что институт формально считался вечерним, занятия в нем проходили днем и вечером – по параллельной программе для сменных групп²⁵⁶. Основная часть студентов работала в цехах. Кое-кто уже в должности сменных инженеров, начальников смен²⁵⁷.

Как видно из приведенных показателей, численность студентов за столь короткий срок выросла почти втрое. Создание сменных групп позволило увеличить количество желающих получить

высшее образование. Создание дневного отделения также повлияло на привлекательность втуза. Постепенно из некоего подобия института стало вырастать настоящее учебное заведение.

По данным на 15 сентября 1934 г., в МГМИ на металлургическом отделении обучалось 135 студентов (на 1 курсе – 63, на 2 курсе – 45, на 3 курсе – 27). На горном отделении проходило обучение 50 человек (на 1 курсе – 17, на 2 курсе – 18, на 3 курсе – 15). Все 185 студентов двух отделений обучались без отрыва от производства. Лишь 48 прокатчиков первого набора на 1 курсе учились с отрывом от работы.

В первом полугодии 1934/35 учебного года 10% студентов МГМИ отсеялось. Среди причин отчисления назывались: необеспеченность полностью стипендиями, высокая текучесть на заводе, отсутствие жилья, плохие транспортные условия²⁵⁸.

Большая часть студентов проходила обучение на металлургическом отделении. И это было правильное решение. Металлургический комбинат очень нуждался в инженерах, обеспечивавших руководство и бесперебойную работу его производственных отделов. Открытие нового вуза привлекло, прежде всего, будущих инженеров-металлургов. Это заметно по числу первокурсников металлургического отделения, превышавшего по своему удельному весу от общего количества, долю студентов первого курса среди горняков. Отчислений из втуза едва ли можно было избежать, поскольку причин для этого имелось множество. Причем многие из них повторялись и в дальнейшем.

Среди тех, кто учился на вечернем отделении, мужчины составляли большинство (84,9%), члены партии (10,3%), комсомольцы (23,8%). По социальному положению большая часть обучающихся была из служащих (71,9%) и из рабочих (26%). Основная часть студентов состояла из русских (66,5%), затем шли украинцы (17,3%), евреи (10,3%), белорусы (2,7%) и другие национальности.

На дневном отделении социально-демографический и национальный состав контингента несколько отличался от обучающихся без отрыва от производства. Мужчины составляли 70,8%, партийцы – 6,3%, комсомольцы – 35,4%. По социальному положению, принятые на 1 курс на 16,7% были из рабочих, столько же – из служащих. Если среди вечерников крестьяне отсутствовали, то на дневном отделении их удельный вес достигал более половины (52,1%). Как и на вечернем отделении, в составе будущих инженеров-прокатчиков преобладали русские – 68,8%, евреи и украинцы – по 12,5%²⁵⁹.

Данная статистика свидетельствует, что в основном в институте учились служащие. Как правило, это были работники-практики

без высшего образования, находившиеся на инженерных должностях. Наличие большого количества крестьян среди дневников также закономерно. Большую часть работников комбината составляли селяне, бежавшие из голодной деревни в город. Занимая рядовые должности, многие из них хотели получить инженерный статус, выбиться в люди.

По другим данным, по социальному составу студентов вновь образованный институт в сентябре 1934 г. состоял на дневном отделении: 9 человек из рабочих, 7 – из детей ИТР, 20 – из крестьян, 9 – из служащих. На вечернем отделении рабочая прослойка доходила до 43 человек, ИТР имелось 65, служащих – 56.

По национальному составу в МГМИ на дневном отделении обучались: 31 русский, 6 украинцев, 5 евреев, 1 башкир, 1 грузин, 1 осетин. На вечернем отделении численность русских доходила до 109, украинцев – до 30, евреев – до 17, белорусов – до 5, татар – до 3, поляков – до 2, башкир и греков – до 1²⁶⁰.

Статистика календарного года несколько отличалась от сведений сентября. Нужно иметь в виду, что в первом полугодии численность студентов была невелика. В течение календарного 1934 г. в МГМИ среднесписочный контингент студентов составлял 208 человек, в том числе на первом курсе – 78 человек. За год выбыло 144 студента, причем за неуспеваемость – 28, за нарушения дисциплины – 22. В результате проведенной «чистки» к январю 1935 г. в институте осталось 168 человек.

По национальному составу большинство обучавшихся составляли русские (65,1%), затем шли украинцы (17,2%), евреи (10,7%), белорусы (2,8%), татары (1,4%) и др. Женщин было немного – 18,1%. Всего имелось 7 групп студентов²⁶¹. С этих показателей начиналась деятельность нового учебного заведения. Позднее такую подробную информацию о студентах найти затруднительно. С началом работы института в новом статусе попытались навести порядок в составе контингента. Отсюда и значительные показатели отчисленных из МГМИ.

Во втором семестре 1934/35 учебного года в МГМИ на 1 курсе обучались с отрывом от производства только 45 прокатчиков. На металлургическом вечернем отделении обучение проходили 113 человек (1 курс – 45, 2 курс – 43, 3 курс – 25 человек). На горном вечернем отделении обучалось 84 студента, из них на 1 курсе – 19, на 2 курсе – 16, на 3 курсе – 49²⁶². Таким образом, металлурги потеряли 22 человека после первого семестра, горняки, напротив, увеличили свой состав на 34 человека в основном за счет третьего курса.

С изменением статуса института происходили перемены и на рабочем факультете. Как сообщала газета «Магнитогорский рабочий» в 1934 г., чрезвычайно бурно проходил набор на вечерний рабфак. По плану необходимо было набрать 180 человек, а к испытаниям допустили 522. На рабфаке в то время не все вопросы обучения были решены. Так, педагогами факультет укомплектовали не полностью: не хватало двух педагогов для нацменотделений²⁶³.

Среди студентов рабочего факультета проводили чистку. Поиски классовых врагов приводили к тому, что студент 1 курса Ростовберский был в августе 1934 г. исключен из числа слушателей рабфака приказом директора института и рабфака как классово чуждый элемент. Обнаружилось, что он был сыном кулака²⁶⁴.

Из протокола совещания директоров и завучей учебных заведений НКТП при Магнитогорском металлургическом комбинате от 17 ноября 1934 г. становится ясно, какие важные проблемы затронул директор металлургического института и рабфака А.М. Упенек. На рабфаке обучалось 537 человек, из них 164 нацмен (30,5%). На рабфаке предстояло в том учебном году выпустить 14 нацмен и 30 русских.

Как считал директор, массового отсева студентов по рабфаку не наблюдалось. Для того чтобы сохранить показатели контингента по рабфаку, набрали на 60 человек больше, а отсеялось всего 80 человек. Хуже всего успеваемость отмечалась в нацменном отделении рабфака²⁶⁵.

Рабочий факультет стал важным средством подготовки к поступлению в институт. К сожалению, в организации его работы имелось немало проблем, не позволявших решать поставленные задачи. Особенно трудным оказалось положение на нацменном отделении. Отсутствие нормального отбора при поступлении на рабфак чаще всего приводило к высокому отсеву. Неустроенность учебы и быта также становилась причиной досрочного завершения обучения. Незавидное наследство досталось институту с прошлых времен. Администрации втуза предстояло уделять больше внимания рабфаку.

Переходный контингент на рабфаке дневного национального отделения составил на 2 курсе 49 человек, на 3 курсе – 48, на 4 курсе – 19 человек. На вечернем отделении рабфака проходили обучение на 2 курсе 115, на 3 курсе – 63, на 4 курсе – 23 человека. На дневное нацменное отделение приняли на 1 курсе 34 человека, на 2 курсе – 9, на 3 курсе – 1. На вечернем отделении на 1 курсе рабфак пополнился 216 студентами, на 2 курсе – 29, на 3 курсе – 7 и на 4 курсе – 1.

На ноябрь 1934 г. на рабфаке насчитывалось 160 дневников и 454 вечерника. К 1 января 1935 г. этот контингент заметно побавился – осталось 154 дневника и 310 вечерников.

Партийная прослойка на вечернем отделении рабфака составляла 9,7% и ВЛКСМ – 24,8%, тогда как на дневном нацменном отделении – 0,7% и 26% соответственно²⁶⁶. По социальному составу студентов на рабфаке (дневное нацменное отделение) имелось: крестьян-бедняков – 85 человек, служащих – 7, рабочих – 38. На вечернем отделении рабочие составляли 254 человека, служащие – 82, иждивенцы – 22²⁶⁷.

По национальному составу по дневному рабфаку татар было 82, казахов – 56, нагайбаков – 14. Среди обучавшихся на вечернем отделении рабфака русских было большинство – 200, украинцев – 55, евреев – 23, татар – 8, мордвы – 5, белорусов – 13, немцев – 2, болгар – 2²⁶⁸.

В МГМИ на рабфаке и на курсах по подготовке во втуз действовали сменные группы – по три в институте и на рабфаке и одна – на курсах. Это было вызвано тем обстоятельством, что завод работал в три смены. Поэтому такие учебные заведения назывались сменными. Поскольку большинство учащихся было с производства, то, как объяснял директор МГМИ, это «проделано под нажимом местных партийных и профессиональных организаций и решения управления строительства ММК».

Создание подобных групп для МГМИ было невыгодно, так как требовало дополнительных затрат, но обращения в ГУУЗ по увеличению сметы результатов не дали. Как подчеркивал директор, «сохранение сменных групп является моментом политическим и закрыть их мне никто не разрешит»²⁶⁹.

Комплектование контингента проводилось в основном из рабочих с производства, кроме нацменного рабфака, где казахи и татары вербовались из колхозов и совхозов. Школьная подготовка нацмен была очень слабой, а в МГМИ не хватало преподавателей, которые могли бы на рабфаке вести занятия на национальных языках.

Директор МГМИ обращался в ГУУЗ направить таких преподавателей, но ответа не получил. Директор писал, что «вторично обращаем ваше внимание на вопрос, и, несмотря на ваше предупреждение, что поднятие данного вопроса является неправильным и политически вредным»²⁷⁰. В таких условиях руководству института приходилось как-то выкручиваться, чтобы обучать столь специфический контингент, не нарушив основы советской национальной политики. Но поскольку преподавателей, знавших национальные языки, было явно недостаточно, то слушатели не всегда могли по-

нять содержание учебных дисциплин, читаемых на русском языке. Хотя все студенты должны были знать русский язык, как язык общенационального общения, но в переходный период следовало нацеленно занятия вести на национальных языках, хотя бы на время освоения русского языка.

Слабая подготовка неминуемо вела к отчислению. В первом семестре 1934/35 учебного года особенно высоким был отсев на рабфаке – 30%²⁷¹. Он составил 67 человек, в том числе 31 – за успеваемость. На вечернем отделении обучение начинали 430 рабфаковцев, а ко второму семестру их осталось 326. Отсев слушателей объяснялся, прежде всего, текучестью кадров на ММК, слабой подготовкой, прогулами, транспортными проблемами.

Успеваемость дневников на рабфаке составляла тогда от 81 до 91%, в среднем – 85,8%. Посещение студентами занятий дневного отделения доходило до 97,7%, а вечерников – до 94,9%²⁷². Учебный план рабфак выполнил на 98%²⁷³.

На январь 1935 г. на рабфаке МГМИ обучалось семь групп с охватом 154 человека. На 1 курсе в казахской группе обучение проходило 33 человека, на 2 курсе в русской группе – 17, в татарской группе – 30, в казахской группе – 22. На 3 курсе в татарской группе занималось 38 человек, а на 4 курсе в татарской группе – 14 и в русской группе – 29 человек. В татарской группе ряд предметов преподавалось на татарском языке²⁷⁴. Хотя студентов-нацмен на рабфаке, на первый взгляд, было немного, но с учетом того, что в 1935 г. в городе проживало около 7 тыс. нацмен²⁷⁵, то данный показатель выглядел неплохо.

Много препятствий удалось преодолеть студентам рабфака прежде чем завершить обучение. В июле 1935 г. состоялся первый выпуск рабфаковцев, проучившихся четыре года. По словам преподавателя химии В.С. Темяно, большинство из поступавших не могли и двух слов сказать по-русски, а теперь могли стать студентами институтов и техникумов. Рабфак дал великолепную подготовку для более глубокой и серьезной учебы.

Директор МГМИ и рабфака А.М. Упенек выразился так: «Было много недочетов в работе выпускных групп, тем не менее, выпускаем мы хорошо грамотных, работоспособных людей – будущих командиров нашей промышленности». На выпускном вечере были премированы лучшие студенты и преподаватели.

Как отметил в своем выступлении преподаватель математики М.М. Ремизов: «Первый набор студентов на рабфаке проходил с большими трудностями – люди не знали о наборе, о целях и задачах рабфака. Тогда мы – горстка преподавателей решили заняться вербовкой.

В то время между домной и нынешним соцгородом курсировали рабочие поезда, перевозившие рабочих с работы на работу. Я и решил использовать их для вербовки. Один случай мне крепко врезался в память. На станции «Домна» в вагон входит молодой парень, чумазый, в замасленной спецовке. Глаза у него живые, острые. Подсел я к нему и заговорили. С первых же слов выяснилось, что мой собеседник –мышленный, довольно развитый человек. Тогда я его спросил в упор: «А что если б поступить учиться, к примеру, скажем, на рабфак? – На рабфак? Что рабфак, вот техникум – это да! Ну, думаю, ничего не вышло из моей агитации. А потом как-то встречаю этого паренька в коридоре рабфака – оказывается, он все-таки поступил учиться. А сейчас посмотрите на него – он уже и рабфак окончил, глядишь еще года 3-4 – инженером будет». Услышав эти слова, выпускник Кутуев, тот самый паренек, смутился, но улыбался.

Выпускник Саханов высказался так: «Разве я предполагал когда-либо быть на таком веселом, радостном вечере, овладеть русским языком, осознать стройную мудрость математических формул, научиться читать и переводить по-немецки? Разве мечталось мне – нацмену-колхознику, о будущем инженера-металлурга».

«Я обязательно хочу быть инженером, – горячо заявил выпускник Муратчин. – До приезда в Магнитогорск я был пастухом».

Подводя итог репортажа, журналист Л. Татьяничева написала: «Это было вчера. Сегодня же перед нами человек с уверенным, спокойным взглядом и большими дерзаниями. Он знает свое место в жизни, он совершенно ясно видит «завтра» страны, а в нем и свое «завтра»²⁷⁶».

Этот репортаж наглядно демонстрирует, как формировалось студенчество МГМИ. Не все студенты, поступившие на рабочий факультет, смогли доучиться до выпуска. Ребята в рабочей спецовке, выдержав испытание на прочность, обучаясь четыре года на рабфаке, становились настоящими студентами, а после окончания вуза – и профессиональными руководителями производства. Из них действительно выходили замечательные специалисты-инженеры, на себе испытывавшие трудности карьерного роста от рабочего до руководителя.

Администрацией института больше внимания стало обращаться другому важному резерву абитуриентов – подготовительным курсам. Во второй половине сентября 1934 г. МГМИ получило распоряжение ГУУЗа об организации при институте курсов по подготовке к поступлению во вузы на 90 человек. Такой набор был проведен. Создали четыре группы, одна из которых являлась

сменной²⁷⁷. На курсах подготовки для поступления во втуз насчитывалось по социальному составу 42 рабочих, 16 ИТР, 32 служащих. На них проходило обучение 60 русских, 20 украинцев, 8 евреев, 5 белорусов, 1 татарин и 14 национальных меньшинств²⁷⁸. По другим сведениям, в ноябре 1934 г. на курсах подготовки для поступления во втуз числилось 106 человек²⁷⁹.

В понятие качество образования автор вкладывает соответствие полученных знаний требованиям вуза, прежде всего, это успеваемость студентов, как конечный результат деятельности руководства института, профессорско-преподавательского состава, отношения к учебе и самих студентов. Конечно, трудно по статистическим данным успеваемости судить о действительных достижениях, задействованных в учебном процессе лиц, но другого показателя нет. Поэтому и данное исследование в первую очередь ориентируется на этот далеко не бесспорный критерий оценки. Не исключено, что некоторые преподаватели могли завышать планку требований к знаниям. Другие же либерально подходили к оценке знаний и умений студентов. Третьи действовали в соответствии с требованиями высшей школы. В целом выходила средняя успеваемость.

Как свидетельствовали документы, заседания Ученого совета, постоянные проверки, периодическая печать вскрывали недостатки в качестве обучения. Все это позволяло поддерживать достойный уровень подготовки специалистов, от знаний которых зависели судьбы многих людей, прогресс в производстве. Добротные базовые знания, полученные в институте, проявлялись не только в оценках, проставленных в дипломе, а в реальных производственных достижениях выпускников МГМИ.

Лучше передают необычайную атмосферу тех лет воспоминания участников-студентов, их отношение к учебе. Бывший студент, а впоследствии журналист, Р. Шнейвас так вспоминал учебную обстановку: «И все-таки студенты одолели высшую математику, физику, качественный анализ, политэкономия, а в настоящее время грызли теоретическую механику, физическую химию, количественный анализ. Не хватало кое-кого из педагогов. Иногда нам могли подсунуть вместо доцента какую-нибудь «многообещающую лику». Был такой «профессор», который сам путал гидраргиум с аргентум и пытался вести физическую химию. Большинство студентов работало в цехах. Кое-кто уже в должности сменных инженеров, начальников смен»²⁸⁰.

Л.А. Волков, в будущем заведующий кафедрой экономики и организации производства, писал: «И все-таки поздней ночью прорабатывали по книгам материал, прослушанный на лекциях.

Причин для непосещения занятий в институте мы не находили. Стремление получить как можно больше знаний, овладеть техникой, технологией и организацией производства, наиболее совершенного предприятия в нашей стране, было очень велико. Мы не пытались противопоставлять науки. Наоборот, были убеждены: получаемое в институте – минимум того, что необходимо знать инженеру, готовящемуся управлять все усложняющимися технологическими процессами и большими коллективами людей. Богатой практической базой первых студентов института стали строящиеся и эксплуатируемые цехи комбината»²⁸¹.

В опубликованном в газете «Магнитогорский рабочий» дневнике студента, старшего вальцовщика Сергея Макаева в 1932 г. было записано: «Я избрал себе путь – хочу быть инженером-прокатчиком. И обязательно хорошим инженером. Значит надо овладеть техникой дела. Изучить все то, что необходимо для инженера – высшую математику, физику, химию, механику и т.п.».

В сентябре 1934 г. он писал: «Сегодня начались занятия в институте. Как бежит время. Я уже в институте. С первого же дня начались лекции. Мне кажется, что дела в этом году пойдут значительно лучше. Смотрел кабинеты: ничего».

Пускали стан «500». В связи с тем, что С. Макаев учился в институте, его поставили сменным начальником в заготовочном отделении. Учеба в институте позволяла расширять кругозор. Он стал больше читать технической и художественной литературы. Прочитал в журнале «За рубежом» о положении студенчества в Германии, где на занятиях присутствует муштра. По его мнению, иное дело было в МГМИ²⁸². Так оценивали свою учебу студенты. Действительно, приходилось много трудиться, чтобы одолеть сложный учебный материал. Для тех, кто совмещал учебу с работой, открывалась возможность сразу же применять полученные знания на практике.

Как считал директор института, массового отсева студентов по МГМИ не было. Он отмечал только недостаточное знание математики среди студентов второго и третьего курсов металлургического отделения, обучавшихся без отрыва от производства²⁸³. Трудно было ожидать хорошую успеваемость от людей, получивших далеко не высокого качества образование в школе.

После первого семестра 1934 г. успеваемость в МГМИ составляла 84%. Учебный план институт выполнил на 93%. Зимнюю сессию 19% студентов сдали на «хорошо», 65% – на «удовлетворительно», 16% – на «неудовлетворительно»²⁸⁴. Высокий удельный вес двоечников чаще вел к их отчислению. После начала ра-

боты МГМИ в новом статусе повысилась требовательность к знаниям студентов, что не замедлило отразиться на успеваемости.

К каждой зачетной сессии в институте стали готовить инструкции по методике их проведения. Эти инструкции разрабатывались с участием представителей студентов по дисциплинам, подведомственным кафедре с обязательным доведением до студентов²⁸⁵.

В зарисовке о молодом мастере доменного цеха Георгии Герасимове в газете «Магнитогорский рабочий» сообщалось, что он работал на Магнитогорском заводе после окончания Уральского индустриального техникума. Как говорил Герасимов, «знания, которые я получил там, недостаточны для того, чтобы работать успешно, производительно на таких замечательных агрегатах, как наши доменные печи. Я понял, что мне надо еще учиться. Учиться всему – и теории, и практике. Я пошел на рабочее место и стал серьезно изучать технику своего дела.

Я пошел в горно-металлургический институт, чтобы дополнить свои теоретические знания. Я радуюсь, что каждый день приносит мне громадную пользу, что каждый день я обогащаю свой опыт. А кое-кто боится. Первое время в институте нас училось 5 человек из группы молодых специалистов доменного цеха. Большинство из них покинуло институт. Им показалось трудно совмещать учебу с работой»²⁸⁶.

Эти слова доменщика передают особый настрой 1930-х гг., когда люди тянулись к знаниям, пытались, как бы это ни было трудно, после тяжелого рабочего дня расширить свой кругозор, повысить свой технический уровень. Магнитка нуждалась в таких людях, жертвующих своим свободным временем ради радости познания неизведанного и самоутверждения.

Как писал в газете «Магнитогорский рабочий» заведующий кафедрой химии МГМИ Н.Н. Лапин: «Лучшие работники основных цехов завода и рудника обучались в горно-металлургическом институте. Состав студентов закрепился и на учебе, и на производстве. Агрегаты цехов металлургического комбината являлись лучшей производственной базой для подготовки советского инженера»²⁸⁷.

В будущем знаменитая поэтесса Людмила Татьяничева, в 1930-е гг. работавшая в газете «Магнитогорский рабочий», так описывала зачетную сессию в МГМИ. Она писала: «Не было 8 часов утра, а в горно-металлургическом институте собирались группы студентов. Студенты первого курса прокатного отделения сегодня сдают полный курс высшей математики. Председатель сессионной комиссии преподаватель математики Василенко не выражает никакого беспокойства. Студенты быстро рассаживаются по

местам. Тов. Василенко раздает первой тройке сидящих вопросные листы. Спокойно, просто чувствуют себя студенты. Только тишина, обычная на уроках тов. Василенко, становится еще глубже – все внимание аудитории сосредоточено на тройке сдающих товарищей.

Студент Егоров закончил письменную часть своего зачета. Он изъявляет желание ответить первым. Начинает с доказательств – это самая трудная часть зачетов. Доказательства закончены, примеры и задачи решены. Члены приемочной комиссии задают Егорову вопросы по теории дифференцирования интегрирования. Студент Егоров испытание сдал».

Как отметила журналист, из 12 студентов ни один не «провалился». Трое получили «хорошо», один – «отлично», остальные – «удовлетворительно». По сравнению с зимней сессией, это был хороший результат.

Параллельно с экзаменом по математике проходил экзамен по химии. Сдавала первая подгруппа прокатчиков (первый курс). Его принимали заведующий кафедрой химии Лапин, ассистент Темянко, заведующий центральной химической лабораторией Гешелин. Из 14 сдававших шесть человек сдали на «хорошо», столько же – на «удовлетворительно» и двое – на «неудовлетворительно».

Л. Татьяничева отметила, что «зачетная сессия в горно-металлургическом институте проходит в здоровой, деловой, обстановке. Ни одного случая нервозности, подсказываний, нарушения сессионной дисциплины. Чувствуется большая предварительная подготовка, а заранее выработанные критерии оценок дают возможность студентам правильно оценивать свои ответы и ответы товарищей. Это почти исключает возможность недовольства оценками, данными приемочной комиссией.

Вместе со студентами держат испытания и преподаватели. И надо сказать: держат не плохо. Уверенность студентов в своих знаниях, дисциплинированность во время проходящих зачетов, теплота самой обстановки – все это является результатом честной и добротной работы преподавателей»²⁸⁸.

Так закончился первый год учебы в институте. Немногочисленный состав студентов стремился раскрыть свои возможности учиться в далеко непростых условиях магнитогорской жизни. Не у всех это получалось. О чем говорил высокий процент отчисленных. Но студенты, пришедшие в институт с серьезными намерениями, старались учиться хорошо, зная, что полученные знания пригодятся в их дальнейшей работе.

Острую потребность в инженерах испытывал металлургический завод. Он нуждался в дипломированных специалистах. На

ММК в 1935 г. трудился 25491 человек, в том числе 20618 рабочих, 1801 ИТР, 1186 служащих и 1136 человек младшего обслуживающего персонала. В следующем году численность трудящихся возросла на 3,4%, в том числе рабочих – на 2%, ИТР – на 7,1%, служащих – на 8,1%, МОП – на 17,4%²⁸⁹. Многие инженерно-технические работники являлись практиками без специального высшего образования. Их необходимо было учить, чтобы получить профессионального специалиста.

В августе 1935 г. в объявлении в газете «Магнитогорский рабочий» дирекция института и рабфака сообщала для всех желающих учиться, что с 1 сентября занятия начнутся в помещении Горпромуча (на Ежовке)²⁹⁰. К концу августа 1935 г. на 1 курс дневного прокатного отделения зачислили 22 человека, на вечернее металлургическое отделение – 17, на вечернее горное отделение – 36 человек²⁹¹. По сравнению с предыдущим учебным годом плановая численность студентов дневного отделения уменьшилась в 2,3 раза.

В 1935 г. более тысячи студентов обучалось на всех курсах института и рабфака²⁹². Контингент обучавшихся (вместе с вечерниками) в 1935-36 учебном году составил 302 человека, которые профилировались по двум ведущим дисциплинам: горняки-разработчики и пластическая обработка металлов. Строителей и энергетиков в то время перевели в высшие учебные заведения Свердловска²⁹³.

По-прежнему остро стояла проблема отсева. Часто причиной отчисления являлось то, что студенты дневного отделения, особенно из ИТР (молодые специалисты техникумов) не желали идти работать в доменный и мартеновский цеха, как этого требовала инструкция ГУУЗа. На вечернем отделении студенты должны были переходить на те специальности, по которым обучались, прежде всего, на производство чугуна и стали²⁹⁴.

Неизвестно, почему студенты не хотели работать по специальности. Или им плохо объясняли при поступлении, или терялось желание уже в ходе учебы, или надеялись получить диплом без работы по специальности. Конечно, выбор специальностей был небольшим, а подчиненность Наркомату тяжелой промышленности диктовала свои правила игры. Номенклатура специальностей спускалась сверху, ориентируясь в первую очередь на запросы металлургических предприятий.

В 1935 г. рабфак имел два отделения: вечернее (без отрыва от производства) и дневное – нацменрабфак (татарские и казахские группы). На вечернем отделении учились три года, на дневном – 4 года.

На нацменном отделении первый год являлся подготовительным в связи с очень слабой подготовкой слушателей. На рабфаке преподавали: русский язык, литературу, математику, физику, химию, естествознание, историю, Конституцию СССР, родной язык и литературу на нацменных языках. Штатных преподавателей не хватало, поэтому приходилось прибегать к совместительству.

Переходящий контингент на 1 сентября 1935 г. без отрыва от производства здесь составлял на 2 курсе 80 человек, на 3 курсе – 34, на 4 курсе – 15 человек. На дневном нацменном отделении обучалось на 1 курсе 28 человек, на 2 курсе – 49, на 3 курсе – 19. На первый курс набрали на дневное отделение 57 человек, а на вечернее – 201.

Отсев слушателей был высок, особенно на дневном отделении – 34 человека и на вечернем – 31. Для вечерников причинами отсева чаще всего являлись: высокая текучесть на производстве, отсутствие до второй половины ноября какого-либо транспорта от места жительства рабочих. Лишь позднее стал вырывать трамвай, пущенный в том году, но и от остановки приходилось добираться еще километр. Да и протяженность трамвайных линий была небольшой.

Партийно-комсомольская прослойка среди вечерников составляла 116 человек, а среди дневников – 27. По социальному составу слушателями вечернего отделения в основном являлись рабочие – 204 человека, а среди дневников – 61, затем по численности шли служащие – 19 и 133, колхозники – 10 и 49 соответственно.

Среди вечерников большинство студентов представляли русские – 253, украинцы – 51, евреи – 9, а на дневном нацменном отделении обучалось 57 татар и 63 казаха²⁹⁵. Статистические сведения вновь свидетельствовали о высоком отсеве. Наблюдалась тенденция к отчислению студентов в связи с отсутствием транспорта. После тяжелого физического труда вечерникам приходилось долго добираться до места учебы. Не все выдерживали такое испытание. Кроме того, по-прежнему у студентов, особенно первокурсников, не хватало минимальных знаний, чтобы быстро адаптироваться к учебе.

Как вспоминал знаменитый ученый-металлург, профессор, доктор технических наук А.М. Бигеев: «Памятных моментов из моей семидесятилетней истории, связанной с вузом, немало. Самый первый из них – это когда я писал заявление на рабочий факультет МГМИ. Тогда редко кто имел законченное среднее образование. И рабочий факультет обеспечивал возможность получить среднее образование для последующего поступления в вуз. У ме-

ня тоже было тогда только семь классов за плечами, но даже такой «багаж» по тем временам был достоянием. Так вот, в этом заявлении, оно для нас, ребят нерусской национальности, было своеобразным приемным испытанием по русскому языку, я допустил две ошибки – так уж учили меня в татарской школе. Когда преподаватель, принимающая заявление, красными чернилами исправила мне их, я был так смущен, что засобирался уходить. Но она меня остановила – по остальным предметам-то я получил пятерки – и успокоила: «Ничего, это не страшно. Мы вас подучим. Вы будете знать русский язык. А сейчас я поставлю вам «три» и приму на обучение»: И действительно, диктант за первое полугодие мне удалось написать уже на «четыре». Много позже, когда институт отмечал свое пятидесятилетие, и мне предоставили слово, я увидел в зале этого преподавателя, Веронику Александровну, жену профессора Коржа. Я спустился в зал, подошел к ней и поцеловал. А потом поднялся и рассказал эту историю. Именно благодаря ей передо мной открылась дорога в высшую школу. Это судьбоносный момент в моей жизни²⁹⁶. Такой путь проходили многие рабфаковцы. Из слабо подготовленных парней и девчат, получались хорошие студенты, впоследствии прославившие институт в науке и на производстве.

Не всегда благополучно обстояли дела с учебой на рабфаке. В одной из заметок в газете «Магнитогорский рабочий» (декабрь 1935 г.) сообщалось, что на третьем курсе металлургического рабфака успеваемость составляла всего 64%. На вечерние занятия приходило 55-60 человек. Преподавателю было сложно работать в такой ситуации. Занятия не посещали 7-9 человек. Учебная часть не контролировала посещаемость студентов²⁹⁷.

В первом полугодии 1935/36 учебного года в подготовительных группах рабфака на дневном отделении успеваемость составляла от 78 до 89,2%, а посещаемость – от 93 до 98%. На вечернем отделении успеваемость находилась на уровне 71-92,9%, а посещаемость – 84,4-98%²⁹⁸. Эти сведения показывают сложности обучения рабфаковцев. Но студенты, нацеленные на учебу, преодолевали преграды.

В середине 1930-х гг. большое развитие в стране получило движение шахтера Алексея Стаханова, значительно превысившего нормы выработки. В цехах металлургического комбината его поддерживали многие рабочие. Руководство комбината помогало передовикам производства получить образование. В феврале 1936 г. МГМИ объявил набор учащихся в стахановские группы рабфака. Для обучения без отрыва от производства приглашались стаха-

новцы-рабочие и служащие по рекомендации цеховых профсоюзных комитетов, завкома и рудкома.

От поступавших на рабфак требовалась общеобразовательная подготовка не менее 4 групп (классов). Прием заявлений проводился до 7 февраля²⁹⁹. Если для обычных поступающих необходимо было иметь семилетнее образование, то для стахановцев достаточно было и четырехлетнего (начального) образования. Естественно, учиться с таким уровнем подготовки было непросто, да и преподавателям пришлось с этой категорией студентов работать дополнительно.

Продолжали работать подготовительные курсы. В 1935 г. МГМИ осуществлял прием на одногодичные курсы по подготовке во втузы в дневные (с отрывом от производства) и вечерние группы. В группы принималась молодежь в возрасте 18-30 лет с общеобразовательной подготовкой не ниже 9-летки. К заявлению среди прочих документов прилагалась справка о социальном происхождении. Заявления принимались до 17 сентября, приемные испытания начинались с 19 сентября, а занятия – с 1 октября³⁰⁰.

На курсах подготовки во втуз при МГМИ в 1935 г. училось 80 человек, из них по социальному происхождению: 31 – из рабочих, 12 – из колхозников, 12 – из крестьян-середняков, 25 – из служащих. По социальному положению 37 являлись рабочими, 7 – ИТР, 34 – служащими, 2 – иждивенцами.

В основном на курсы принимали партийно-выдержанных людей: партийно-комсомольская прослойка доходила до 48%. По образованию расклад был такой: 28 человек окончило девятилетку, 5 – техникум, 28 – ФЗУ на базе семилетки, 6 – второй-третий курс техникума, 1 – совпартшколу, 8 – комсомольскую школу и семилетку, 4 – три курса рабфака³⁰¹.

В июне 1936 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». В нем определялись вступительные экзамены в вуз: русский язык (сочинение), грамматика, литература, политграмота, математика, физика, химия и с 1937 г. – иностранный язык. Кроме того, по отдельным специальностям необходимо было сдавать дополнительные экзамены. Так, на строительные специальности – рисование и черчение, а в экономических вузах – географию. Без вступительных экзаменов принимались выпускники школ, имевшие по основным предметам оценку «отлично», а по остальным (рисование черчение, пение, музыка, физкультура) – «хорошо»³⁰². Пополнение института отличниками школ способствовало повышению успеваемости.

В соответствии с этим постановлением ГУУЗ НКТП СССР рекомендовал при составлении расписания на 1936/37 учебный год на шестидневку планировать на 1 и 2 курсы не более 26 учебных часов, в том числе 2 час. – на физкультуру, а на 3-4 курсах – не более 24 час.

Предлагалось сократить обязательные учебные часы за счет упразднения групповых занятий в проработке лекционного материала. На 1-2 курсах выделялся один день, а на последующих курсах – два дня для самостоятельных занятий студентов с возможностью в это время пользоваться библиотекой, лабораториями и кабинетами.

В связи с тем, что в течение семестра изучалось много дисциплин, их число ограничивалось шестью, а ежедневных – до трех. Отменялось деление учебных дисциплин на такие, которые выносились и не выносились на зачетную сессию. По учебным предметам предлагалось сдавать экзамен, а по практическим занятиям – зачеты. Отменялась четырехбалльная система оценки знаний. Вместо нее вводились оценки: «неудовлетворительно», «удовлетворительно» и «отлично». Намечались меры по упорядочиванию работы профессорско-преподавательского состава³⁰³.

Абитуриенты осознанно выбирали МГМИ. Оператор блюминга А. Свистунов после решения ЦК и СНК о высшей школе решил подать заявление в металлургический институт на прокатное отделение. Он четыре года учился в индустриальном техникуме. Но нормальному ходу учебных занятий мешал бригадно-семинарный способ проработки материалов, взятый из вузов. На занятиях в бригаде по 5-6 человек работали один или два студента, а остальные пассивно слушали. Это приводило к непроизводительной трате времени студентов.

Принятое постановление по высшей школе осудило этот метод. Упразднялась дробность и многопредметность учебных программ вузов. Студенты обеспечивались необходимыми учебными пособиями и литературой³⁰⁴. Такие люди нужны были институту. Из них выходили настоящие инженеры.

В 1936 г. после окончания 10 класса выпускница Вера Филатова писала в газете «Магнитогорский рабочий»: «После долгих размышлений решила поступать в Магнитогорский металлургический институт. Окончу его, получу профессию инженера-металлурга и буду работать на нашем заводе». Но некоторые выпускники поступали в другие вузы. Отличник учебы Потапов выбрал Московский энергетический институт. Отличная учеба позволила ему поступить без экзаменов³⁰⁵. Но в МГМИ не было энергетического отделения, и это обстоятельство повлияло на его выбор.

Возможности выбора при поступлении в вузы для магнитогорских абитуриентов были невелики, поэтому приходилось уезжать в другой город, где имелась специальность по душе. Безусловно, это касалось в основном дневного отделения. Все же в городе металлургов школьные выпускники чаще выбирали горно-металлургические специальности.

В сентябре 1936 г. были подведены первые итоги приемных испытаний в горно-металлургическом институте. На дневное отделение подали 58 заявлений, из них допустили к экзамену 55 человек. Сдал испытания и был зачислен 51 абитуриент. Без испытаний поступило три отличника. На вечернее отделение из 28 человек сдали экзамены 17. Наилучшую успеваемость при испытаниях показали рабфаковцы института и выпускники школ №12 и №14. Все 12 десятиклассников этих школ поступили в МГМИ³⁰⁶.

О движении контингента студентов в МГМИ в 1936/37 учебном году свидетельствуют следующие данные. В начале осеннего семестра на дневном отделении обучалось 134 человека, из них на 1 курсе – 50, на 2 курсе – 46, на 3 курсе – 38. К концу полугодия их количество уменьшилось до 123. Без отрыва от производства обучение проходило 168 человек: на 1 курсе – 18, на 2 курсе – 39, на 3 курсе – 33, на 4 и 5 курсах – по 39.

В течение календарного 1936 г. в МГМИ было 99 студентов, обучавшихся с отрывом от производства. За год выбыло 32 человека, в том числе 13 исключили за неуспеваемость. Тогда же втуз покинули 49 вечерников, из них 15 – в армию, 13 – исключили, как не имевших соответствующей подготовки для дальнейшей учебы.

В начале 1937 г. в МГМИ обучалось без отрыва от производства 185 человек, а на дневном отделении – 125. На вечернем отделении проходили обучение 113 металлургов и 52 горняка, не считая выпускников. В весеннем семестре на вечернем отделении обучалось 165 студентов. К концу семестра их осталось 134. С отрывом от производства обучалось на 1 курсе – 46, на 2 курсе – 44, на 3 курсе – 33. Выбыло за время учебы 30 студентов, в том числе за неуспеваемость – 21. К концу весеннего семестра осталось 104 студента-дневника, из них 42 – на первом курсе и по 31 – на втором и третьем курсе³⁰⁷.

Показатели 1936/37 учебного года говорили о нестабильности контингента. К концу весеннего семестра дневники потеряли каждого четвертого студента, причем больше всего отчислили с 1-2 курсов. У вечерников показатели были лучше – всего на три человека меньше. Но контингент уменьшился незначительно за счет вновь принятых, а 49 отчисленных за календарный год говорят сами за себя.

По иным сведениям, за 1936 календарный год в МГМИ среднегодовой контингент с отрывом от производства составлял 106 студентов, а без отрыва от работы – 133 человека.

К началу 1937 г. из 290 студентов по национальному составу основная доля приходилась на русских – 66,6%, затем по численности шли украинцы – 16,9%, евреи – 6,6%, белорусы – 2,8%, татары – 2,4%, башкиры – 2,1% и другие³⁰⁸.

По итогам первого семестра 1936/37 учебного года средняя посещаемость по институту с отрывом от производства составила 97%, без отрыва от производства – 93,1%. Успеваемость у студентов, занимавшихся без отрыва от производства, доходила до 80%, а на дневном отделении – до 77,3%. Лучшему студенту, обучавшемуся без отрыва от работы, Колову была назначена повышенная стипендия. Студент 4 курса Тетельбаум, также учившийся без отрыва от производства, был премирован портретом³⁰⁹. Результаты осеннего семестра не радовали. Причем на дневном отделении успеваемость была еще ниже, чем на вечернем.

Об успеваемости в 1936/37 учебном году говорит то, что среди второкурсников горного факультета насчитывалось по итогам года 14 отличников и 20 с удовлетворительной оценкой, на 3 курсе – 15 и 14, на 4 курсе – 13 и 31 и на 5 курсе – 47 и 59 соответственно. Лишь на 4 курсе было двое неуспевающих. На металлургическом факультете на 1 курсе имелось 5 отличников, 27 с оценкой «удовлетворительно» и 4 – «неудовлетворительно». На 2 курсе неуспевающих не было, а отличников насчитывалось 8, с оценкой «удовлетворительно» – 15. На 3 курсе имелось 20 отличников, 34 получили «удовлетворительно» и 1 – «неудовлетворительно», а на 4 курсе – 18, 19 и 9, на 5 курсе – 110, 108 и 1 соответственно.

Нужно иметь в виду, что оценку «хорошо» в том году отменили. Общая успеваемость составила у вечерников 90,9%. К концу весеннего семестра каждый четвертый студент (26,1%) дневного отделения сдал сессию на «отлично», более 2/3 (64,8%) – на «удовлетворительно», а остальные – на «неудовлетворительно». Общая успеваемость составила 95,7%³¹⁰. Работа по новым правилам показала, что еще был высок процент двоечников. Не все студенты могли освоить учебную программу.

Сами преподаватели ценили своих студентов, обучавшихся без отрыва от производства. Преподаватель МГМИ, депутат Магнитогорского городского совета Темьянок В.С. с добрым чувством говорил о них: «Я преподаватель и каждый раз, когда иду на занятия... становится особенно приятным, что там сидят эти дяди и совершенно серьезно, после трудового дня начинают изучать вещи от самых простых до самых сложных»³¹¹.

Желание учиться в МГМИ проявляли и дети его преподавателей, как у заведующего кафедрой физической химии³¹². Это говорило о качестве образования в институте, когда выбирали местный вуз.

На качество образования влияло то, что в институте отсутствовали единые учебные планы. В прежних планах ГУУЗа имелись недостатки. Так, в программе 1 курса стояло одновременно изучение высшей математики и теоретической механики, хотя последний предмет следовало изучать, в совершенстве овладев техникой дифференцирования и интегрирования.

В более худшем положении находилось вечернее отделение. Их план не был пересмотрен. Институту предлагалось руководствоваться старым планом, содержавшим весьма крупные методические ошибки.

По итогам первого семестра 1936/37 учебного года посещаемость учащихся на рабфаке среди тех, кто занимался без отрыва от производства, находилась на уровне 97,3%, а обучавшиеся с отрывом от работы имели посещаемость 91,8%. Успеваемость у учащихся без отрыва от производства равнялась 79,9%, а с отрывом от производства – 81%³¹³. Удивительно, что посещаемость вечерников была выше, чем у дневников, а успеваемость незначительно отставала от дневного отделения. Целеустремленность рабочих, желавших во что бы то ни стало при имевшихся трудностях окончить рабфак, вызывает только уважение. Успеваемость рабфаковцев так же, как и у студентов МГМИ, была низкой и примерно одинаковой, что у дневного или вечернего рабфака. В июле 1937 г. четвертый курс рабфака вечернего отделения окончили 16 человек³¹⁴.

В 1936 г. набор на курсы по подготовке во втузы осуществлялся с общеобразовательной подготовкой не менее 8-9 групп (классов) средней школы³¹⁵. В 1936 г. всего в индустриальном техникуме, в ФЗУ, на курсах по подготовке во втузы в Магнитогорске училось 1911 человек³¹⁶.

Люди рвались к знаниям. Стремление учиться охватывало многих работников металлургического комбината. Знаменитый мастер-стахановец среднесортного цеха В. Шевчук собирался в 1936 г. изучить немецкий язык и подготовиться к поступлению на второй курс горно-металлургического института³¹⁷.

В это время продолжалось развитие системы высшего образования в СССР: в 1936 г. в вузах и втузах обучалось 523 тыс. студентов³¹⁸.

Из правил приема в высшие учебные заведения можно узнать, кого принимали в МГМИ в 1937 г. В институт поступали в

возрасте от 17 до 36 лет лица, имевшие законченное среднее образование (десятилетку, рабфак, техникум), или окончившие среднюю школу экстернатом.

Лица, окончившие школу II ступени (девятилетку), или окончившие трехгодичные на базе семилетки профессиональные школы, допускались к приемным экзаменам наравне с окончившими среднюю школу, рабфак и техникум. Выпускники техникумов, допускались к приемным испытаниям в вузы с отрывом от производства при наличии у них трехлетнего производственного стажа. Без производственного стажа можно было поступать только по специальному разрешению Наркомата, в ведении которого находился техникум. Лица с незаконченным высшим образованием поступали во вуз на общих основаниях.

Абитуриенты, окончившие среднюю школу (десятилетку) и имевшие по основным предметам оценку «отлично», а по остальным (рисование, черчение, пение, музыка, физкультура) не ниже «хорошо» принимались без приемных испытаний.

Лица с законченным высшим образованием принимались без приемных испытаний при наличии трехлетнего производственного стажа по специальности или с разрешения Наркомата, в системе которого работали.

Приемные испытания тогда включали следующие предметы: русский язык (письменное сочинение, грамматика и литература), политграмота, математика, физика, иностранный язык (по выбору). При поступлении на строительную специальность «архитектура» дополнительно сдавали рисование и черчение. По русскому языку испытания проводились письменно и устно, по другим дисциплинам – устно.

Повторные испытания не допускались. Приемные испытания проводились с 1 по 20 августа, а у заочников – с 21 по 25 августа.

Результаты испытаний оценивались оценками: «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо» и «отлично». Сдававших экзамены в других учебных заведениях можно было принимать при условии, если в том учебном заведении, где они сдавали, не было вакансий³¹⁹.

В объявлении о наборе учащихся на 1937/38 учебный год в МГМИ, опубликованном в газете «Магнитогорский рабочий», указывалось следующее. Прием заявлений проводился с 10 мая по 15 июля. Приемные испытания проходили с 20 по 25 августа. В институт принимались лица с 18 до 35 лет, имевшие законченное среднее образование: 10-летку, рабфак, техникум и другие учебные заведения, у которых имелось право законченного среднего образо-

вания. Лица, окончившие 10-летку на «отлично» по основным предметам, принимались без испытаний.

Испытания в институте включали шесть предметов: русский язык (устно и письменно), математика (устно и письменно), политграммота (устно), физика (устно), химия (устно), иностранный язык (устно – английский или немецкий)³²⁰. Столь большое количество экзаменов предстояло сдать за короткий срок. Учитывая в большинстве случаев слабую подготовку молодежи, сдавать приемные испытания было весьма затруднительно.

В заметке в газете «Магнитогорский рабочий» сообщалось, что в 1937/38 учебном году институт должен принять 50 человек с отрывом от производства. Допущено же к испытаниям было только 33. Без отрыва от производства допустили к приемным испытаниям 17 человек при контрольной цифре 25. В объявлениях в газете в течение июня-августа говорилось о дополнительном наборе студентов до 10 августа.

Накануне приемных экзаменов в МГМИ в 1937 г. не все было благополучно. Хотя в помещении провели ремонт, но отсутствовали объявления о приеме, расписание приемных испытаний.

На 50 вакантных мест на дневном отделении допустили 60 человек, а на 25 мест на вечернее отделение – 38. Количество допущенных едва покрывало вакантные места. Однако, по мнению газеты, директор института Упенек был доволен. Автор заметки вопрошал: «Не случится ли как в прошлом году, когда принимали даже с двумя плохими оценками?»³²¹. Интересно, что о таком приеме в нарушение правил, стало известно только через год. Возможно, и в предыдущие годы имел место подобный прием. Не поэтому ли и студенты показывали очень низкую успеваемость?

В конечном итоге в 1937/38 учебном году на 1 курс дневного отделения приняли 46 человек, а на вечернее отделение – 27 студентов³²². Получалось, что на первом курсе дневного отделения не добрали четыре человека, а на вечернем, напротив, превысили контрольные цифры на два человека.

Корреспондент «Магнитогорского рабочего» Фиолетова (Л. Татьяничева) в своей статье так характеризовала положение в МГМИ в начале 1937/38 учебного года. По ее мнению, прежнее руководство института (бывший директор Упенек), не приложило никаких усилий, чтобы новый прием прошел качественно и организованно. Никакой работы с выпускниками школ не проводилось – дали только объявление в газете. Бывший директор ограничил прием, ориентируясь на недобор³²³. Теперь всю вину за плохую приемную кампанию можно было сваливать на бывшего директора-

врага народа. Хотя здесь была и его вина, но имелись люди, которые непосредственно отвечали за организацию приема.

В сентябре 1937 г. на прокатном отделении первого курса проходили обучение 50 человек, на втором курсе – 48, на третьем курсе – 28, на четвертом курсе – 42 человека. На металлургическом отделении на 2 курсе учился 31 студент, на 3 курсе – 21, на 4 курсе – 18. На вечернем отделении насчитывалось 58 человек³²⁴. Всего в институте занималось 345 студентов³²⁵.

По сравнению с предыдущим годом на прокатном отделении прием на первый курс оставался таким же, на втором курсе обучалось несколько меньше, но бывший второй курс, став третьим, значительно сократился (с 46 до 28 человек). На четвертом курсе произошло небольшое увеличение, хотя ранее здесь имелись отчисленные студенты.

Как писал профессор П.А. Слесарев: «При организации горного факультета МГМИ контингент студентов состоял исключительно из вечерников, которые работали на Магнитогорском руднике и обучались в институте без отрыва от производства. Такие студенты не только учились сами, но передавали нам и делились с нами опытом работы на предприятии»³²⁶.

Работа с вечерниками имела и свои плюсы. Студенты, работавшие на современном оборудовании на металлургическом комбинате, могли со знанием дела оценивать технические новшества, дополнять изучаемый теоретический материал практикой его использования на производстве.

В марте 1938 г. на вечернем отделении металлургического отделения обучалось: на 1 курсе – 30 человек, на 2 курсе – 20, на 3 курсе – 9, на 4 курсе – 11, на 5 курсе – 19 человек. На горном отделении студентов обучалось меньше: на 2 курсе – 7, на 3 курсе – 10, на 4 курсе – 7³²⁷.

Как отмечала городская газета, 1937/38 учебный год в институте начался организованно, без раскочки и сутолоки. По словам корреспондента газеты «Магнитогорский рабочий», позорные итоги прошлого года должны послужить поучительным уроком. Магнитогорский горно-металлургический институт известен далеко за пределами Магнитогорска и при умелом, четком руководстве и помощи всей общественности он может и должен стать по праву одним из лучших институтов Урала³²⁸. Публикации в газете способствовали снятию с должности директора института. Теперь нужно было показать, что смена руководства МГМИ привела к значительным достижениям.

Администрация института стремилась повысить качество учебы. Знанию иностранных языков в институте придавалось осо-

бое значение. Директор МГМИ признавал, что изучение языков в институте является неудовлетворительным. На занятиях отмечалась слабая посещаемость. Студенты не справлялись с переводами технических статей на иностранный язык. Приказом директора перевод с семестра на семестр и с курса на курс без сдачи зачета по языку не производился³²⁹. Такими мерами руководство вуза пыталось решить давнюю проблему.

Студенты в то время не оставались в стороне от борьбы за высокую успеваемость. Они могли обратиться с просьбой к директору института о проведении дополнительных консультаций. В мае 1937 г. распоряжением директора на основании просьб студентов 5 курса металлургического отделения предлагалось преподавателям Пассовскому, Василенко, Целинскому, Бальчевскому организовать дополнительные консультации для студентов в индивидуальном порядке³³⁰.

Вопросы совершенствования учебного процесса постоянно выносились на заседания Ученого совета. Студенты могли выступать на совете института со своими предложениями. Так, на одном из заседаний студент Тарнавский говорил о том, что в курсах ОМД и спецкурсе дают одинаковый материал³³¹. Его выступление не осталось без внимания. Оно привело к изменению учебного плана.

При обсуждении на Ученом совете в феврале 1938 г. вопроса об итогах I семестра 1937/38 учебного года, выступая в прениях, заведующий кафедрой П.Д. Корж отметил, что низкая успеваемость по физике на вечернем отделении была вызвана неправильно составленным учебным планом. Он считал, что этот предмет следовало сдавать по частям. К недостаткам учебной части П.Д. Корж отнес позднюю публикацию расписания экзаменов. Особое внимание он предлагал обратить на первокурсников, не имевших навыков учебы.

По мнению заведующего кафедрой Н.Н. Лапина, плохое выполнение учебных планов и низкая успеваемость, особенно на старших курсах, происходили из-за того, что многих студентов приняли без испытания. По его мнению, студенты тоже должны помогать преподавателям. Он высказался так, что «каждый преподаватель держит на уроке дисциплину, но как только студенты остаются без преподавателя, так культура отсутствует». Все должны бороться за успеваемость и за дисциплину и, прежде всего, общественные организации.

Преподаватель А.Г. Пассовский говорил о том, что неуспеваемость по графике во многом была связана с отсутствием учебников в начале учебного года. Среди других причин им названо: недостаточное количество часов на курс графики, отсутствие воз-

возможности решения задач и упражнений за неимением времени, навыков у студентов в работе по черчению.

Заведующий кафедрой Г.С. Василенко сказал, что плохие результаты по успеваемости вызваны разнородным составом студентов, несерьезным отношением к учебе со стороны вечерников, большим количеством старых задолженностей.

По мнению преподавателя Храбрин, со стороны преподавателей замечен формальный подход к студенту-новичку. Мало проводится практических упражнений. Неплановое чтение дисциплин по учебному плану приводит к тому, что последующая дисциплина читается впереди предыдущей. Преподаватели не следят за поведением студентов на лекции.

Как подчеркнул в заключении заседания совета директор института А.А. Безденежных, причины упущений в учебном процессе во многом связаны с тяжелым состоянием института. По распоряжению ГУУЗа должны прислать завуча и ряд преподавателей, чтобы выправить положение. Нужно укреплять дисциплину в МГМИ. Директор полагал, что отношение со стороны ГУУЗа и Всесоюзного Комитета по делам высшей школы к институту хорошее. Следует освободиться от «мертвых душ» и «хвостистов», руководствуясь при этом постановлением ВКДВШ³³².

В апреле 1938 г. на расширенном заседании Ученого совета студент Тарнавский отметил, что учебная часть по дневному отделению сильно сокращает учебные программы (электротехнику, теплотехнику, металлграфию). Также неправильно составляется расписание экзаменов: в одном семестре две дисциплины, во втором – восемь. Больше половины вечерников работает не по специальности. За три года учебы студент бывает лишь 6-8 часов на заводе.

В выступлении инспектора ГУУЗа Котовича прозвучало мнение, что нельзя сокращать программы по дневному отделению. Следовало пересмотреть учебные планы, чтобы не перегружать экзаменационные сессии. Вечерники должны были работать на производстве по специальности. Необходим контроль за проведением занятий³³³.

Эти предложения, звучавшие на заседаниях совета, показывают насколько серьезно подходили в институте к организации учебного процесса. МГМИ находился в критической ситуации, и многое зависело от того как преподаватели и студенты относятся к своим обязанностям. Вызывает интерес опыт участия студентов в заседаниях Ученого совета. Причем их присутствие являлось неформальным. Они свободно критиковали администрацию. Их предложения носили конструктивный характер. Руководители

учебных подразделений, преподаватели также не ограничивались констатацией фактов, а предлагали конкретные меры по устранению упущений.

Информация о беспорядках в институте становилась предметом обсуждения на страницах городской газеты. В марте 1938 г. в газете «Магнитогорский рабочий» было опубликовано открытое письмо студентов IV курса горно-металлургического института Главному управлению учебными заведениями Наркомтяжпрома и редакции «Магнитогорский рабочий».

Письмо было выдержано в критическом тоне по отношению к руководству института и вскрывало значительные недостатки в работе. В нем указывалось на плохое преподавание в институте, граничащее с полным срывом учебных планов.

За первое полугодие 1937-38 учебного года план был выполнен только на 38%. Этому способствовало, прежде всего, плохо составленное расписание и необеспеченность профессорско-преподавательским составом.

Из дисциплин, указанных в расписании, читалось в основном одно электрооборудование. Дисциплины «Металлургические печи» и «Ленинизм» из-за отсутствия педагогов не читались. Преподавание факультативных дисциплин также было сорвано, так как их не включили в расписание.

Как считали студенты, во втором полугодии положение несколько не улучшилось. За три пятидневки учебы из 72 часов по расписанию сорвано 32 часа. Расписание по-прежнему составлялось безграмотно. Как и раньше, дисциплины, включенные в расписание, не обеспечивались преподавателями (по курсам «Ленинизм», «Металлургия чугуна» и «Металлургические печи»). Включенный в расписание курс «Машины по обработке металлов давлением», замененный курсом «Теория прокатки», не читался для всех студентов, так как половина курса, согласно расписанию, изучала дисциплину «Термообработка стали», а вторая половина курса слушала «Теорию прокатки».

По мнению студентов, часть преподавателей совершенно неудовлетворительно читала лекции. Например, преподаватель термообработки Ягнюк читал лекции по тетради, и преподносил материал без всякой системы. Лабораторные работы по курсу «Термообработка стали» проводились преждевременно, так как по «Теории прокатки» было прочитано только три лекции.

Дисциплины «Металлургия чугуна» и «Теплотехника», начатые еще в 1936-37 учебном году, прервали и не читали. Дисциплина «Металлургия стали» была прочитана раньше, чем «Металлургия чугуна». Такая необходимая для инженера-металлурга дисциплина

плина, как «Металлургические печи», фактически была сорвана. За время прохождения курса металлургических печей сменилось четыре преподавателя.

Студенты, не имея почти никаких теоретических знаний, получили задание на выполнение курсового проекта по металлургическим печам. Выделенный учебной частью консультант Бурылев, не удовлетворял студентов качеством проводимых консультаций. Кроме того, были случаи срыва консультаций.

Еще хуже обстояло дело с социально-экономическими дисциплинами. Политэкономии читали шесть лекторов, и в результате получился разнородный, бессистемный материал. Курс «Ленинизм», включенный в расписание, еще в прошлом полугодии, не читался. Если учесть, что пополнение политических знаний через сеть политшкол также систематически срывалось (за 1937-38 учебный год было проведено три политзанятия), то отсюда студенты делали вывод, насколько воплощался в жизнь института лозунгов Сталина об овладении большевизмом.

Студенты полагали, что общетехнологические производственные практики прошли неорганизованно. Руководство производственной практикой студентов со стороны института отсутствовало. Неудовлетворительно проходила практика на металлургическом комбинате. Отчеты студентов о производственной практике кафедрой не проверялись, несмотря на то, что со времени окончания производственной практики прошло три месяца.

Имевшаяся при институте библиотека не удовлетворяла запросам студенчества. Рекомендованная преподавателями литература отсутствовала (Тайц «Нагревательные печи», Павлов «Теория прокатки» и др.).

Несмотря на неоднократные обращения к директору института, положение не улучшилось. Студенты надеялись, что ГУУЗом Наркомтяжпрома будут немедленно приняты соответствующие меры к устранению недостатков. По поручению студентов письмо подписали студенты IV курса: Зюлин, Денисов, Коноплев, Голубев, Протасов³³⁴.

Через полмесяца в «Магнитогорском рабочем» выходит новая статья под псевдонимом «студент» с заголовком «В горно-металлургическом институте нарушают постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о высшей школе». Эта статья частично повторяет по своему содержанию предыдущую. Но в ней добавлено о невнимании руководства института к самостоятельной работе студентов. Студенты предоставлены сами себе. У многих студентов образовалась большая задолженность. Этим студентам не оказывается помощь.

Как считал студент, некоторые преподаватели, как, например, А.Г. Пассовский, заведующий кафедрой графики, перегружал студентов заданиями. Военрук совершенно не беспокоился о том, что многие студенты очень плохо занимались по военному делу. Дисциплина на его уроках была плохая. Студенты занимались посторонними делами, не слушали преподавателя. Как результат, многие из них не знали даже винтовки. Автор письма полагал, что политико-массовая работа была поставлена в институте неудовлетворительно.

Повторялся тезис из предыдущего письма о том, что неблагоприятно обстояли дела с изучением отдельных дисциплин. В институте не имелось преподавателей по таким дисциплинам, как металлургические печи, теплотехника, электротехника, электрооборудование и т.д. Многопредметность и отсутствие постоянного состава преподавателей сильно влияло на качество учебы. Некоторые очень важные дисциплины проходили за месяц, другие, наоборот, читались в течение трех лет пятью различными преподавателями.

Дисциплины проходили непоследовательно. Например, «Металлургию чугуна» проходили после «Металлургии стали». Производственную практику по «Металлургии чугуна» студенты начинали проходить без достаточной предварительной теоретической подготовки. Несмотря на это, по дисциплине «Металлургия чугуна» были назначены зачеты. На четвертом курсе расписание составлено так, что по дисциплине «Спецдело» слушать лекции могла только половина курса. Другая половина курса работала в лаборатории.

Он отмечал, что лаборатория по термообработке обычно никогда не подготавливалась для работы. Приборы всегда неисправны, не налажены, студентам приходилось тратить время для подготовки лаборатории к занятиям.

Студент писал и о том, что хотя постановление Комитета по высшей школе запрещало введение в учебные планы более шести предметов, директор института А.А. Безденежных разрешил на некоторых курсах чтение восьми дисциплин. Так как многие студенты имели академические задолженности, то весной они должны были сдавать 9-10 предметов. Это приводило к большому отсеву студентов.

По его мнению, отстающим студентам не оказывалась помощь. В сентябре студенты имели в общей сложности около 300 несданных дисциплин. В конце первого полугодия 1937/38 учебного года их стало еще больше. На первом курсе не имел перед зимней сессией академическую задолженность только один студент. У

остальных в среднем было 2-3 задолженности. На втором курсе только пять человек сдали все предметы. Остальные 30 до зимних каникул имели задолженность.

Директор института нарушал распоряжение, что академические задолженности студенты должны сдавать за 20 дней до зимней сессии и только после этого допускались к сдаче зачетов, вынесенных на сессию. В институте же издали приказ о первоочередной сдаче зачетов. Так оставалась задолженность.

Перевод студентов на следующий курс разрешался с наличием до двух задолженностей. На третий курс перевели 40% студентов, имевших больше двух задолженностей.

Директор, по мнению этого студента, неудовлетворительно руководил работой института. Заведующий учебной частью М.И. Бояршинов сверх всякой нормы был загружен преподавательской работой и не уделял должного внимания организации учебного процесса.

Институт не имел крепкой связи с заводом. Руководители комбината мало помогали институту в подготовке специалистов-металлургов. Студенты института не всегда имели возможность проходить производственную практику. Часто отдельные руководители цехов срывали ее.

Когда студенты 4 курса пришли на практику на завод, то им дали такого руководителя, который даже не мог их снабдить необходимыми материалами и чертежами, и совсем не руководил практикой. Из штрипсового цеха практикантов просто выгнали, заявив, что они мешают работать.

Студент вопрошал: «До каких пор дирекция будет мириться с фактами, говорящими о срыве работы по подготовке специалистов. До каких пор партийная, комсомольская и профсоюзная организация будут придерживаться политики «невмешательства в учебные дела института?»³³⁵.

Оба материала были разгромными. Это было время борьбы с недостатками, за развитие критики и самокритики, время Большого террора. Такого рода выступления в печати поощрялись. После подобных выступлений можно было ставить вопрос о закрытии института и заведении уголовных дел. Обвинения в адрес руководства и преподавателей, знание тонкостей учебного процесса говорили о том, что эти публикации готовили далеко не студенты. В августе 1937 г. был снят директор МГМИ А.М. Упенек, а затем репрессирован. Теперь взялись за другого директора. Поэтому зачастую из Москвы проверяющие. Недостатков в работе действительно оказалось слишком много, но общими усилиями ППС и сту-

дентов удалось выйти из сложного положения и несколько улучшить обучение студентов.

Конечный результат работы всего коллектива проявлялся в его воспитанниках, способных или не способных воплотить в практических делах знания и навыки, полученные в институте. Вновь созданное высшее учебное заведение в Магнитке позволяло обеспечить профессионально подготовленными кадрами не только местный металлургический гигант, но и другие заводы страны. В начале работы института специалистов, получивших путевку в новую, полную интересных открытий жизнь, смелых, дерзновенных инженеров было не так уж и много. С первых выпускников, поступивших в институт еще в 1932 г., когда действовали филиалы свердловских вузов, начался отсчет будущих тысяч специалистов, получивших образование в МГМИ.

Темпы подготовки инженеров в стране ежегодно возрастали. Если в 1935 г. выпустили 22,3 тыс. инженеров, то в 1936 г. намечалось это количество увеличить на тысячу человек. Предполагалось, что численность инженеров к концу 1936 г. будет в СССР 112,2 тыс. человек против 26,5 тыс. в 1929 г. (рост в 4,2 раза) и против 5232 в 1913 г. (рост в 21,4 раза)³³⁶.

Количество инженерно-технических работников в крупной промышленности СССР увеличилось в 1936 г. в 5,5 раза по сравнению с 1928 г.³³⁷. На начало 1937 г. в стране насчитывалось 250 тыс. инженеров, 80 тыс. профессоров и преподавателей и других работников вузов и 550 тыс. студентов³³⁸.

За годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) советские вузы выпустили 370 тыс. специалистов, тогда как в первой пятилетке (1928-1932 гг.) – 170 тыс.³³⁹. За 1928-1937 гг. в стране подготовили 568,6 тыс. специалистов, а за третью пятилетку (1938-1942 гг.) планировалось выпустить 600 тыс. человек³⁴⁰.

В 1913 г. в России затраты на образование в расчете на одного жителя составляли 80 коп., а в 1938 г. – 124 руб. Если в 1914 г. в стране насчитывалось 8,1 млн. учащихся, то в 1938 г. – 47,7 млн. На тысячу населения в СССР приходилось 3,5 чел., обучавшихся в вузе (с заочным обучением – 5), тогда как в Англии, Франции, Германии, Италии – один. В дореволюционной России имелось 5,6 тыс. научных работников, а в Советском Союзе – 80 тыс.³⁴¹.

Приведенные показатели свидетельствовали о разительных переменах в системе высшего образования в 1930-е гг. Культурная революция задела всех и каждого. Получить высшее образование было престижно. Звание инженера ко многому обязывало. Это был образец и пример во всем. Инженер не мыслился без творческого

отношения к порученному делу. Он должен был не только хорошо разбираться в технике, в производственном процессе, вносить рационализаторские предложения, но и умело управлять людьми. Таких неординарных личностей выпускали из своих стен институты, включая и МГМИ. Конечно, не все выпускники отвечали данным требованиям, но в большинстве своем стремились к этому.

Еще задолго до первого выпуска в институте началась работа с будущими специалистами с тем, чтобы они трудились по избранной специальности. Metallургический комбинат был заинтересован в приходе новых инженеров в первую очередь в свои цеха, в которых остро ощущался недостаток инженерных кадров.

После окончания института студенты должны были работать по избранной специальности. Приказ директора института гласил, что «в связи с тем, что дирекцией МГМИ заключены договора с основными цехами Магнитогорского металлургического комбината о размещении студентов вечернего отделения института на работу в цеха по специальности, соответствующей специальности института, приказываю: студентам II и III курсов металлургического и горного отделения института (вечернее отделение) оформить до 7 февраля 1935 г. переход на работу соответствующей специальности, по которой они обучаются в институте»³⁴².

Не только количественные показатели определяли дальнейшее развитие профессионального образования, но и на качественные характеристики подготовки специалистов обращалось внимание. Начальник ГУУЗа НКТП в своем приказе отмечал, что еще не все сделано в этом направлении. Особую тревогу вызывало качество дипломных работ, их тематика с большим числом общих, трафаретных тем. Предъявлялись претензии к руководителям дипломных работ, когда вместо опытных, высококвалифицированных специалистов руководство осуществляли молодые, неопытные преподаватели и аспиранты. При подготовке дипломов недостаточно использовалось литературы, чертежи не удовлетворяли минимальным требованиям³⁴³.

Большим событием для МГМИ стал его первый выпуск инженеров в 1937 г. В приказе директора фигурируют следующие выпускники. Среди выпускников-горняков были: Барсуков Алексей Михайлович (получил диплом I степени – «отлично»), Бабанов Петр Павлович (диплом 2 степени), Загорец Тимофей Александрович (2 ст.), Иванов Виктор Никитич (2 ст.), Карпов Александр Федорович (1 ст.), Николаенко Сергей Васильевич (2 ст.), Панфилов Евгений Иванович (2 ст.), Тиховидов Алексей Федорович (1 ст.).

Выпускники-мартеновцы состояли из Волкова Леонида Андреевича (2 ст.), Заверюхи Никиты Васильевича (2 ст.), Меженного

Олега Сергеевича (2 ст.), Перк Георгия Карловича (1 ст.), Щербина Петра Константиновича (2 ст.).

Среди прокатчиков, успешно завершивших учебу в МГМИ, были: Белякевич Пантелеймон Терентьевич (2 ст.), Васильев Евгений Павлович (1 ст.), Иванов Матвей Михайлович (2 ст.), Макаев Сергей Владимирович (2 ст.), Пискунова Марья Никифоровна (2 ст.), Тимофеев Дмитрий Илларионович (2 ст.), Тулупов Арсений Артемьевич (2 ст.). Всего 20 человек.

В декабре 1937 г. к ним добавились еще пять отличников, специалистов по обработке металла давлением: Заякин Дмитрий Владимирович (1 ст.), Ланин Ефим Игнатьевич (1 ст.), Шнейвас Рафаил Фадеевич (1 ст.), Шмырев Алексей Николаевич (1 ст.), Поляков Константин Васильевич (1 ст.).

Последних пятерых распределили следующим образом: Р.Ф. Шнейваса, заведующего промышленным отделом, секретаря редакции газеты «Магнитогорский рабочий» – в механический цех, А.Н. Шмырева – в ООП, К.В. Полякова – в механический цех, Д.В. Заякина – в проектный отдел, Е.И. Ланина – начальником смены прокатного цеха стана «300» №3³⁴⁴.

В ранее опубликованных материалах в различных источниках не упоминался Белякевич Пантелеймон Терентьевич. Как нами выявлено, он был репрессирован. В других же сведениях среди первых выпускников указывались специалисты, выпущенные позже: А.С. Беломестнов, Е.А. Лещинская, М.П. Юдинцев.

Например, П.А. Слесарев в сборнике статей «XV лет МГМИ» писал: «Первые выпускники факультета в большинстве оставались в Магнитогорске, постепенно выдвигаясь на командные должности. Так, Т.А. Загорец – главный инженер Агаповского известкового карьера – одного из самых мощных в стране, А.Ф. Тиховидов – зам. начальника Магнитогорского рудника, А.С. Беломестнов – начальник Бускульского карьера огнеупорных глин, А.Ф. Карпов – зам. начальника технического отдела горного управления ММК им. Сталина, М.П. Юдинцев и Е.А. Лещинская работают в Магнитогорском филиале Гипромеза и т. д.»³⁴⁵.

Но некоторые из названных выпускников отсутствуют в приказе директора института. Они были выпущены из МГМИ позднее. В связи с этим возникает вопрос о количестве первых выпускников. Та цифра, которая постоянно фигурирует в публикациях о 20 первых выпускниках 1937 г. не соответствует истине, поскольку в декабре к ним добавилось еще пять выпускников.

В статье в газете «Магнитогорский рабочий» в октябре 1937 г. «Первый выпуск Магнитогорского горно-металлургического института» говорилось о выпускниках МГМИ: «Особенно трудными

были первые годы учебы. Не было приспособленного здания, лабораторий, не укомплектован профессорско-преподавательский состав. В институт пришли молодые педагоги, которые вместе со студентами создавали свой институт.

Прошли 5,5 лет упорной борьбы и учебы. С каждым годом рос институт, росли кадры, улучшались условия учебы. Несколько месяцев назад 30 студентов института – выпускников получили дипломные задания. Кто они – выпускники института? Вот известный всему заводу начальник смены стана «300» №1 Сергей Макаев – комсомолец, стахановец, пришедший в институт рабочим-вальцовщиком; бывший мастер мартена Никита Заверюха; бывший начальник смены мартеновского цеха комсомолец Олег Меженный; работница доменного цеха Пискунова; комсомолец Алексей Шмырев; рабочий вальцетокарного цеха с 25-летним производственным стажем Поляков и др. Рабочие, мастера, конструкторы, техники, журналисты, лаборанты 5,5 лет назад пришли в институт и получили звания инженеров-металлургов. На днях большая часть дипломников будет защищать дипломные проекты. В стенах института обучается около 700 человек»³⁴⁶. В газете упоминалось уже о 30 дипломниках. Следовательно, предыдущий список был неполным? Или не все дипломники защитились?

В газете «За кадры» в 1962 г. упоминалось о 20 выпускниках с указанием их должностей на время публикации в газете: «Первые выпускники МГМИ: С.В. Николаенко – начальник промывочно-обогачительной фабрики ГРУ ММК; А.Ф. Карпов – пенсионер, бывший начальник техотдела ГРУ ММК; Е.П. Васильев – пенсионер, бывший начальник отдела Главметаллосбыта; А.А. Тулупов – начальник отдела сбыта ММК; П.П. Бабанов; А.Ф. Тиховидов – доцент МГМИ, главный инженер ГРУ ММК; А.Н. Шмырев – начальник отдела зарплаты Госплана РСФСР; М.М. Иванов – главный инженер-прокатчик; С.В. Макаев – директор Ново-Тагильского металлургического комбината; П.К. Щербинин – заместитель начальника МММЗ; К.В. Поляков – инженер-металлург; Л.А. Волков – кандидат технических наук, доцент кафедры организации производства МГМИ; Д.В. Заякин – инженер-металлург; Р.Ф. Шнейвас – сотрудник газеты «Челябинский рабочий»; Д.И. Тимофеев – главный прокатчик Алчевского завода; М.Н. Пискунова – пенсионерка, бывший начальник прокатных цехов северного блока ММК; Н.В. Заверюха – помощник начальника по разливке мартеновского цеха №1 ММК; Е.И. Ланин – инженер-прокатчик; О.С. Меженный – начальник отдела кадров Минвнесторга СССР; Т.А. Загорец – главный инженер Агаповского известняково-доломитового карьера»³⁴⁷. В этот список вошли и те выпускники, которые защищались в декабре 1937 г., но

в то же время исчезли фамилии некоторых выпускников, получивших дипломы раньше.

Чаще всего в последующих информациях указывается, что всего выпущено 20 инженеров, из них 8 горняков, 5 сталеплавильщиков, 7 прокатчиков»³⁴⁸. Возможно, это была попытка скрыть фамилию репрессированного выпускника.

А.Г. Дегтярев в газете «За кадры» в 1983 г. на основе собранного материала повествовал о первом выпуске: «В истории нашего института наступил долгожданный радостный момент. В этом году состоялся первый выпуск инженеров, подготовленных в МГМИ. Это был настоящий праздник, праздник не только преподавателей, сотрудников и студентов института, но и всего города.

Защита дипломных проектов проводилась в актовом зале института, который заполнили строители и работники комбината, студенты всех специальностей и просто любопытные. Общее число присутствующих на защите было не менее 600 человек.

Вопросы задавали не только члены комиссии, но и присутствующие, главным образом работники комбината. Председатель Государственной экзаменационной комиссии главный инженер ММК Анатолий Северинович Точинский заявил тогда, что он впервые проводил защиту при таком большом числе слушателей и что впервые он видел таких технически зрелых выпускников.

Всего тогда защитили дипломы 20 человек: 8 горняков, 5 сталеплавильщиков и 7 прокатчиков. Для наших дней, когда ежегодно в институте получают дипломы инженеров свыше 1500 человек, первый выпуск кажется незначительным. Но насколько серьезное значение придавали в то время каждому молодому специалисту, свидетельствует тот факт, что первый выпуск института в полном составе во главе с директором, секретарем партийной организации и председателем профкома института вызвали в Москву, в Наркомтяжпром. На специальном приеме у заместителя наркома А.П. Завенягина молодым инженерам сообщили места их будущей работы. Некоторым молодым специалистам пришлось расстаться с Магниткой и комбинатом и перейти на другие предприятия.

Инженеры первого выпуска оказались способными специалистами. Многие из них стали настоящими капитанами социалистических предприятий, начальниками крупных цехов, учеными. Вот некоторые из них.

С отличием окончив институт, А.М. Барсуков прошел путь от мастера до главного инженера Южноуральских бокситовых рудников, опубликовал пять научных трудов, был удостоен почетного звания лауреата ВДНХ, награжден пятью орденами и медалями

СССР. Другой выпускник горного факультета Т.А. Загорец много лет работал главным инженером Агаповского известнякового карьера. После окончания того же факультета А.Ф. Тиховидов начал путь инженера во взрывном цехе рудника горы Магнитной, затем здесь же работал заместителем начальника и главным инженером, преподавателем-совместителем в МГМИ. Доцент А.Ф. Тиховидов опубликовал свыше 40 научных трудов, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и несколькими медалями.

Все выпускники-сталеплавильщики начали путь инженеров на ММК. Л.А. Волков отсюда ушел в Краснознаменную Дальневосточную армию, участвовал в военных действиях в 1939 году в районе реки Халхин-Гол, с июня 1941 по 1945 годы в Великой Отечественной войне. Затем длительное время снова работал на металлургическом комбинате, почти пятнадцать лет был доцентом и заведующим кафедрой экономики и организации производства нашего института. Леонид Андреевич имел 13 правительственных наград. Его товарищ по курсу Н.В. Заверюха в мартеновском цехе ММК работал мастером, начальником смены, заместителем начальника цеха по разливному пролету. Последние 20 лет работал доцентом кафедры технологии металлов, написал 18 научных трудов, в том числе две монографии. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», несколькими медалями.

В этой же группе окончил институт О.С. Меженный, позже выдвинутый на пост секретаря Магнитогорского горкома партии, работал начальником управления кадров Минчермета СССР, занимал ответственный пост в представительстве СССР за рубежом. Больших успехов добился первый выпуск прокатчиков. С.В. Макаев работал директором Нижне-Тагильского металлургического комбината, защитил кандидатскую диссертацию и написал свыше 30 научных трудов. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР. Сергей Владимирович избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Его сокурсники: М.М. Иванов – был начальником термического отдела центральной заводской лаборатории ММК, главным инженером, Е.П. Васильев – длительное время возглавлял Уралчермет. Д.И. Тимофеев работал в НИИЧермете; А.А. Тулупов – работал начальником термического отдела главного механика ММК, начальником смены стана «250», начальником отдела сбыта комбината»³⁴⁹.

Важно обратиться к воспоминаниям самих участников этого события. По словам А.А. Безденежных: «Первый выпуск молодых специалистов был произведен в 1937 г. Я хорошо помню этот выпуск. Это был большой праздник не только института, но и всего го-

рода. Защита дипломных проектов производилась в актовом зале института. Актовый зал и хоры были переполнены. Общее число присутствующих на защите было не менее 600-700 человек. Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии Главный Инженер ММК, подводя итоги выпуска молодых специалистов, заявил тогда, что он впервые проводил защиту при таком большом числе слушателей и что впервые он видел таких технически зрелых выпускников. Удивление, высказанное им, о качестве защиты и выполнении дипломных проектов, легко объясняется особыми условиями подготовки инженеров, характерными для Магнитогорского Горно-Металлургического института. С первого года обучения студенты, путем экскурсий, знакомятся с работой ММК. Даже не будучи на заводе, студенты невольно знакомятся с ММК через местную печать, при встречах с заводскими работниками и т. д.

Прохождение общих и специальных курсов, связанное с обязательным посещением и изучением работы цехов ММК и существующих технологических процессов, делают обучение наших студентов особенно интересным и привлекательным»³⁵⁰.

Как вспоминал Л.А. Волков: «На последнем курсе мы обучались с отрывом от производства, усиленно готовясь к завершающему этапу учебы – к дипломному проектированию. Неосуществимой мечтой в то время было хотя бы подержать в руках пояснительную записку к дипломному проекту, представить себе, какой она должна быть.

В 1937 г. состоялась первая в истории нашего института защита дипломных проектов. Третьим на первом заседании Государственной экзаменационной комиссии защищал свой проект я.

И вот сейчас, спустя 29 лет, с особым волнением вспоминаю этот торжественный день. Актовый зал института заполнили строители и эксплуатационники комбината, студенты всех специальностей и даже просто посторонние. Словом, экзамен предстоял трудный и строгий. Вопросы задавали не только члены комиссии, но и присутствующие, главным образом, работники комбината. В те годы наша страна очень нуждалась в специалистах.

Первый выпуск МГМИ в полном составе во главе с директором, секретарем партийной организации и председателем профкома института вызвали в Москву, в Наркомтяжпром. На специальном приеме у заместителя наркома А.П. Завенягина нам объявили места будущей инженерной деятельности. Некоторым молодым специалистам пришлось расстаться с комбинатом и перейти на другие предприятия».

В Магнитогорске жили и трудились четыре его однокурсника: Н.В. Заверюха, доцент МГМИ; А.А. Тулупов, начальник отдела сбыта комбината; П.К. Щербинин, заместитель начальника ООТ ММЗ; М.Н. Пискунова, пенсионерка, бывший начальник участка ОТК обжимного цеха³⁵¹. В газете «Магнитогорский рабочий» в 1939 г. сообщалось, что выпускник института Макаев работал начальником прокатного цеха Керченского металлургического завода, Самойлов – главным инженер шахты, Васильев – заместителем начальника обжимного цеха ММК³⁵².

В восприятии С.И. Попова дипломирование происходило таким образом: «Ноябрь 1937 год. У подножья Магнитогорска на Ежовке расположилось здание горно-металлургического института – первое высшее учебное заведение города. В актовом зале напряженная тишина, изредка нарушаемая доносящимися с гор взрывами, от которых колыхаются стены, позванивают стекла в окнах. Но к этому здесь привыкли, не обращают внимания. Да и до того ли! Идет защита дипломов горняками первого приема (1932 г.) вечернего отделения. Восемь дипломников А.М. Барсуков, М.М. Иванов, Т.А. Загорец, А.Ф. Карпов, Е.И. Панфилов, П.П. Бабанов, С.В. Николаенко защищают свои первые дипломные проекты. Эти люди выдержали не одно испытание на стойкость. Пятеро из них приехали в Магнитогорск, когда он был просто степью, где простирался своей властной ладонью непокорный серебристый ковыль. Умудренные жизненным опытом и имеющие стаж работы по специальности, они еще раз должны доказать, что не зря учились эти 5 лет; выдержать еще один экзамен.

Но защита прошла успешно, хотя каждый опрашивался с пристрастием, знания проверялись на прочность, вопросы задавались очень сложные.

По-разному сложилась судьба первых выпускников. Но общее одно – все они долгие годы работали и работают в горной промышленности. Все свои знания, богатый опыт отдали любимому делу. И даже будучи на заслуженном отдыхе, не оставляют общественной работы. Самый старший из выпускников (в то время, когда он защищал диплом, ему исполнилось 35 лет) А.Ф. Карпов живет в Магнитке. На его глазах она росла, строилась, хорошела. После выпуска он работал в горном управлении ММК заместителем начальника технического отдела. Затем на общественных началах вел работу в проектно-исполнительском горисполкоме. Но он не изменял своему любимому делу, и весь накопленный опыт и знания отдавал новому поколению горняков, ведя преподавательскую работу в МГМИ и рецензируя проекты горняков.

Горняки Магнитки (да и не только горняки) хорошо знают бывшего главного инженера Алексея Федоровича Тиховидова, доцента горного факультета.

Тимофей Александрович Загорец не покидал производства – он главный инженер Агаповского карьера. В должности главного обогатителя горного управления трудился С.В. Николаенко.

Все это замечательные люди, живая история нашего города и института. Судьбы их неразрывно связаны с Магнитогорском. Они с честью несли факел науки, их заботами выращено не одно поколение молодых первооткрывателей»³⁵³.

В газете «За кадры» 1957 г. публиковалось следующее: «Первый выпуск инженеров из института состоялся в 1937 г. в количестве 20 человек, в том числе 8 горняков, 5 сталеплавильщиков, 7 прокатчиков. До сих пор работают в Магнитогорске первые выпускники: М.М. Иванов – начальник технической лаборатории, А.Ф. Тиховидов – зам. начальника Магнитогорского рудника, Т.А. Загорец – главный инженер Агаповского карьера, М.П. Юдинцев – начальник Магнитогорского отделения Гипромеза»³⁵⁴. Почему Юдинцев оказался среди первых выпускников, если окончил институт в 1940 г.?

М.И. Бояршинов, заведующий кафедрой обработки металлов давлением писал: «В декабре 1937 года состоялась защита дипломных проектов первых выпускников нашего института. Из 20 выпускников звание инженера-прокатчика получило 7 студентов вечернего отделения. Большинство из них, будучи студентами, уже работали на инженерных должностях, исполняя обязанности начальников смен и участков прокатных цехов ММК»³⁵⁵.

В сборнике статей «XV лет МГМИ» отмечено, что первый выпуск инженеров из института состоялся в 1937 г. (т. е. через пять лет после его открытия) по вечернему отделению и дал стране 8 горных инженеров и 12 инженеров-металлургов³⁵⁶.

Имеются и такого рода данные, что первый выпуск инженеров, подготовленных в МГМИ, состоялся в конце 1937 г. В его составе было пять выпускников кафедры металлургии стали: Л.А. Волков, Н.В. Заверюха, О.С. Меженный, Г.П. Перк и П.К. Щербинин³⁵⁷. Или такого рода информация, что в течение 1937-38 учебного года был произведен первый выпуск инженеров в МГМИ, в том числе 10 инженеров-прокатчиков, 5 мартеновцев, 8 горняков³⁵⁸.

Опубликована статья и такого содержания: «Прежде всего срочно пришлось начинать организацию дипломного проектирования на «голом месте». Первые дипломники проявляли чудеса са-

моотверженности и энтузиазма, свойственные в ту пору перво-строителям Магнитки, часто ночевали в «дипломке», так как до квартир соцгорода добираться в снежную и суровую зиму было не-просто. Защита дипломных проектов первого выпуска прокатчиков состоялась в конце декабря. Выпускной вечер 31 декабря был со-вмещен со встречей Нового года.

Выступая на заключительном заседании, председатель ГЭК, видный ученый А.С. Точинский сказал, что он приятно поражен инженерной зрелостью проектных решений и глубиной разработки технологии. И неудивительно, ведь все студенты занимали штат-ные инженерные места на производстве.

В 1937 г. первые 11 выпускников вечернего отделения ка-федры получили дипломы инженеров-прокатчиков. Интересно, что весь первый выпуск (20 человек) на церемонию распределения на работу возили в Москву – так были нужны нашей стране инженер-ные кадры»³⁵⁹.

Приведенные различные сведения о первых выпускниках, показывают насколько значимым этот волнующий момент был не только для выпускников, но и для руководителей металлургическо-го комбината и города. Отдельные повторы информации о выпуск-никах оставлены с целью передать отношение очевидцев к важ-нейшему событию. Кроме того, уточнены данные о первых инже-нерах, выпущенных из стен института, и их карьерном росте.

В стране происходили изменения в организации учебного процесса. Приказ Всесоюзного Комитета по делам высшей школы (апрель 1938 г.) определял, что курсовые экзамены должны про-водиться в устной и письменной форме, причем письменные рабо-ты обязательно должны сопровождаться устным опросом. Провер-ка умения решать задачи для таких предметов, как математика, теоретическая механика, сопротивление материалов являлась обязательной³⁶⁰.

В 1937/38 учебном году на рабфак поступали в возрасте с 18 до 30 лет без отрыва от производства, окончившие 7 классов не-полной средней школы (НСШ) со сроком обучения четыре года. На дневное отделение принимались нацмены, имевшие подготовку в объеме пяти лет НСШ. Лица, поступавшие не рабфак, подвергал-ись испытаниям в объеме 7 или 5-летнего обучения в неполной средней школе³⁶¹.

Набор на рабфак шел сложно. На дневное отделение раб-фака (нацменное отделение) предстояло набрать 30 человек, а было допущено только 20 человек³⁶².

Если в начале 1937 г. на дневном отделении обучалось 72 человека, то через год – на три больше, а без отрыва от производ-

ства – 174 и 126 соответственно. Во время обучения на дневном отделении вышло 28 человек, в том числе 2 – за неуспеваемость, а на вечернем – 90 и 4 соответственно³⁶³.

Что интересно, даже на вечернем отделении рабфака в 1937 г. студенты 4 курса, обращаясь к руководству, выражали желание заниматься дополнительно физкультурой и английским языком³⁶⁴.

В мае 1938 г. в объявлении в газете говорилось о наборе на 1 курс МГМИ со сроком обучения 5 лет. В нем подчеркивалось, что институт имеет прекрасную производственную базу на ММК. Вечером институт работал в две смены. Прием заявлений проводился с 20 июня по 1 августа. Приемные испытания проходили с 1 по 20 августа, зачисление – с 21 по 25 августа³⁶⁵.

Накануне 1938-39 учебного года в газете «Магнитогорский рабочий» появилась статья Л. Татьяничевой о МГМИ. Она писала, что подготовка к новому учебному году началась еще в мае. Уполномоченный института объехал 20 средних школ, находившихся в радиусе бывшего Магнитогорского округа. Он провел с выпускниками разъяснительные беседы о производственном профиле и возможностях института. Для желавших повторить курс открывались двухмесячные подготовительные курсы.

Набор в новом году должен был составить 125 человек, в том числе 75 – на дневном отделении. Однако с набором не все было в порядке. На 8 августа имелось всего 118 заявлений. Однако, как показывала практика, не все абитуриенты будут допущены к экзаменам. Большинство поступавших были не магнитогорцы, а из других городов и районов. Следовательно, работа в школах города проводилась слабо.

С 1 августа начались приемные испытания, качество ответов было значительно выше, чем в предыдущие годы. Например, из 19 человек, сдававших математику, семь получили оценку «отлично», восемь – «хорошо» и остальные – «посредственно». Примерно такое же положение было и по другим дисциплинам³⁶⁶.

Обычно на первый курс принимали 50 человек на дневное и столько же – на вечернее отделение. В 1938 г. впервые на первый курс было принято 150 человек³⁶⁷. Все же контрольные цифры оказались перевыполненными. Видно, зря волновалась корреспондент, боясь невыполнения плана.

По архивным данным из годового отчета МГМИ за 1938 г., явствовало, что прием на дневное отделение составил 106 человек, а на вечернее – 55, что превысило план³⁶⁸. Разница с предыдущими данными составляла 11 человек. Архивные сведения считаются более достоверными. Следует учитывать и то, что допол-

нительно принимались бывшие студенты при переводе из других вузов, или отчисленные ранее с других курсов.

В начале 1938/39 учебного года в МГМИ на прокатном отделении 1 курса обучалось 107 студентов, на 2 курсе – 34, на 3 курсе – 27, на 4 курсе – 33, на 5 курсе – 29 человек. На металлургическом отделении 1 курса проходили обучение 58 человек, на 2 курсе – 17, на 3 курсе – 14, на 4 курсе – 7, на 5 курсе – 15 человек, дипломировалось 20 выпускников. На горном отделении 2 курса учились 4 человека, на 3 курсе – 9, на 4 курсе – 8, на 5 курсе – 8 студентов³⁶⁹. По информации газеты, всего на отделениях производства стали и проката и разработки рудных залежей обучалось 440 человек³⁷⁰.

По этому учебному году заметно, что количество первокурсников-прокатчиков возросло при сопоставлении с предыдущим годом более чем вдвое, а потери бывших первокурсников и второкурсников составили треть. Однако увеличилось число студентов четвертого курса, но при снижении показателей пятого курса. На металлургическом отделении сокращение контингента на третьем курсе по сравнению со вторым курсом прошлого года произошло более чем вдвое.

По годовому отчету МГМИ за 1938 г. видно, что среднегодовое число учащихся в институте с отрывом от производства равнялось 164, а без отрыва от производства – 135. Отсев с дневного и вечернего отделения был очень высок – 112 человек. В основном это было связано с необеспеченностью общежитием³⁷¹.

По одним сведениям, в 1938-39 учебном году институт подготовил еще 40 инженеров-прокатчиков, 7 мартеновцев, 12 горняков³⁷². В 1938 г. по информации газеты «Магнитогорский рабочий», МГМИ выпустил 32 инженера³⁷³, а по данным А.Г. Дегтярева, выпуск составил 35 специалистов³⁷⁴. Вновь возникают разные показатели по выпускникам.

Публикация в газете гласила, что 29 декабря 1938 г. окончили защиту дипломных проектов студенты вечернего отделения. По горной специальности защитили проекты 12 студентов, по металлургии черных металлов (мартеновцы) – 7 и по пластической обработке металлов (прокатчики) – 13. Защитили дипломы на «отлично» 13 выпускников, на «хорошо» – 14, на «посредственно» – 3.

Хорошо защитил проект студент Мамин, показавший себя во время учебы хорошим конструктором, Кустобаев, разработавший оригинальную схему охлаждения и правки рельсов в рельсоболточном цехе, Пермяков и Мусиенко заявили о себе как о вполне зрелых инженерах-горняках, Гончарова, подробно и весьма тщательно разработала автоматику мартеновской печи, Бучинова, вы-

полнила дополнительно к дипломному проекту исследовательскую работу на тему: «Влияние количества скрапа и чугуна на производительность мартеновской печи большой емкости».

Все окончившие институт молодые специалисты, были распределены на работу. 22 инженера оставались в городе, часть направлялась в Кривой Рог, Свердловск и другие города страны. Из горняков пять были назначены на должность технических горных инженеров, шесть – сменными инженерами и один – руководителем группы горно-промышленного оборудования; из прокатчиков двое назначены диспетчерами цехов, восемь – начальниками смен и двое – инженерами проектных групп; из мартеновцев один должен был работать помощником начальника мартеновского цеха, один – начальником смены, двое – помощником начальника смены, один – начальником газового цеха двое – инженерами-исследователями. Всех прокатчиков и мартеновцев оставили в Магнитогорске³⁷⁵.

Как полагал директор А.А. Безденежных, институт существенно вырос. Если первый выпуск был посредственный, то второй выпуск – лучше и он понравился заместителю наркома Коробову³⁷⁶. С этим можно не согласиться обратив внимание на послужной список первых выпускников МГМИ.

Начиная с 1932 г., к лету 1939 г. институт выпустил 80 специалистов, из них 53 без отрыва от производства. Бывший студент вечернего отделения комсомолец-активист Николаев стал работать диспетчером на комбинате. Студент Мусиенко, окончивший и защитивший диплом на отлично работал на Криворожском заводе. В конце года выпускались еще 27 специалистов с дневного отделения. Студенты Денисов, Целинская, Протасов, Коноплев, Ковшиков защитили дипломы на «отлично». Комсомолец Виктор Денисов показал себя не только отличником учебы, но и замечательным комсомольцем-активистом. Он являлся комсоргом, и председателем спортобщества³⁷⁷. Последующие выпускники нисколько не уступали первым выпускникам. Предприятия и организации получили замечательных инженеров.

Перемены в высшем образовании в 1930-е гг. страны происходили значительные. Если до Октябрьской революции в институтах и университетах России обучалось 112 тыс. человек, то в 1938-39 учебном году – 582,7 тыс.³⁷⁸. Численность высших учебных заведений и студентов в них постоянно возрастала. В 1938 г. в Челябинской области насчитывалось восемь вузов и 65 техникумов с общим количеством обучавшихся 16,6 тыс. человек. В 1927 г. на территории будущей области не было ни одного вуза и всего шесть техникумов³⁷⁹.

В начале 1939 г. на дневном отделении института обучалось 207 студентов, а без отрыва от производства – 135. Среднегодовое число студентов составляло 166 и 136 человек соответственно³⁸⁰.

В 1938-39 учебном году на дневном отделении рабфака обучалось 118 слушателей, в том числе 55 – на первом курсе, 46 – на втором, 17 – на третьем курсе. На вечернем отделении учащихся было примерно столько же – 113, среди них на 1 курсе – 21, на 2 курсе – 23, на 3 курсе – 36 и на 4 курсе – 33³⁸¹.

На рабфаке среднегодовой контингент учащихся по годовому отчету МГМИ 1938 г. на дневном отделении достигал 100 человек, а на вечернем – 146³⁸².

Абитуриенты проходили обучение на подготовительных курсах. В 1938 г. на подготовительные курсы МГМИ без отрыва от производства принимались граждане в возрасте не менее 17 лет и не старше 35 лет, имевшие среднее образование (полная средняя школа, техникум, школа взрослых). Прием осуществлялся до 20 мая. Занятия на курсах проводились сменно: утром и вечером. Кроме общих занятий, на курсах организовывались специальные консультации по всем дисциплинам для поступающих³⁸³.

На вечернее отделение нацменрабфака в 1939 г. принимались лица с 17 до 30 лет. На 1 курс вечернего и на 2 курс дневного отделения можно было поступить, имея знания в объеме семи классов. На 1 курс поступали с образованием не ниже пяти классов. Приемные испытания включали: русский язык, математику, географию, естествознание, политграмоту. Обучение проходило в течение четырех лет. Студенты, отлично окончившие рабфак, поступали в институт без испытаний³⁸⁴.

С каждым годом все труднее было набирать на рабфак. В то время отмечалась низкая результативность от поездок по вербовке учащихся на рабфак³⁸⁵. Рабфаки в СССР существовали до 1940 г. и вновь возродились на новой основе лишь в 1970-е гг.

Для МГМИ они стали важнейшим средством подготовки молодежи к дальнейшей учебе во вузе. Хотя руководству института пришлось приложить немало сил по созданию нормальных условий для обучения, но это было сделано не зря. Выпускники рабфака во время учебы в МГМИ были на хорошем счету.

Условия поступления в институт в 1939 г. первоначально оставались прежними. Газетная публикация передает атмосферу сдачи приемных испытаний. Анастасия Копцева и ее подруга приехали поступать в МГМИ на специальность инженера-металлурга из среднеазиатского города. Спокойно и уверенно отвечали на испытаниях по математике выпускницы 16-й школы Магнитогорска Ру-

заева, Зомова. Борис Тихонов, правильно решив на доске все примеры по математике, дал к ним толковый и вразумительный анализ. В институт поступали из ближних городов и районов в основном девушки и юноши 1920-1921 годов рождения, только что окончившие школу. Из 22 сдававших математику, «отлично» получил один, «хорошо» – восемь, столько же – «посредственно», и пять человек – «плохо»³⁸⁶.

Однако приемная кампания прошла не без курьезов. Руководство учебными заведениями Наркомата изменило правила игры в сентябре. Посчитав, что набор небольшой, решили его увеличить.

Так был организован дополнительный прием в вузы страны свыше 25 тыс. человек, которые первоначально не были приняты из-за недостатка мест. Их теперь принимали без экзаменов. Остальным предлагалось сдавать приемные испытания. Прием заявлений проводился до 25 сентября. Комитет по делам высшей школы запретил директорам вузов принимать на 1 курс в порядке перевода из других вузов, принятых в этом году на 1 курс. За студентами первых курсов, идущих в том году на действительную службу в РККА, сохранялось право возвращения в вуз без приемных испытаний³⁸⁷.

В МГМИ также объявлялся дополнительный прием в конце сентября. Приемные испытания включали дисциплины: русский язык (письменное сочинение, грамматика, литература), история народов СССР и Конституция СССР, математика, физика, химия, иностранный язык³⁸⁸.

С целью обеспечения набора студентов в 1939 г. при институте организовали восьмимесячные подготовительные курсы, на которых занималось около 200 слушателей³⁸⁹. Подготовительные курсы стали еще одной возможностью обеспечить институт способной к учебе молодежью. Рабфак и подготовительные курсы существенно пополняли ряды первокурсников. Среди них было меньше отчисленных, что положительно влияло на стабильность контингента.

В августе 1939 г. контингент студентов достигал 480 человек, тогда как в предшествовавшем учебном году – 386³⁹⁰. Рост отмечен довольно существенный. На дневном отделении металлургического факультета на 1 сентября 1939 г. обучалось 185 студентов (1 курс – 56, 2 курс – 46, 3 курс – 29, 4 курс – 23, 5 курс – 31), а к 1 июня 1940 г. их осталось 143 (1 курс – 28, 2 курс – 45, 3 курс – 22, 4 курс – 22, 5 курс – 26) (см. приложение 1). Численность первокурсников сократилась вдвое. На втором курсе изменения произошли незначительные. Всего же металлурги-дневники потеряли 22,7% учащихся.

На горном факультете на 1 курсе начинали обучение 23 студента, на 2 курсе – 23, а на 1 июня обучался 41 студент (1 курс – 16, 2 курс – 25). На первом курсе горняки не досчитались почти каждого третьего студента, а всего их количество за учебный год уменьшилось на 10,9%.

Контингент вечернего отделения составлял 133 человека (1 курс – 50, 2 курс – 24, 3 курс – 15, 4 курс – 18, 5 курс – 9, 6 курс – 17). К 1 июля металлургов-вечерников стало меньше – 114 (1 курс – 42, 2 курс – 20, 3 курс – 18, 4 курс – 22, 5 курс – 11, 6 курс – 1). Здесь так же, как и на дневном отделении, наибольший спад контингента наблюдался на 1 курсе (16%), но по сравнению с дневниками доля убывших студентов была больше (16,7%).

Вечерники-горняки к началу учебного года составляли 76 студентов (1 курс – 28, 2 курс – 9, 3 курс – 7, 4 курс – 12, 5 курс – 11, 6 курс – 9). К лету их ряды поредели – осталось 63 человека (1 курс – 22, 2 курс – 10, 3 курс – 7, 4 курс – 13, 5 курс – 11). Вновь значительное уменьшение контингента отмечено на первом курсе (на 21,4%). Это еще раз показывает, что адаптация к учебе проходила сложно. Благодаря вновь прибывшим студентам, на старших курсах удавалось компенсировать потери в связи с отчислениями.

Всего по институту начинали учебу в сентябре 1939 г. 450 человек, а 1 июня 1940 г. их осталось 361. В основном, исходя из опубликованных данных, отсеб шел на первом курсе³⁹¹.

По данным В.М. Огиевского, в 1932 г. в МГМИ обучалось 76 студентов, в 1933 г. – 188, в 1934 г. – 215, в 1935 г. – 284, в 1936 г. – 302, в 1937 г. – 345, в 1938 г. – 325, в 1939 г. – 342³⁹² (см. рис. 3.1).

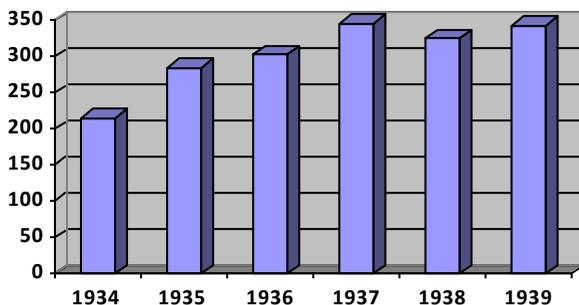

Рис. 3.1. Численность студентов в МГМИ в 1934-1939 гг.

За скучными, на первый взгляд, статистическими сведениями можно проследить преобладающие тенденции деятельности

института по увеличению контингента на протяжении восьми лет. Постепенно увеличивалась численность студентов. По ряду позиций данные разных источников не совпадают. Во многом это было связано с уточнениями более позднего периода и не всегда точным учетом. Но они все же нашли отражение в исследовании, чтобы можно было сопоставить различную информацию. Часть сведений дается за календарный год.

Безусловно, впечатляет статистика отсева студентов. Этот бич не позволял выполнять планируемые показатели ежегодного контингента, а главное, выпуска специалистов, так необходимых народному хозяйству страны. Основная причина отчислений – это низкая успеваемость на первых курсах из-за слабой школьной подготовки, бытовая неустроенность, транспортные проблемы, загруженность на работе. Многие зависело от самого студента. Те из них, что оставались учиться, мужественно переносили тяготы обучения.

В целях повышения качества обучения принимались решения по обеспечению нормального хода учебного процесса. Приказ наркома черной металлургии 1939 г. запрещал студентам, обучавшимся с отрывом от производства, совмещать учебные занятия со штатной служебной работой³⁹³.

Руководство института и общественные организации искали различные пути для улучшения успеваемости. На одном из заседаний Ученого совета в 1939 г. предлагалось поставить вопрос перед студенчеством к открытию партийного съезда (10 марта) покончить с академической задолженностью³⁹⁴. Но даже и такая установка в реальности оказывалась невыполнимой. Долги были, «хвостисты» ждали отсева.

В январе 1939 г. на заседании Ученого совета МГМИ было сказано, что хотя по сравнению с предыдущим годом успеваемость улучшилась (в зимнюю сессию 1938 г., абсолютная успеваемость составляла 49%, а в зимнюю сессию 1939 г. – 69%), все же имелась масса недостатков. Заведующий кафедрой Г.С. Василенко на этом заседании отметил плохо организованную самостоятельную работу студентов. Большинство из них готовилось лишь перед экзаменом.

Как считал заведующий кафедрой А.Г. Пассовский, в последние годы состав студентов комплектовался из числа лиц, окончивших десятилетку и не работавших на производстве. Поэтому желательно было ввести в учебные планы дисциплину «Введение в машиностроение».

Выступавшие также отмечали формальное отношение студентов к занятиям, низкую явку. Вновь поднимался вопрос о не-

увязках в учебных планах, когда учебные дисциплины читались не системно. В институте по-прежнему не хватало помещений для занятий.

Заведующий кафедрой Г.М. Заморуев высказался о том, что студенты-вечерники занимались лучше дневников. На дневном отделении была плохая дисциплина и посещаемость. Преподаватель английского языка Г.М. Кигель говорила о слабой школьной подготовке не только по иностранному, но и по русскому языку.

Представитель ГУУЗа Злобинский перед заседанием побывал на некоторых занятиях. Проверка показала, что студенты прошли не всю программу. Студент, получивший «отлично», не заслужил этой оценки. Из четырех легких вопросов он не ответил ни на один. Как выразился Злобинский, «это указывает на общую малоразвитость и недостаточное окультуривание студентов»³⁹⁵.

Данное заседание Ученого совета показывает насколько слабо был налажен учебный процесс в институте. Лишь половина студентов сдала зимнюю сессию в 1938 г. Не лучше обстояли дела и в следующем году. Вновь вставал вопрос о недостатках в планировании образовательной деятельности.

Конечно, не все студенты учились идеально. Но имелись студенты, на которых можно было равняться. Едва ли малоразвитым можно назвать комсомольца Кусенбаева, успешно окончившего первый курс. В течение года он был старостой группы и боролся за повышение успеваемости, за хорошую трудовую дисциплину³⁹⁶.

Учебный план дневного отделения в осеннем семестре 1938-39 учебного года был выполнен на 85,7%, а в весеннем – на 99%, на вечернем отделении – на 92,8% и 95,4% соответственно. Абсолютная успеваемость в осеннем семестре составляла 49%, а в весеннем – 70,5%³⁹⁷. С такой успеваемостью ни о каком качестве обучения говорить не приходилось.

Таким образом, качество обучения в МГМИ имело и положительные и отрицательные стороны. Основной тенденцией в учебном процессе являлось то, что успеваемость находилась примерно на одном уровне, хотя и имелись спады. Немало претензий возникало по поводу учебных планов. Отдельные дисциплины читались непоследовательно и несистемно. Имелись недочеты в организации производственной практики. Одной из важных причин отчисления студентов служила низкая успеваемость. В то же время среди студентов было немало отличников учебы, являвшихся примером для других. Ведущие преподаватели и лучшие студенты стремились изменить положение к лучшему.

И после окончания института дипломированные инженеры должны были повышать свою квалификацию. Однако не всегда это

проходило на высоком уровне. Об этом свидетельствовал приказ начальника ММК в марте 1937 г.³⁹⁸.

Для упорядочения подготовки специалистов требовалось четкое планирование необходимого количества инженеров на предприятиях. Приказ наркома тяжелой промышленности (март 1938 г.) обязывал директоров всех предприятий НКТП срочно представить своим главным управлениям заявки на потребное количество специалистов в 1938 г. с указанием должностей, окладов и обеспеченностью жилплощадью.

Директора институтов должны были представить в сектор учета и подбора кадров на всех оканчивавших втузы в 1938 г. персональные списки, личные листки, автобиографии, политические и деловые характеристики³⁹⁹. В условиях дефицита инженерных кадров такая система являлась действенным инструментом пополнения специалистами промышленных предприятий, в том числе и ММК. Выпускники должны были использоваться на важных участках производства и строго по своей специальности.

Первый выпуск 27 инженеров-прокатчиков, окончивших дневное отделение, состоялся в июне 1939 г.⁴⁰⁰.

Не только количественные показатели волновали педагогов МГМИ. На страницах газеты «Магнитогорский рабочий» заведующий кафедрой ОМД М.И. Бояршинов поделился своими впечатлениями о дипломировании студентов в 1939 г. Из 29 вынесенных на защиту дипломных проектов, на «отлично» защитились пять студентов, на «хорошо» – 13, на «посредственно» – девять, на «неудовлетворительно» – два. Он считал, что превратить дипломную работу в творческую работу основная задача исполнителя. Прошедшая защита показала, что эта задача далеко еще не решена. Из числа защищенных проектов творческой устремленностью резко выделялся проект студента Коноплева, который разработал вопрос об использовании резервных сил трения при прокатке и дал ряд оригинальных конструкторских решений. Защита этого проекта показала большую глубину проработки.

Автор статьи полагал, что в основном две причины обусловили отсутствие творческой мысли. Первая из них – это слабая подготовка по предметам общетехнического и специального цикла, недостаточное освещение проблемных вопросов, спорных мест и перспективах их разрешения. Вторая причина – неумение студентов организовывать самостоятельную творческую работу. В процессе защиты выявилась слабость общей подготовки, обнаружилось непрочное закрепление основных положений наук общетехнического и общетеоретического цикла. Это показывало, что изучение боль-

шинства предметов в институте велось несколько схоластично, оторвано от жизни, от практического применения их.

Еще одно противоречие, выявленное в процессе защиты. Из 29 дипломантов четыре в течение года являлись отличниками, т.е. имели 75% отличных оценок и остальные – хорошие. На «отлично» же защитила только одна Целинская, два студента получили отметку «хорошо» и один – «посредственно». Он еще подметил такую деталь. Производственная практика не стала органичным целым с учебным планом, не являлась его продолжением⁴⁰¹. Доброжелательная критика одного из ведущих преподавателей МГМИ призывала не успокаиваться на достигнутом, более активно привлекать молодежь к творческой, самостоятельной исследовательской работе, чтобы раскрывать ее творческий потенциал еще на студенческой скамье.

Творческие личности имелись среди выпускников. Будущий инженер Анастасия Гончарова, которая на защите диплома говорила сухим, лаконичным языком цифр и технических терминов. Каждая высказанная мысль была строго взвешена, подкреплена вычислениями и чертежами. На вопросы она отвечала точно, давала исчерпывающие ответы, не нуждавшиеся в поправках и комментариях. Раньше Анастасия Яковлевна была учителем в Тамбовской деревне, организовывала колхоз, была бита кулаками и теперь стала инженером⁴⁰².

Н.Ф. Протасов – выпускник МГМИ 1939 г., в будущем начальник управления экспертизы проектов в Министерстве черной металлургии СССР, защищавший кандидатскую диссертацию в МГМИ в интервью сказал следующее: «Когда беседуешь с молодежью, то и сам становишься молодым! В Магнитогорск я приехал мальчишкой в 15 лет. Работал на разведке горы Магнитной, участвовал в строительстве первых четырех мартеновских печей. Потом был бригадиром слесарей. В 1939 году окончил институт и был направлен на Минусинский метизно-металлургический завод. Но долго работать не пришлось – в этом же году был призван в Красную Армию, в части, которые вели сражения в Монголии. Затем уехал работать на металлургический завод «Азов-сталь», где и проработал 20 лет. Прошел путь от начальника смены до главного прокатчика завода.

Потом был приглашен в Министерство черной металлургии, где и работаю по сей день. Кроме этого, я руководитель секции прокатно-трубно-метизного производства СЭВ. И на общественных началах сотрудничаю в журнале «Сталь» – член редколлегии. Часто приходится бывать за границей, обмениваться опытом.

Наш выпуск прокатчиков дневников был первым, и поэтому я вправе считать себя одним из первых прокатчиков, подготовленных в Магнитке. Получил диплом № 37. Я часто вспоминаю своих друзей, с некоторыми иногда встречаюсь. И вот когда увидишь тех, с кем вместе учился, то становится немножко грустно. Да, годы берут свое!»⁴⁰³.

Выпускник 1939 г. А.Л. Коноплев стал инженером блюминга №3 ММК. В 1931 г. он приехал в Магнитку из Удмуртии. В 1934 г. успешно окончил рабфак и поступил в МГМИ. По его мнению, то, что он стал инженером – это заслуга общественных и хозяйственных организаций института⁴⁰⁴.

Н. Галочкина в 1932 г. окончила ФЗУ. Поехала в Магнитогорск. Поступила в МГМИ на вечернее отделение. В 1939 г. окончила институт и получила диплом инженера по пластической обработке металла⁴⁰⁵. За этими сухими строчками тяжелый каждодневный труд. У таких студентов не было свободного времени. Все подчинялось учебе. В итоге они стали отличными специалистами.

Итак, в ходе обучения в МГМИ отчетливо проявлялись следующие тренды. Прием в горно-металлургический институт проходил сложно. Желание учиться было у многих строителей и работников металлургического комбината, но уровень подготовки к учебе в высшем учебном заведении не отвечал необходимым требованиям. Подготовка через рабочие факультеты столкнулась с немалыми трудностями. Низкий уровень школьного образования приводил к значительному отсеву учащихся. Однако с помощью рабфака и подготовительных курсов все же удавалось достичь хотя бы минимальных знаний, с которыми можно было учиться во втузе. Через рабфак и подготовительные курсы прошли сотни абитуриентов и получили необходимый уровень подготовки.

Как показало исследование, в организации учебного процесса в МГМИ в первые годы его становления имелись положительные тенденции: рос контингент студентов за счет как выпускников школ и работников металлургического завода, так и за счет сети рабфака и подготовительных курсов. Качество обучения напрямую было связано как с наличием высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадров, так и с довузовской подготовкой поступающих.

Учитывая сложности с организацией производства на металлургическом комбинате и в строительных организациях, особенно нелегко было поддерживать высокий уровень успеваемости среди студентов, обучавшихся без отрыва от производства. Им приходилось преодолевать не только дефицит времени на учебу в далеко не благоприятных бытовых условиях, в решении транс-

портных проблем, сверхурочных работах на производстве, но и наверстывать забытый школьный материал, который приходилось осваивать заново, поскольку уровень школьного, да и среднего специального образования не соответствовал требованиям высшей школы.

Нужно отдать дань уважения первопроходцам, первым выпускникам института, преодолевшим все невзгоды и лишения, встретившиеся им на пути к знаниям. Благодарности заслуживают и первые преподаватели, сумевшие поднять уровень провинциального магнитогорского втуза в непростой ситуации отсутствия высокой острепенности, оторванности от ведущих вузов страны.

При всех сложностях организации учебного процесса все же удалось преодолеть болезнь роста. Качественнее стала проводиться профориентационная работа на предприятиях, прежде всего, на металлургическом комбинате, а также в школах. В 1930-е гг. значительно увеличился контингент студентов. Первые выпускники института, получая высокие должности, демонстрировали высокое качество обучения в реальных делах на производстве.

3.2. Научно-исследовательская работа

Важнейшей составляющей работы вуза является научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава института. Без научной работы ни о какой эффективной деятельности втуза не могло быть и речи. Поэтому важно проследить, как в МГМИ формировалась научно-исследовательская работа, как первые преподаватели начинали свои изыскания. Не менее актуально раскрыть взаимоотношения администрации института с вышестоящим руководством и металлургическим комбинатом по поводу организации научных исследований.

В год открытия института предпринимались первые попытки наладить научную деятельность. Базы для этого, к сожалению, практически не было. Все приходилось начинать с нуля.

Хотя МГМИ и ММК подчинялись одному Наркомату, но первоочередное внимание обращалось на исследовательские работы комбината. Выделяемые бюджетные средства на науку в начальный период становления института были смехотворны. Кроме того, и немногочисленные и неостепененные преподавательские кадры не в состоянии были на серьезном, высоком профессиональном уровне заниматься прикладными исследованиями, а тем более фундаментальной наукой.

По приказу ГУУЗа НКТП от 15 ноября 1934 г. из выделенных наркоматом 205 тыс. руб. на проведение исследовательских и экспериментальных работ, на МГМИ приходилось всего 10 тыс. руб.⁴⁰⁶. С такими ассигнованиями трудно было рассчитывать на значимые исследования. Но главное управление, возможно, и ориентировалось при выделении средств на пока еще недостаточную техническую базу института, и на его формирующийся преподавательский состав.

Но и в этих далеко не благоприятных условиях, имевшиеся кафедры, все же занимались научно-исследовательской работой. Преподаватели кафедры физики во главе с П.Д. Корж работали над темой «Определение теплоемкости и электропроводности термозита». В научно-исследовательскую работу кафедры входило два направления: определение теплопроводности термозита и определение электропроводности. Заведующий кафедрой стремился отойти от повседневных учебных забот и вплотную занимался наукой. Он опубликовал научный труд «Введение в современную теорию строения атома»⁴⁰⁷.

На кафедре химии проводилось исследование «Очистка надсмольных вод от фенолов, методика бессероводородности»⁴⁰⁸. Оно включало разработку методов очистки надсмольных вод коксового цеха от фенолов и составление руководства для без сероводородного качественного анализа.

Заведующий кафедрой химии Н.Н. Лапин только в 1934 г. получил возможность серьезно заняться научно-исследовательской работой. Но первая попытка в этой области окончилась неудачей.

Нужные приборы приходилось делать и сооружать самим, заменять недостающие части другими, комбинировать ими. Совместно с работниками кафедры и студентами он приступил к опытной части исследования. Некоторые опыты оказались удачными. Особенно много инициативы и умения вложил в эту работу ассистент В.С. Темялко.

Однако оказалось, что параллельно с кафедрой над этой темой работал Ленинградский институт. Сверив данные их работы и МГМИ, кое-что ученые института взяли у ленинградцев, но в применении к местным условиям. В 1936 г. эту работу магнитогорцы должны были закончить.

На энтузиазме первых преподавателей появилась химическая лаборатория, которую надлежащим образом оборудовали. Причем лаборатория МГМИ оказалась не хуже лабораторий многих старых вузов. Однако не хватало технической литературы.

Как писал Н.Н. Лапин: «Времени в обрез. Бывают дни, когда я прихожу домой только спать, остальное время поглощает институт. Кроме заведования кафедрой и чтения лекций у меня две крупные нагрузки – заведование лабораторией и работа в заочном институте. Если прибавить к этому время, которое я трачу на подготовку к лекциям, то на научную работу у меня остается ноль часов. В будущем году я должен защищать кандидатскую диссертацию и ясно, что для этого мне понадобится еще добавочное время».

Автор считал нужным выделять для преподавателей научные командировки. Как он выразился: «Остальное – бытовые условия, связь с производством, желание расти, давать нашей замечательной стране новые научные завоевания – все это у нас есть»⁴⁰⁹.

Однако деньги на научные командировки не выделялись. Приходилось, как говорится, вариться в собственном соку. Просьбы в вышестоящие органы о выделении средств на научные командировки, даже связанные с темами диссертационных исследований, не получали поддержки⁴¹⁰. В этом случае многое зависело от центральных органов, но новый втуз ощутимой помощи пока не получал. Без научных командировок в другие вузы, на предприятия и в организации трудно было рассчитывать на подготовку качественной диссертации. Незнание над какими научными проблемами работают другие ученые приводило к таким случаям, как на кафедре химии, параллельно занимавшейся одной темой с ленинградцами.

В 1936 г. опубликовали справочник АН СССР «Научно-исследовательские учреждения». В справочнике нашли отражение основные направления научно-исследовательской работы и в МГМИ. Так, по информации справочника, на кафедре горного искусства проводились исследования по бурению скважин тяжелыми буровыми станками на открытых горных работах уральских рудников. Данная тема затрагивала организацию работы по бурению скважин на всех аналогичных разработках полезных ископаемых и имела большое значение с точки зрения обобщения опыта работы отдельных рудников.

Кафедра химии разрабатывала методику количественного определения алюминия в железных рудах и шлаках, с выделением электролизом на ртутном катоде, а также проводилась разработка методики анализа кислотоупорных сплавов. Исследовался метод качественного анализа без сероводорода.

На кафедре физики разрабатывались вопросы, касающиеся применения спектрального анализа. Ученые кафедры занимались

также разработкой фотоэлектрического метода, фотометрирования спектров для количественного определения примесей в сплавах. Коллектив кафедры физхимии проводил научные исследования по теме «Окисляемость всех углей, поступающих на все агрегаты Магнитогорского комбината».

В справочнике указывалось, что в институте имелись: спектральная лаборатория при кафедре физики, лаборатория «химии угля» при кафедре физхимии, химическая лаборатория при кафедре химии.

В то же время отмечались и некоторые недочеты в научно-исследовательской работе МГМИ. Одним из упущений являлось отсутствие лаборатории на кафедре горного искусства. В институте не имелось специальной научной библиотеки.

В МГМИ не было экспериментальных станций, заводских установок. На кафедрах имелись только опытные установки. Отсутствовало систематическое обслуживание институтом предприятий и учреждений. Лишь кафедра химии сотрудничала в решении производственных вопросов с Центральной химической лабораторией металлургического комбината. Кафедра физхимии налаживала связи с коксохимическим цехом ММК и Магнитогорской Центральной электрической станцией (МЦЭС). Научно-исследовательской работой занималось всего пять человек. Годовой бюджет по научно-исследовательским работам, как и раньше, составлял 10 тыс. руб.⁴¹¹

Этот справочный материал характеризует начальный этап становления научной деятельности в институте. При столь небольшом количестве ученых и скромных средствах на исследования ожидать больших научных достижений не приходилось. Еще только формировались специальные кафедры, большая часть преподавателей не имела ученых степеней, отсутствовали тесные связи с ММК и другими предприятиями и организациями, поэтому рассчитывать на существенные изменения в научной деятельности института пока было не реально.

Хотя на металлургическом комбинате, имелись лаборатории и научные работники, но они слабо участвовали в исследовательской деятельности. Как отмечал в заметке в газете «Магнитогорский рабочий» инженер Богачев, научно-исследовательская работа на ММК была поставлена неудовлетворительно, хотя в большинстве цехов имелись десятки нерешенных технических вопросов. Тогда же был опубликован приказ руководства комбината об улучшении этой работы. Однако в нем не упоминалось участие ученых МГМИ в разрешении технических проблем⁴¹². Научные контакты с металлургическим комбинатом еще не стояли в повестке

дня, хотя ученые МГМИ проводили отдельные исследования, связанные с комбинатом.

Об этом же шел разговор в апреле 1938 г. на расширенном заседании Ученого совета МГМИ. В связи с тем, что отсутствовало специальное оборудование в лабораториях, возникали сложности выполнения научных исследований совместно с металлургическим комбинатом, не представлялось возможным предложить заслуживающие внимания совместные проекты. Профессор Катасонов предлагал для развертывания научно-исследовательской деятельности организовывать экскурсии в другие города, на другие предприятия, но это сметой не было предусмотрено⁴¹³. Приходилось лишь ждать, когда наконец в ГУУЗе и на меткомбинате придет понимание коренной перестройки научной работы.

Ученые института, публикуясь в центральных изданиях, все же пытались выйти в научных изысканиях на всесоюзный уровень. Так, в 1938 г. доцент А.А. Безденежных опубликовал в журнале "Металлург" (№ 10) первую за время работы в МГМИ научную статью⁴¹⁴.

В кризисный для института 1939 г. остро стоял вопрос участия преподавателей МГМИ в научной деятельности. Представитель руководства ГУУЗа на Ученом совете института предлагал в научно-исследовательской работе установить более тесные связи с металлургическим комбинатом по тематике работ⁴¹⁵.

По-разному оценивали причины отставания в научных исследованиях преподаватели. А.А. Безденежных плохую организацию НИР объяснял учебной перегрузкой преподавателей. 13 преподавателей из 28 имели 1,5 ставки⁴¹⁶.

В 1939 г. в связи с укреплением лабораторной базы вуза, координации научно-исследовательских работ, помощи ученым и наличием в его штате достаточного числа специалистов в институте организовали научно-исследовательский сектор (НИС), работа которого быстро приобрела большой размах⁴¹⁷. Научной работой, в том числе и научно-исследовательским сектором, руководил Г.Ф. Дегтев, заместитель директора по учебной и научной работе⁴¹⁸.

В 1939 г. в институте открылись новые кафедры, кабинеты, лаборатории и началась по-настоящему вестись научная работа. Именно в этом году впервые в истории вуза были установлены постоянные научные связи с металлургическим комбинатом. Вероятно, первым был договор МГМИ с ММК, заключенный 24 сентября 1939 г.⁴¹⁹.

По договору с комбинатом в 1939 г. под научным руководством доцента Г.М. Заморуева была выполнена работа «Методы повышения сопротивления изнашиванию бегунов кранов Магнито-

горского металлургического комбината». Бегунки кранов на ММК изнашивались слишком быстро. Иногда срок службы крановых бегунков не превышал двух месяцев. Отныне эксплуатация, изготовленных по предложенному способу бегунков, показала увеличение срока их службы на 75%⁴²⁰. Затем были заключены и другие договоры как с ММК, так и с иными предприятиями Южного Урала.

Итак, с первых дней создания института ученые вуза пытались внести посильный вклад в науку и производство. К основным тенденциям в этом направлении можно отнести следующие. Проведение исследований по актуальным для науки темам. В связи с тем, что в новом вузе явно не хватало преподавателей с учеными степенями, отсутствовали научные школы и тесные связи с ведущими научными центрами страны, вряд ли можно было рассчитывать на высокие достижения в этой области. Главное управление учебными заведениями НКТП не оказывало действенной помощи МГМИ как в подготовке научных кадров, так и в финансовой поддержке научных исследований.

Первые исследования преподавателей строились больше на энтузиазме, нежели на хорошо организованной, плановой работе. Отсутствовала связь с металлургическим заводом и строительными организациями города. По мощности лабораторные структуры комбината значительно превосходили возможности горно-металлургического института.

Однако постепенно наращивалась интеллектуальная мощь института, появлялась новая лабораторная база, преподаватели стали публиковаться в центральных изданиях, участвовать в научных конференциях. В то же время пока еще отсутствовали плодотворные взаимные контакты с местным металлургическим комбинатом.

Заметные трансформации наблюдались в образовательной деятельности: увеличился прием в институт, предпринимались попытки сохранения контингента студентов. Руководство МГМИ стремилось повышать качество обучения, особое внимание обращалось на успеваемость студентов, эффективность учебного процесса. Дипломные проекты демонстрировали высокие знания и умения, компетентность выпускников. Специалисты, выпущенные из МГМИ, становились отличными инженерами, крупными руководителями.

Образовательная и научно-исследовательская деятельность в МГМИ пока еще не во всем отвечали требованиям высшей школы. Однако наметились тенденции к превращению института в эффективное учебное заведение.

Глава 4. Внеучебная повседневность

4.1. Общественно-политическая и культурно-спортивная жизнь

Помимо учебной и научно-исследовательской работы, в 1930-е гг. важное место в деятельности института занимали общественно-политическая деятельность, культурно-массовые и спортивные мероприятия. В условиях высокой идеологизированности советского общества студенты должны были воспитываться в духе преданности делу коммунистической партии и лично товарищу Сталину. Партийная и комсомольская организация, профсоюзный комитет, обществоведческие кафедры занимались партийно-комсомольским политическим образованием и другими мероприятиями как среди студентов, так и среди профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного персонала. Важное место во внеучебной работе занимало выполнение общественных поручений.

Проводимые культурно-спортивные мероприятия должны были формировать у молодежи любовь к искусству, растить физически развитых людей. Хотя происходило только становление института, но во внеучебной повседневности этот участок работы не оставался вне внимания администрации и общественных организаций.

С появлением нового втуза сформировались и общественные организации. В так называемый треугольник МГМИ в 1934 г. входили парторг Славин, комсорг Кутуев и председатель профкома Рыжков⁴²¹.

Среди первых общественно-политических мероприятий, в которых участвовали студенты, были выезды в село для оказания помощи в проведении сельскохозяйственных работ. В соответствии с решением горкома партии дневные группы рабфака направлялись на уборочную кампанию в помощь совхозу. В своем большинстве они добросовестно выполняли порученную им работу, хотя имелись и, как тогда называли, «дезорганизаторы пролетарской трудовой дисциплины», которых могли исключить из состава студентов⁴²².

Подобная шефская помощь селянам сохранялась на протяжении существования СССР. В условиях недостатка рабочей силы в селе при проведении работ, не требующих высокой квалификации, как нельзя кстати применялся бесплатный труд студентов.

Позднее, после закрепления за институтом отдельного совхоза, МГМИ стал получать часть собранных продуктов.

В середине 1930-х гг. в Магнитогорске развернулась борьба с неграмотностью. Свою лепту в это дело внесли и студенты нацменотделения рабфака. 10 лучших ударников учебы приступили к ликвидации неграмотности по родному языку среди башкир и казахов. Вечерами они шли на производство, чтобы после работы вести обучение неграмотных. Но в реализации этого хорошего начинания не доставало учебников и пособий. Через городскую газету энтузиасты ликбеза обратились к руководству ММК помочь им в этом⁴²³. Участие студентов в таких общественных делах помогало горожанам в кратчайшие сроки получить основы грамотности. Хотя студенты и сами еще должны были учиться, но отличники учебы стремились оказать посильную помощь в ликвидации неграмотности.

Молодежь в 1930-е гг. воспитывали в духе непримиримости к контрреволюционным элементам, мешающим строить социализм. Студенты должны были знать о борьбе советского государства с врагами народа. Поэтому 2 января 1935 г. они прослушали лекцию о троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации, а затем этот материал проработали в группах⁴²⁴.

Неучастие в общественно-политических мероприятиях являлось наказуемым деянием. О важности изучения социально-экономических дисциплин для студентов института говорил следующий факт. В декабре 1935 г. на основании указаний вышестоящих организаций на вечерних отделениях МГМИ была прочитана лекция «Текущая политика в СССР и за границей». Лектором был приглашен профессор Ю.В. Гольдштейн. Однако на лекцию не явилось свыше 50 студентов. В приказе директора института указывалось: «Усматриваю в части лиц, ушедших домой, игнорирование вообще социально-экономических дисциплин. Предупреждаю, что в случае повторения подобных явлений, вынужден буду принимать соответствующие меры. Напоминаю лицам, имеющим академическую задолженность по социально-экономическим дисциплинам старших курсов, что таковая должна быть к зачетной сессии ликвидирована. Младшим курсам необходимо иметь в виду, что социально-экономические дисциплины наравне с общеобразовательными и техническими при их незнании будут таким же тормозом для перехода с одного семестра на другой и с одного курса на другой, как и все остальные дисциплины»⁴²⁵.

Пока еще не было репрессий к аполитичным студентам, но намеков на последствия их поступка был явным. Даже студенты-

вечерники обязаны были не только прослушать лекции на общественно-политические темы, но и обсудить их.

Однако, как считали некоторые педагоги института, не все было сделано для улучшения политико-воспитательной работы. Преподавателей-обществоведов тогда волновали вопросы повышения политического уровня молодежи. В статье преподавателя диалектического материализма И. Садчикова «О политическом воспитании студенчества» в газете «Магнитогорский рабочий» отмечалось, что в институтах города нет ни одного кружка по экономической политике, ленинизму, историческому материализму, истории партии. Массовые лекции на общественно-политические темы для студенчества совершенно не читались. В МГМИ за второе полугодие 1935 г. проработали в дневных группах всего три темы по текущей политике и две лекции по истории партии. Студенты-вечерники вообще не были охвачены партийно-политической учебой. На работе они ссылались, что учатся в институте, а в институте, что изучали политические темы на производстве. Такие студенты оказывались вне партийно-политической учебы.

Состоявшиеся занятия проводились в 11 часов вечера, после учебы. Люди были утомлены и не подготовлены. Беседы превращались в лекции. Посещение кружков составляло 30%, на дневном отделении несколько больше.

Среди студентов существовала элементарная политическая безграмотность. Студент третьего курса на вопрос «Почему гитлеровцы называют себя национал-социалистами?» ответил: «Национал-социалисты хотят (!) мирным путем построить социализм». Другой из студентов утверждал, что «фашисты проповедуют мирный захват власти». Студент второго курса сделал открытие, что в «колхозе частная собственность определенной кучки людей».

Как писал автор статьи, это единичные случаи. Есть немало студентов с глубокими знаниями. Но приведенные факты свидетельствовали о неблагополучии. По его мнению, политкружки нужно включить в сетку учебного расписания. Поставить вопрос перед ГУУЗ НКТП об увеличении часов на социально-экономические дисциплины. Он привел слова Сталина, что необходимо «добиться того, чтобы пролетарское студенчество стало созидательным строителем социалистического хозяйства и социалистической культуры»⁴²⁶.

Так, критически оценил автор политическую работу в институте. После чего в МГМИ стали приниматься меры по повышению политической грамотности студенчества. Аполитичность в те времена не приветствовалась. В течение всех 1930-х гг. вопрос поли-

тического воспитания молодежи считался одним из важнейших в подготовке инженеров.

Большой резонанс в институте и городе произвела новая статья заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма И. Садчикова, опубликованная в газете «Магнитогорский рабочий» в мае 1936 г. Автор критического материала рассказал на страницах газеты о том, что по его наблюдениям, студенты института мало читают, не знают великих деятелей искусства. В среднем за год они прочитали 2-3 художественных произведения.

В институте провели письменную работу для выяснения литературной грамотности студентов. Что же прочитали студенты? Они в основном написали о «Брусках» Парфенова, «Как закалялась сталь» Островского, «Железном потоке» Серафимовича. Студенты не знали произведения мировой и русской литературы. Как писал И. Садчиков, «во всех работах дают о себе знать дурной схематизм и социологизм, привитый скверным преподаванием общей истории и истории литературы в средней школе».

При проведении небольшого диктанта студенты проявили неграмотность, сделав в среднем по 26 ошибок, больше таких оказалось на 1 курсе. Наименьшее число ошибок было – 6, а наибольшее – 73. Дирекция института организовала специальные занятия по русскому языку лишь для тех студентов, которые имели в диктанте более 15 ошибок.

По мнению И. Садчикова, у студентов отсутствовали исторические знания. Они не знали ни древней, ни новой истории Запада, ни истории СССР, ни гражданской истории, ни истории партии. Например, студент Приходько на вопрос: «Когда возник фашизм?» очень уверенно «отрапортовал»: «Фашизм возник несколько веков назад».

Зачет по историческому материализму не могли сдать 36% студентов, прослушавших этот курс. Они не могли рассказать о задачах диктатуры пролетариата, об организации советского государства, о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, о социал-фашизме и фашизме. И. Садчиков полагал, что «среди части студентов существует высокомерно-пренебрежительное отношение к социально-экономическим наукам». Студенты не читали и не читают классиков марксизма. Из 25 человек, с которыми он беседовал, только один полностью прочитал «Что такое дружба народа» Ленина и наполовину прочитал «Диалектику природы» Ф. Энгельса.

Автор подчеркивал, что «такова же судьба и классиков естествознания». Ни один из опрошенных студентов не читал ни Дарвина, ни Геккеля, ни Ньютона, ни Эйнштейна, ни Менделеева, ни

Павлова. Они совершенно не следили за новыми научными открытиями и техническими изобретениями.

И. Садчиков писал и о том, что студентам недостает и внешней культуры. В общежитии они сидят в шапках, валяются на кроватях в одежде и обуви, в аудитории входят в головных уборах, особенно студенты «вечерники». В обращении друг с другом и с преподавателями недостает вежливости и приветливости.

Правда, эти слова относились не ко всем студентам. По мнению И. Садчикова, «в целом коллектив студентов состоит из энергичных, жизнерадостных, прилежных и способных ребят».

По его мнению, основная причина недостатка культуры в плохой работе школы. В 1935/36 учебном году в институт во время приемных испытаний пришли 75% поступавших с одним «неудом». Поэтому среди студентов первого курса были лица, не знавшие простых действий над дробями, элементарной геометрии и тригонометрических функций.

Он обратил внимание на слабую воспитательную работу. Политучебой были охвачены только коммунисты и комсомольцы, да и они учились неважно. Остальные студенты слушают политические доклады лишь на заседаниях. Теоретические кружки по физике, литературе, химии и т.д. в институте не работали. Лекции по теоретическим и политическим вопросам не читались – за год были прочитаны всего две лекции.

Важную причину ограниченного культурного кругозора студентов он видел в системе самой учебной работы в институте. По учебным планам ГУУЗа НКТП отношения между лекциями и семинарами определялись 1:1, на час лекции – час семинаров. У студентов ежедневно проходило 2-4 часа семинарских занятий. Они каждый день сдавали текущий материал. На подготовку к семинару у них оставалось 2-3 часа. Что студент мог сделать за это время? Прочитать свой конспект и просмотреть рекомендованные страницы учебника. Студент даже не в состоянии были полностью проработать учебник.

И. Садчиков считал, что необходимо больше времени выделять на самостоятельную работу студентов и предлагал ликвидировать семинарские занятия, увеличить часы на социально-экономические дисциплины. На основы истмата и диамата выделялось 36 часов и на ленинизм – 40 часов. За это время можно лишь дать схему. Как автор заявлял в конце своей статьи, «нам нужны, конечно, не всезнайки, а специалисты, но специалисты социалистические, т.е. многосторонне развитые, с широким культурным кругозором и прочным коммунистическим мировоззрением,

специалисты, для которых учение Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина стало бы руководством жизни и борьбы»⁴²⁷.

Фрагменты из статьи дают представление о больших упущениях в воспитательной работе в институте. На всеобщее обсуждение через городскую газету, орган горкома партии и городского совета депутатов, И. Садчиков вынес «сор из избы». Его осудили некоторые «товарищи по цеху» – преподаватели Фишер, Корж и Темянко. Однако иной была позиция профессора Ю.В. Гольдштейна, который писал, что «мои коллеги по институту не правы, когда они вину за наше отставание на этом фронте пытаются переложить на социально-экономическую кафедру». Виноваты все преподаватели, что не смогли воспитать студентов. Он полагал, что нужно работать с молодежью, среди них немало замечательных студентов, таких как Григорьева, Ефанов, Гун, Москавенко, Шполянский. Следовало увеличить количество часов на социально-экономические дисциплины.

В своей статье в газете «Магнитогорский рабочий» И. Садчиков поддержал и студент педагогического института. Хотя, как он считал, в их институте этому вопросу уделялось больше внимания, но недостатков имелось также немало⁴²⁸. Так, неоднозначно оценили выступление в газете И. Садчикова. С одной стороны, статья отрицательно сказывалась на престиже института, но с другой стороны, показывала, что в политическом воспитании студентов накопилось немало проблем. Коммунистическое мировоззрение молодежи оказалось не на высоте, а это был большой минус в период высокой идеологизированности населения. Причем дело было не только в незнании марксистско-ленинской теории, но и в недостаточно высоком уровне культуры.

В 1930-е гг. в трудовых коллективах массовое распространение получило соревнование за достижение высоких трудовых показателей. Не оставался в стороне от этого дела и МГМИ. Коллектив института постоянно участвовал в социалистическом соревновании. В феврале 1935 г. были приняты обязательства, по участию в походе имени VII съезда Советов. Обязательства подписали директор института и рабфака Упенек, парторг института Славин, руководитель секции научных работников (СНР) Корж, председатель месткома Барщевская, председатель профкома Абдрахманов⁴²⁹. Участие в соревновании позволило в институте улучшить учебную и научную работу.

Важным партийным поручением являлось выполнение депутатских обязанностей. Не всех могли избрать депутатом. Лучшие преподаватели и студенты института выдвигались в депутаты городского и районного советов, и успешно решали главные вопросы

жизнедеятельности не только института, но и города. В 1935 г. интересы МГМИ и горожан стал представлять в городском совете депутатов вновь избранный депутат, преподаватель Владимир Соломонович Темялко. Стать депутатом ему помогло доверие городских жителей и студентов. Из 334 избирателей за него проголосовало 200 человек. Он являлся комсомольцем, ударником⁴³⁰.

Депутаты, избранные от МГМИ, проявляли высокую заинтересованность в улучшении условий учебы и быта. Преподаватели и студенты института вместе с депутатами решали важные бытовые проблемы. Депутатская бригада стремилась не только выявить недостатки, но и воздействовать на нарушителей. Так, депутаты выявили, что в буфете института грязно, недостаточный выбор блюд.

Поскольку большинство студентов питалось в буфете, депутаты просили директора института установить санитарный контроль, добиваться перед фабрикой-кухней, чтобы в буфете постоянно имелись в достаточном количестве недорогие молочные продукты, а также холодные блюда⁴³¹. И положение изменилось к лучшему. В те годы депутатский запрос имел большой вес. Никто из должностных лиц не хотел освобождения от поста и прокурорской проверки.

Депутат М.М. Ремизов обратился в горсовет уделять больше внимания зданию, в котором размещались сразу четыре учебных заведения: школа ФЗУ, техникум, горно-металлургический институт и рабфак. Он предлагал провести ремонт: оштукатурить здание, установить форточки, построить вторую лестницу, выделить помещение для уборной, провести питьевой водопровод. Депутат также советовал разровнять землю перед зданием, посадить деревья, сделать ограду.

По его мнению, студенты плохо питались, часто не обедали из-за дороговизны блюд и отсутствия студенческой столовой. Ремизов предлагал установить льготы для студентов. Когда горсовет обратился к директору комбината А.П. Завенягину помочь студентам-стипендиатам, тот отказал, поскольку посчитал, что необходимо будет выделить много средств, хотя таких студентов было немного. Но об этом ему никто не сказал.

Депутат М.М. Ремизов с обидой говорил, что ему не дали слова на заседании горсовета. Он делал вывод: «Я объясняю это тем, что всех уже не так сильно интересует вопрос об институте, техникуме, рабфаке и ФЗУ»⁴³². Так, с душой относились депутаты к порученному делу. Депутатская работа была не только почетна, но и ответственна. Депутаты проявляли настойчивость, добиваясь исправления упущений.

В середине 1930-х гг. получила распространение инициатива выполнения общественного поручения секционера. Активисты на предприятиях, в учреждениях записывались в секции помощи советским органам власти. Не стал исключением и МГМИ. Пять лучших студентов были рекомендованы для работы секционерами при Магниторском горсовете⁴³³.

Депутатская группа, секционеры в составе Ремизова, Дедухина и Ахтамовой в январе 1935 г. обратились к директору МГМИ с требованием устранения недостатков в связи с неудовлетворительной работой хозяйственной части. К таким недостаткам относились: недостаточное количество ламп и абажуров для нормального освещения. В некоторых аудиториях учебные доски находились в неприглядном состоянии. В аудиториях недоставало столов.

Депутаты заявляли директору: «Мы обязываем вас принять все меры к тому, чтобы к началу занятий второго полугодия были устранены ненормальности. В этом обращении указывались конкретные факты упущений⁴³⁴. Директору института приходилось держать ответ перед депутатами и их помощниками. Таким образом они оказывали реальную помощь коллективу МГМИ.

В целях повышения значимости общественных дисциплин изменились критерии оценок. ГУУЗ НКТП в 1936 г. установило критерии оценок по четырехбальной системе по социально-экономическим дисциплинам. Чтобы получить оценку «удовлетворительно» требовалось: твердое усвоение курса предмета, четкий ответ по основным вопросам курса в пределах знания обязательной литературы и материала лекций, знание необходимых исторических фактов, дат, имен, в пределах программы данного предмета, умение правильно излагать в устной форме основные положения прорабатываемых тем, показывающих сознательное усвоение основного содержания курса, необходимые знания и умения дать критику антимарксистских, антиленинских теорий и умение связывать теоретические вопросы с современностью, с практикой социалистического строительства.

Для оценки «хорошо» необходимо было полностью усвоить программу всего курса, иметь самостоятельную ориентировку во всех основных вопросах курса, давать самостоятельные развернутые ответы без помощи преподавателя на поставленные вопросы, понимать связь вопросов с другими вопросами, проработанными тем, обнаружить умение излагать материалы последовательно и глубоко, показать серьезное знание рекомендованной литературы по курсу и знание первоисточников классиков марксизма-ленинизма, основательные знания исторических фактов, имен,

знать и уметь давать глубокую критику антимарксистских теорий и самостоятельно увязать теоретические вопросы с практикой социалистического строительства.

Отличная оценка полагалась лишь при глубоком усвоении всей программы и свободной ориентировки по пройденному программному материалу, умение ставить и разрешать вопросы, давать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, особенно сложные в теоретическом отношении, глубоко знать не только минимум, но и максимум рекомендованной литературы, знать первоисточники и самостоятельно уметь работать над ними, уметь привлекать необходимый материал смежных дисциплин, серьезно знать исторический материал и уметь привлекать его, полноценно отвечать на вопросы, которые в курсе были освещены кратко, иметь такое понимание связи теории с практикой, которое обнаруживает самостоятельное применение теории к современной действительности, уметь дать глубокую научно-политическую критику антикоммунистических теорий, политически заостренную и на высоком теоретическом уровне⁴³⁵.

Как видно из перечисленных критериев, знанию социально-экономических наук уделялось большое внимание. Советский инженер должен быть классово непримиримым к врагам народа и отстаивать чистоту марксистско-ленинской идеологии.

Как и раньше, студенты МГМИ привлекались к ликвидации неграмотности. Борьба с безграмотностью населения города позволила сократить количество неграмотных в 1936 г. по сравнению с 1935 г. с 4350 до 2979 (в 1,5 раза), а малограмотных – с 8585 до 6322 (в 1,4 раза)⁴³⁶. В 1936 г. по другим данным гороно, среди взрослого населения Магнитогорска насчитывалось 6229 человек неграмотных и малограмотных⁴³⁷. На заседании президиума Магнитогорского горсовета в апреле 1936 г. было решено провести в городе переучет неграмотных и малограмотных. К этой работе привлекались 30 студентов МГМИ и 20 слушателей рабфака⁴³⁸. Студенты института занимались не только переучетом, но и принимали активное участие в ликвидации безграмотности. Это был их реальный вклад в повышение грамотности магнитогорцев.

Борьба с контрреволюционерами в 1930-е гг. велась и в стенах МГМИ. Так, приказом директора института была уволена без выдачи выходного пособия преподаватель физики Р. Виленская, скрывшая свое контрреволюционное троцкистское прошлое⁴³⁹.

До руководства института и органов НКВД дошла информация о том, что заведующий кафедрой и.о. профессора И.И. Комиссаров при чтении курса «Сопrotивление материалов» допускал резкие выпады по отношению программы «Сопrotивление мате-

риалов», утвержденной Комитетом по делам высшей школы при Совнаркомом СССР и руководителя этого комитета И.И. Межлаук. В течение всей лекции на втором курсе прокатно-волоочильного отделения он позволял себе резко критиковать данную программу. Как указывалось в приказе директора института, такое поведение И.И. Комиссарова не может быть терпимо для преподавателя высшей школы. Комиссаров был отстранен от занимаемой должности, и руководство института ходатайствовало перед ГУУЗом о лишении его права преподавать в вузах⁴⁴⁰.

В сентябре 1936 г. в газете «Магнитогорский рабочий» появилась статья «Сигнал всей общественности учебных заведений». Вновь обсуждалась деятельность профессора Комиссарова, который так и не был уволен после выявленных его высказываний. В статье сообщалось, что в 1934 г. за антисоветские выступления профессор кафедры сопротивления материалов Комиссаров был отстранен от преподавания в Свердловском горном институте. По милости ГУУЗа и дирекции горно-металлургического института профессор Комиссаров смиренно надел на себя маску «аполитичности», под которой продолжал антиобщественную, антисоветскую деятельность.

Он отталкивал стахановцев от учебы на вечернем отделении. Инициаторам этого движения на ММК Макаеву и др. Комиссаров заявил, что «одновременно работая и учась, знать ничего не будут, что лучше поэтому учебу бросить».

Дирекция института объясняла неприязненное отношение Комиссарова к стахановцам «своеобразием» склада его характера. Студенту В. за решение задачи Комиссаров поставил «тройку». Узнав, что он комсомолец, исправил оценку на «двойку».

Комиссаров выступал против программы по сопромату, утвержденной Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР, а также постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о высшей школе. Это заставило дирекцию института снять Комиссарова с работы.

Дело Комиссарова рассматривала комсомольская организация института. Она требовала выяснения, чем было вызвано либеральное отношение к Комиссарову в течение года, почему дирекция премировала его как «лучшего преподавателя». Почему вокруг него была создана атмосфера благодушия, и скрывалась от партийной и комсомольской организации прошлая его деятельность.

Другой преподаватель военного дела МГМИ в первой лекции доказывал, что армия в капиталистических странах является внеклассовой. Как замечал автор статьи А. Скакунов, это случайная ошибка, но ее немедленно следует исправить. Выводы по статье

были соответствующие: руководство института проводило слабую кадровую политику⁴⁴¹. Иметь свое мнение по поводу программы курса являлось недопустимым, особенно преподавателем, имевшем ранее антисоветские высказывания. Жесткий по отношению к руководству МГМИ характер статьи свидетельствовал о начале кампании против директора института. Интересен сам факт рассмотрения персонального дела профессора комсомольской организацией.

В это время начался поиск врагов народа в Магнитогорском горно-металлургическом институте. В конце августа 1936 г. органами НКВД в стенах института была вскрыта якобы «контрреволюционная троцкистская организация», состоявшая из студентов, обучавшихся на вечернем отделении. По делу осудили 10 человек. Их обвинили в троцкистской агитации, в злобных террористических выпадах против руководства ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталина⁴⁴².

Среди них были следующие студенты. Горшков Иван Иванович, 1906 года рождения, технормировщик автобазы, студент 3 курса металлургического отделения, староста группы, осужденный на 10 лет лишения свободы. На такой же срок осудили Кривобокова Василия Ивановича, 1906 года рождения, студента 3 курса металлургического отделения, автогенщика-сварщика вспомогательных цехов строительства ММК. Козенков Константин Александрович, 1909 года рождения, посадчик штрипсового цеха ММК был осужден на 10 лет. Через два года он умер в лагере. Залетнев Константин Кондратьевич, 1913 года рождения, также с этого курса и отделения получил 5 лет, а в 1942 г. срок в неволе продлили до 8 лет. Махнев Николай Яковлевич, 1904 года рождения, инструктор-штукатур ремстройцеха ММК, осужден на 8 лет. Столько же получил Казаков Ефим Григорьевич, 1905 года рождения. Лишены свободы были также с этого отделения Хазов К.И., Лейчук А.Н., Живайкин И.Г.⁴⁴³.

Все эти студенты в 1950-е гг. были реабилитированы. НКВД нужно было крупное дело и его оперативно создали. Мифическая контрреволюционная организация послужила в дальнейшем основанием для заведения дел против руководства института и отдельных неблагонадежных преподавателей.

Заведующего кафедрой технологии металлов МГМИ Сорокина в газете обвинили в борьбе со стахановским движением, а руководство института в непринятии мер к таким преподавателям. Кроме того, автор статьи отмечал, что для преподавания общественно-политических дисциплин институт принимают люди, недостаточно квалифицированные или просто путаники. Так, преподаватель экономической политики Прохорчик проявил незнание

марксистской методологии, говоря о возможности мирного перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую⁴⁴⁴.

1937 г. занимает особое место в истории МГМИ. Началась более интенсивная борьба с врагами народа. Газета «Магнитогорский рабочий» стала местом публикации материалов о недостатках и упущениях отдельных руководителей. Эта кампания проходила под видом ведения критики и самокритики, развернутой после пленума ЦК ВКП(б). Предстояло выявить вредителей, засевавших на руководящих постах. Благое дело по вскрытию недостатков, укреплению дисциплины и порядка превращалось в кампанию, под пресс которой могли попасть и невинные люди.

Газетные публикации служили основанием для репрессий как судебных, так и внесудебных органов. Позднее пришло понимание того, что произошел перебор. Началась чистка в правоохранительных органах, но расстрелянных людей уже невозможно было вернуть. Недостатков в работе всегда хватало, но применяемые наказания не были соразмерны содеянному. Нередко материалы досудебного разбирательства фальсифицировались, чтобы создать видимость плодотворной работы правоохранителей.

Проводимая репрессивная кампания коснулась и руководства института, прежде всего, его директора А.М. Упенек. Подготовка к снятию началась еще в 1936 г., когда появились критические статьи о профессоре И.И. Комиссарове, к которому не принимались меры воздействия.

В 1937 г. со страниц городской газеты «Магнитогорский рабочий» обрушился целый поток публикаций, направленных против директора института. Среди их авторов были и студенты, и преподаватели, и корреспонденты.

Существовали ли действительно указанные в статьях большие недостатки или этот вопрос специально муссировался в печати, чтобы избавиться от директора и его заместителя, трудно определить. Но нужно помнить, что это был 1937 г., когда под предлогом критики и самокритики немало людей было снято с работы и отправлено в лагерь или расстреляно.

1 апреля 1937 г. газета опубликовала письмо в редакцию девяти студентов-выпускников. Они писали, что дирекция института не подготовилась к первому выпуску. Исходя из учебного плана, в мае не успевали окончить теоретический курс, чтобы в октябре защитить дипломные работы. Авторы письма считали, что дирекция института (Упенек и зав. учебной частью Касперович) безобразно спланировали учебную нагрузку на 1936-1937 учебный

год. Отдельные дисциплины (техника безопасности, пожарное дело, организация труда,ковка и штамповка и др.) необходимо было пройти значительно раньше. Студенты просили раньше прочитать также курс прокатного дела, но не нашли поддержки у руководства.

Параллельно изучались такие серьезные курсы, как электротехника, компрессор и воздуходувка, металлургия печи. Окончив курс производства стали, литейное дело, ковку, только приступили к изучению курса производство чугуна. Этот курс читал заместитель директора института Касперович. Институт договорился с инженером Бурцевым о чтении лекций. Человек он знающий, автор популярного курса прокатки. Но Бурцев недобросовестно относился к своим обязанностям и срывал занятия. Более 60% учебного времени было отведено для чтения курса прокатки. Студенты предлагали инженера Бурцева освободить от работы на производстве, чтобы вычитать весь курс. Обращение по этому поводу к дирекции института результатов не дали.

Студенты просили дирекцию найти кандидатуры других преподавателей. Ведь сумели же получить опытного педагога из Ленинграда по производству стали. Но неповоротливая, ленивая дирекция ничего не сделала и не делает.

В МГМИ игнорировали самокритику и не прислушивались к голосу студентов. Дирекция МГМИ недовольна студентами 5 курса, считая их бузотерами. Парторганизация (парторг Овечкин) поддерживает Упенека и Касперовича.

Студенты писали, что «бездеятельность свою и неумение руководить столь серьезным учебным заведением тов. Упенек пытается поправить также грубыми окриками и такого рода авансами, что человек 5-10 не выпустит. Это решено. Это вместо того, чтобы оказать конкретную помощь отстающим товарищам-выпускникам»⁴⁴⁵.

Через десять дней вновь появляется статья в «Магнитогорском рабочем» под названием «В роли глушителя выступает партком». Автор статьи Е. Резник говорит о том, что в институте не обсуждались решения недавнего пленума ЦК партии, речь И. Сталина, посвященная критике и самокритике.

В своей стенгазете студенты рабфака требовали срочно созвать общепартийное собрание для обсуждения критики и самокритики. Однако секретарь парткома Овечкин и заместитель директора Касперович ждали приезда из Москвы директора Упенека и не проводили собрания, боясь критики в свой адрес.

За критическую заметку в стенгазете редактор получил от Касперовича выговор. За это Орджоникидзеvский райком партии поставил Касперовичу на вид, посчитав критику правильной.

На заседании парткома 8 апреля разбиралось письмо студентов 5 курса в газету «Магнитогорский рабочий». Касперович целый час пытался доказать, что статья неправильная. Члены парткома признавали, что статья правильная, но пытались прикрыть критику. Здесь тоже отсутствовала самокритика. В декабре 1936 г. в газете «Магнитогорский рабочий» появился фельетон о зажиме самокритики в институте. В парткоме посчитали, что заметка не соответствует действительности. Орджоникидзеvский райком ВКП(б) признал факт о зажиме в парткоме самокритики. Партком МГМИ решил, что ошибся райком.

В газете указывалось, что «политическое воспитание студентов остается самым слабым участком партийной работы. Самокритика зажата до такой степени, что общеинститутская газета больше месяца не выходит». Учебно-производственные планы в институте срываются, как и раньше. Многие решения парткома не проверяются и не выполняются. Орджоникидзеvский РК ВКП(б) не проверяет свое решение по институту⁴⁴⁶.

Под заголовком «Гнилое руководство металлургического института» в газете появилась статья преподавателя МГМИ Елькиной. Жесткий тон статьи передает атмосферу 1937 г. по поискам врагов народа. В ней говорилось, что директор Упенек творит грязные дела, окружив себя подхалимами вроде секретаря комсомольской организации Скакунова, председателя профсоюза Денисова, председателя месткома П.Д. Корж. Директор якобы подобрал группу своих людей, которые развалили работу в институте.

Завучем работал Касперович – вельможа, человек совершенно непригодный, который развалил всю учебно-методическую работу. Он постоянно срывал занятия в институте. Так, в первом семестре было 175 срывов. Поставлен под угрозой срыва выпуск студентов 5 курса.

Кафедры в институте возглавляли идеологически чуждые люди. Преподаватель Сорокин на лекциях давал антистахановские установки. Директор института не принимал к нему мер, дав возможность вычитать курс лекций. Он поручил этому преподавателю читать новый курс литейное дело. Только под давлением студентов 5 курса Сорокин с миром был отпущен.

О преподавателе Бушуеве студент Рябов говорил, что тот в 1930 г. был арестован как участник промпартии. Из его лекций студенты ничего не понимали и ничего не могли записать. Директор заявлял, что проверит этого преподавателя. Преподаватель проверялся месяц и только под напором общественности у того сняли ведение лекций, а чтобы не обижать, его отправили в отпуск.

Преподаватель Искаков был ранее выгнан из партии за организацию кулацкого колхоза. Его в 1934 г. освободили от работы на рабфаке за внедрение антагонизма среди нацмен, за организацию драки между студентами татарами и казахами. Однако он продолжал свою «деятельность».

Ряд преподавателей не обеспечивали качества занятий (Савакин, Евстафьев и др.). Студенты говорили: «Мы уже решили терпеть. Поднимай не поднимай вопросы, толку не будет». Успеваемость в институте была на низком уровне.

Рабфак возглавлял Косенко, который, по словам самого директора, «ни черта не сделал». Он грубо относился к студентам рабфака. Отказывался подписывать договор по соцсоревнованию, выражая недовольство соцсоревнованием. В 1936 г. руководство учебной частью рабфака поручили выгнанной из ФЗУ за бездеятельность и за подбор чуждых людей в качестве преподавателей Скорупе.

Директор института использовал бюрократические методы работы – в приказах объявлены выговоры студентам за непосещаемость, в том числе по болезни. Агенту по снабжению Темнику, выгнанному из КБО, доплачивали еще ставку полотора.

По ее мнению, преподаватели общественно-политических дисциплин находились в плохих условиях, не обеспечивалось необходимое качество лекций. Для лекций по политэкономии четыре группы студентов размещали в одной небольшой аудитории. Студенты сидели так тесно, что некуда было положить тетрадь для записи лекций.

Автора статьи (Елькину), преподавателя истории, дирекция в течение трех лет заставляла вести непосильную нагрузку в 190-200 часов в месяц. Поэтому она не могла качественно готовиться к занятиям. На просьбу о разгрузке директор отвечал: «Я считаю обществоведов попами. Им совсем не надо готовиться». В то же время директор через секретаря комсомольской организации организовал ее «проработку» в группах.

Преподавателям Косенко и Бакулину директор выносил благодарность за хорошую работу, несмотря на то, что Косенко сделал четыре прогула за первый семестр, а Бакулин рекомендовал студентам 4 курса троцкистскую литературу.

На указание коммунистов, что директор мало интересуется работой рабфака, он отвечал: «Я за работу на рабфаке денег не получаю, а получаю только «за институт». При таком «руководстве» студенты бегут с рабфака. За первое полугодие ушло 180 человек.

Директор не выполняет решения РК ВКП(б), заявляя: «Я не виноват, виноват троцкист Петровский» [Петровский – начальник ГУУЗа]. На вопрос, почему на собрании не был поставлен вопрос о раскрытии в институте контрреволюционной группы, Упенек говорил: «Я не придавал ей большого значения и считал, что по таким пустякам не стоит будоражить, поднимать на ноги общественность».

Ряду контрреволюционных выступлений, имевшихся в институте и рабфаке, не было дано соответствующего отпора. Замазывалось содержание этих выступлений, а преподавателям ставилось на вид «за нетактичное поведение», что притупляло классовую бдительность. Как писала Елькина, Упенек ведет институт к развалу. Чтобы уйти от ответственности он подал заявление в Главное управление учебных заведений, что с 1 июля уходит с работы. Директор заявил, что бросит институт вплоть до временной потери партбилета.

На партсобрании 14 апреля представитель райкома Шунников и представитель горкома Комирева уговаривали Упенека остаться на работе в институте и признать ошибочным его заявление. Автор предлагала райкому и горкому партии серьезно заняться металлургическим институтом⁴⁴⁷.

В следующем номере газеты «Магнитогорский рабочий» вышла статья Н. Карташова «Подозрительные «проповеди» Упенека». В ней анализировалось собрание в институте, проходившее три дня.

В докладе заместителя директора Касперовича были попытки сгладить острые углы. Не признавалась жесткая критика в адрес руководства института. Хотя, по мнению автора, дирекция потеряла бдительность, и в институте наблюдался упадок политико-воспитательной работы.

Сигналом к этому прозвучало выступление студентов-выпускников. Преподаватели Безденежных, Панченко разоблачили бюрократические методы руководства института, бездеятельность, политические ошибки.

После собрания с работы был снят Касперович, учитывая его «тяжелое моральное состояние», Упенек все вредительство свалил на начальника ГУУЗа Петровского, сняв с себя ответственность. Но Упенек задавали вопросы, почему он проводил в жизнь установки Петровского и слал ему приветственные телеграммы.

В заключительном слове директор заявил: «Здесь меня упрекают в том, что я ничего не сказал о разоблачении в стенах института контрреволюционной троцкистской группы. Мы действительно долго умалчивали об этом. Почему? Мы считали, что это

такая мелочь, такой пустяк, которым можно не занимать внимание студенчества».

Н. Карташов приводит другой пример. На уроке обществоведения на курсах по подготовке в институт, некий Усошин выступал с контрреволюционной клеветой на партию. Его разоблачили и потребовали привлечь к ответственности. Директор объявил в приказе Усошина врагом народа, троцкистом, классово чуждым элементом, и предлагал ему из своего выступления сделать соответствующие выводы и честной учебной загладить свои ошибки. Этот приказ вызвал недоумение студентов. Такое перевоспитание заставляет насторожиться. Как предлагал автор статьи, нужно выкорчевывать, а не вести дискуссии⁴⁴⁸.

В мае 1937 г. вновь выходит статья в газете «Магнитогорский рабочий» под заголовком «Что творится в горно-металлургическом институте». Профессор Ю.В. Гольдштейн обращался к предыдущим фактам, изложенным в газете.

Он полагал, что МГМИ являлся единственным втузом в Челябинской области и находился в стадии становления. В нем не имелось требуемого набора оборудования, которое в минимальное мере обеспечивало бы подготовку молодых кадров. В институте не было необходимого штата, зарекомендовавших себя профессоров и преподавателей. МГМИ не в полной мере использовал те высококвалифицированные и культурные силы инженеров, которыми располагал комбинат. Неудовлетворительно организован учебный процесс.

Руководство института не понимало серьезность задач, проявляя беспечность, благодушие. В организации самостоятельной работы студентам не оказывалась необходимая помощь. Совершенно не обеспечено политическое воспитание кадров.

Преподавание социально-экономических дисциплин ограничено тремя предметами: политэкономией, ленинизмом и диалектикой. На их преподавание отводится 220 часов на пять лет. Отсутствуют дисциплины по изучению экономики отдельных отраслей промышленности, которые имеются в других втузах. Поэтому невозможно за короткое время усвоить преподаваемый предмет и проработать первоисточники классиков марксизма-ленинизма и Сталина. Сокращение часов объяснялось политической неграмотностью руководства института.

Институту грозила опасность из-за ограниченности общежитий и почти полного провала на рабфаке, с которого сбежало большинство студентов. Руководство института проявляло бездушное отношение к бытовым условиям студентов (столовая, буфет).

Собрание коллектива института показало беспомощность дирекции, не признавшей своих ошибок. Директор свалил всю вину на бывшего начальника ГУУЗа троцкиста Петровского.

Партийная организация института не давала должного отпора всем извращениям в руководстве МГМИ. Запоздало в дела института вмешались горком и райком партии⁴⁴⁹.

На собрании партийной организации Орджоникидзевского района в докладе секретаря райкома партии Бермана также звучала критика в адрес руководства МГМИ. Но в заметке в газете «Магнитогорский рабочий» об этом собрании указывалось, что райком мало участвовал в разоблачении врагов народа в институте и покрывал директора Упенека⁴⁵⁰.

Как сообщалось в газете «Магнитогорский рабочий», отчетно-выборное комсомольское собрание в институте и на рабфаке прошло вяло. В прениях выступил всего один человек. Работу комитета комсомола первоначально признали удовлетворительной. Но редакционная комиссия в проекте решения отметила, что комитет совсем не занимался политическим воспитанием молодежи, не интересовался успеваемостью студентов, и оценка его деятельности была изменена на неудовлетворительную.

Признавалось, что комсомольская организация оторвана от проблем несоюзной молодежи. В комитете царят благодушие и беспечность. На днях были разоблачены и исключены из комсомола Коньков и Алимов. Комсомольцы проявляли самоуспокоенность, когда были разоблачены враги народа – троцкисты⁴⁵¹.

Борцы за критику и самокритику добились своего. В июне 1937 г. директор института Антон Михайлович Упенек был исключен из партии с формулировкой «за пособничество врагам народа» и уволен из института. Вспомнили о прошлом директора: в 1912-1914 гг. он придерживался анархистских взглядов, имел выговоры от партийных органов⁴⁵². В конечном счете, директора института А.М. Упенека сняли с работы, а через год расстреляли. Негативные оценки его деятельности в должности директора вкуче с другими обвинениями послужили доказательством враждебной, подрывной работы против государства. Таковы были времена.

Борьба с врагами народа охватила все сферы советского общества. Повсюду мерещились контрреволюционеры, пытавшиеся разрушить устои социализма. Не миновал большой террор и МГМИ.

Магнитогорский краевед И. Андреева нашла материалы о репрессированных магнитогорцах, среди которых оказался и директор института. Как она писала: «Исчезали навсегда люди, а вместе с ними и фамилии. Вот лишь некоторые из них: Альперович

Иосиф Борисович, заместитель начальника строительства ММК – расстрелян 5 ноября 1937 года, Берман Лев Захарович, секретарь ГК ВКП (б) – расстрелян 25 июля 1938 года, Валериус Константин Дмитриевич, управляющий трестом Магнитострой – расстрелян 21 июля 1938 года, Гапанович Леонид Селиверстович, председатель горсовета, – расстрелян 29 ноября 1937 года, Голубицкий Федор Иванович, начальник обжимного цеха ММК, – расстрелян 29 июля 1938 года, Мейман Клаус, архитектор заводууправления, – расстрелян 9 мая 1938 года, Метельский Леонтий Львович, начальник ЖДТ, – расстрелян 7 августа 1938 года, Рудницкий Лев Германович, первый секретарь ГК ВЛКСМ, – расстрелян 7 января 1938 года, Хитаров Рафаэль Мосесович, секретарь ГК ВКП(б), – расстрелян в конце 1937 года, Чаромская Полина Львовна, зав. отделом ГК ВКП(б), – расстреляна 6 ноября 1937 года, Упенек Антон Михайлович, директор МГМИ, – расстрелян 30 сентября 1938 года, Пассовский Борис Иосифович, начальник смолоперегонного завода, – расстрелян 5 ноября 1938 года... Это лишь единицы из магнитогорцев, расстрелянных в те годы»⁴⁵³.

В мае 1938 г. выходит новая статья в газете «Магнитогорский рабочий». Заголовок «Горно-металлургическому институту нужна помощь» говорил сам за себя. Теперь акцент был сделан на оказание помощи институту после вредительской деятельности врагов народа.

Рассмотрение проблемы, поднятой газетой на студенческих собраниях, в профсоюзной, комсомольской и партийной организациях, выявили еще ряд фактов, которые говорили о ненормальной работе института.

Как отмечалось в газете, орудовавшие в Главном управлении учебными заведениями НКТП и в самом институте враги народа, немало постарались, чтобы сорвать дело подготовки технических кадров в Магнитогорске.

Прежде всего, вредители выбрали для этого учебного заведения самое неудобное место: у подножия горы Магнитной – в стороне от шоссе и трамвайной линии, вдали от центра города. Из-за непосредственной близости к рудным разработкам в институте нельзя было поставить точных измерений и опытов, так как мешали взрывные работы, ведущиеся на Горе. Здание было совершенно не приспособлено для высшего учебного заведения, в нем отсутствовали водопровод и канализация, не хватало достаточного количества аудиторий.

Институт почти не имел лабораторий, если не считать лабораторий по физике и химии. Отсутствовали также необходимые приборы, аппараты, оборудование. Все это отрицательно сказывалося

валось на качестве преподавания. В институте работало всего 8 штатных работников, не было заместителя директора по научно-учебной части. Директор Безденежных одновременно являлся заведующим кафедрой металлургии стали, заместителем директора по научно-учебной части и директором рабфака. Кроме того, он вел преподавательскую работу. Вследствие этого учебный процесс был не организован, отсутствовала всякая методическая помощь преподавателям и контроль за их работой со стороны администрации.

Вечернее отделение не имело новых учебных планов и программ. ГУУЗ предлагало руководствоваться старыми, совершенно не пригодными документами, составленными вредителями. Об этом преподаватели, студенты и обслуживающий персонал писали наркому тяжелой промышленности Л.М. Кагановичу. Они указали, что, несмотря на все происки врагов народа, институт в текущем учебном году подготовил и выпустил 23 молодых инженера, из которых часть уже занимала ответственные командные посты и успешно справлялась с работой.

Однако руководство института все же недостаточно боролось с последствиями вредительства. Доказательством этого служило письмо студентов 5 курса Шалагинова, Руденко и др. Они писали: «На 5 курсе до сих пор нет твердого расписания занятий. Лекции по некоторым предметам, например, по термической обработке, периодически срываются. Курс «Ковка и штамповка» не дочитан до конца и снят с учебного плана. Не читается также спецкурс для мартеновцев, хотя курсовой проект уже выдан. Консультации по курсовому проекту поставлены, но консультаций нет. Бурылев является к нам тогда, когда ему вздумается. Качество консультаций плохое. Дирекция института на это не обращает внимания.

Как отмечено в газете, к работе в институте не привлечены магнитогорские специалисты, во внутренней жизни института еще не наведен порядок. Не использовалась должным образом производственная база института⁴⁵⁴.

Вновь звучала критика в адрес руководства института. Смена администрации МГМИ не привела к положительным переменам. Обвинения касались материально-технического оснащения, как будто руководители института и ГУУЗ специально стремились ухудшить условия обучения. Прежние недостатки в организации учебного процесса проявлялись и при новой дирекции.

Врагов народа находили и среди студентов. В приказе директора института в октябре 1937 г. за скрытие от дирекции и общественных организаций института тесной связи с врагами народа

из МГМИ исключили студентку 5 курса металлургического отделения Л. Калиниченко и студента 4 курса этого же отделения А. Лейчук⁴⁵⁵.

К ранее арестованным добавились новые студенты. Среди осужденных были студенты-вечерники: Бабич Иван Кирилович, 1905 года рождения, начальник энергостроя треста «Магнитострой»; Белякевич Пантелеймон Терентьевич, 1909 года рождения, работник прокатного цеха; Глейзер Мордух Гдалиевич, 1907 года рождения, заместитель заведующего отделом кадров горкома партии; Коппа Петр Федорович, 1905 года рождения, мастер доменного цеха №1 ММК; Тетельбаум Израиль Натанович, 1912 года рождения, старший фабрикатор заготовочного цеха ММК; Куклин Игорь Андреевич, 1919 года рождения, студент дневного отделения и другие⁴⁵⁶. К марту 1938 г. органами НКВД было арестовано 24 студента дневного и вечернего отделений, три штатных преподавателя и пять совместителей⁴⁵⁷.

Помимо студентов, во вражеской деятельности обвинили и преподавателей. По данным доцента кафедры истории и социологии МГТУ Г.А. Ворониной, кроме директора А.М. Упенека, среди репрессированных оказался преподаватель математики МГМИ Михаил Степанович Косенко, 1902 года рождения. Его обвинили в принадлежности к антисоветской организации, за что он получил наказание 5 лет лагерей. После отбытия наказания работал в совхозе, был мобилизован в так называемую трудовую армию. Это была принудительная трудовая повинность населения, призываемого в организованные по военному образцу трудовые организации. Затем он работал в Агаповском районе и в Магнитогорске. Реабилитирован в 1958 г. Как сообщалось ранее, из МГМИ была уволена его жена Виленская Рахиль Григорьевна, преподаватель физики, за сокрытие троцкистского прошлого.

Преподаватель литературы Александр Федорович Бакулин, 1901 года рождения, был осужден на 10 лет за проведение антисоветской агитации. Реабилитирован в 1957 г.

8 лет лишения свободы постановлением Особого совещания при НКВД дали Любви Алексеевне Скорупе, 1907 года рождения, заведующей учебной частью рабфака. Была реабилитирована в 1956 г.

К высшей мере наказания постановлением Тройки НКВД приговорили преподавателя русского и немецкого языка Франца Ивановича Фишера, 1904 года рождения, который был реабилитирован в 1959 г. Такое же наказание получили: преподаватель английского языка Альберт Исаакович Бонами, 1882 года рождения, реабилитированный в 1957 г. и Яков Дмитриевич Петкау, 1910 года

рождения, преподаватель немецкого языка. Обвинение было однопипным – антисоветская агитация.

Кроме того, к высшей мере наказания был приговорен Василий Августович Коньков, 1914 года рождения, техник-конструктор МГМИ за шпионаж и принадлежность к антисоветской организации.

Среди осужденных оказался и технический руководитель ОКС ММК, преподаватель-почасовик Алексей Федорович Банин, 1900 года рождения. В 1950-е гг. все они были реабилитированы.

Газетные публикации показывают, с какими проблемами приходилось сталкиваться руководителям, преподавателям и студентам института. Перед началом 1937-38 учебного года директора А.М. Упенека освободили от должности, но проблемы остались. Дефицит преподавателей, неудовлетворительное распределение курсов и расписания и тому подобные недостатки снижали качество обучения в МГМИ, и вызывали негативную реакцию студентов и не только их.

Следует сказать, что газета выходила тиражом 29 тысяч экземпляров и особенно в 1937-1938 гг. имела большое значение в подготовке негативных материалов для органов НКВД. Органам внутренних дел достаточно было критической заметки, чтобы раскрутить дело с мифическими врагами-антисоветчиками. Подозрительность, бдительность стали определяющими в то время. Донести на кого-либо, свести счеты с кем-то, написав донос, а еще лучше в городскую газету стало нормой, делом чести. Таких активистов хвалили. Что происходило с арестованными, мало кого интересовало. Главное нужно было опередить других в разоблачении контрреволюционеров. Как преподавателю, так и студенту предстояло следить за каждым произнесенным словом. Страх перед наказанием создавал обстановку нервозности, недоверия друг к другу. В таких непростых условиях приходилось работать и учиться во второй половине 1930-х гг.

По-прежнему жесткий спрос был за непосещение политических мероприятий. Руководство строго спрашивало с тех студентов, которые пропускали политические занятия. Уход с уроков Конститутции студентов вечернего отделения рабфака дирекция института посчитала как игнорирование этого предмета, и объявила строгий выговор с предупреждением⁴⁵⁸.

Слишком бурная деятельность общественных формирований стала все же пресекаться, поскольку активистам интереснее стало проводить свои мероприятия во время занятий. В приказе директора отмечалось, что «за последнее время участились случаи срывов работы в институте за счет проведения общественной

работы месткомом и другими общественными организациями, благодаря чему нарушался нормальный учебно-производственный процесс в отдельных звеньях института». Директор института Безденежных категорически запрещал проведение каких-то ни было собраний, заседаний общественных организаций в рабочее время⁴⁵⁹.

В общественной жизни в институте продолжали много внимания уделять соцсоревнованию. В 1930-е гг. социалистическим соревнованием были охвачены все учреждения и предприятия. В 1938 г. МГМИ заключил договор о соцсоревновании с учительским институтом. Но не все пункты его выполнялись. Особенно по работе в общежитиях⁴⁶⁰. Хотя по значимости МГМИ был во всех видах деятельности мощнее, но в соревновании проигрывал учительскому институту. Поэтому приходилось разрабатывать мероприятия по устранению недостатков в организации соцсоревнования.

Для 1930-х гг. стали обязательными постоянные митинги и демонстрации в поддержку решений партии и правительства. Один из таких многоярусных митингов преподавательского состава и студентов, посвященный обсуждению речи Сталина о науке и высшей школе, состоялся в МГМИ 20 мая 1938 г. Секретарь партбюро Ионов говорил о великом значении этой речи. И.о. директора института Ткаченко зачитал речь Сталина (она состояла всего из четырех абзацев). Также от преподавателей выступил А.А. Безденежных и от студентов – Денисов⁴⁶¹.

По поручению митинга было зачитано обращение. Некоторые слова из него: «Воодушевленные заботой, которой окружают партия, правительство и лично товарищ Сталин советскую науку, советскую высшую школу, мы берем на себя обязательство успешно закончить учебный год, учиться только на «отлично» и «хорошо»⁴⁶². По-разному можно относиться к соревнованию, принимаемым обязательствам. Где-то присутствовал формализм, но взятие обязательств все же положительно влияло на итоги деятельности коллектива. Их требовалось выполнять, и спрос за невыполнение был серьезный.

Общественные организации так же, как и администрация несли ответственность за дела в институте. Даже в организации учебной работы вина падала на руководителей общественных организаций. Выступая на расширенном заседании Ученого совета МГМИ, студент-первокурсник вечернего отделения Кандыба полагал, что профорг и парторг не руководят работой вечерников. В этой работе отсутствуют плановость, нет графика домашних заданий⁴⁶³.

После выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» Всесоюзный Комитет по делам высшей школы разработал новый порядок преподавания марксизма-ленинизма в высшей школе. Со второй половины 1938-39 учебного года взамен самостоятельных курсов различных социально-экономических дисциплин вводился единый курс «Основы марксизма-ленинизма». На первом этапе курса изучались главы «Краткого курса истории ВКП(б)» с усвоением первоисточников произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Кроме того, вводился государственный экзамен «Основы марксизма-ленинизма». Преподавание политической экономии проводилось после изучения истории партии, а преподавание диалектического и исторического материализма – после политэкономии. Создавались единые кафедры основ марксизма-ленинизма⁴⁶⁴.

Об особом значении политической работы среди студенчества говорилось и в методическом письме ГУУЗ НКЧМ (июль 1939 г.) «О постановке преподавания марксизма-ленинизма во вузах НКЧМ». В нем подчеркивалось, что «марксистско-ленинская-сталинская подготовка кадров студенчества и научных специалистов приобретают первостепеннейшее значение и являются первоочередной задачей высшего учебного заведения. По выполнению этой задачи будет оцениваться работа того или иного учебного заведения».

Всех членов кафедр основ марксизма-ленинизма обязывали включиться немедленно в научно-исследовательскую работу, разработать план сдачи кандидатского минимума и защиты диссертации и представить этот план в ГУУЗ не позднее 1 октября. Письмо ГУУЗ предусматривало, что отсутствие законченного высшего образования, несдача кандидатского экзамена и отсутствие работы над диссертацией поставят вопрос о невозможности использования данного товарища на преподавательской работе в высшем учебном заведении⁴⁶⁵.

Технический вуз должен был уделять большое внимание преподаванию марксистско-ленинской теории. В условиях усиления классовой борьбы будущий инженер должен был противостоять вражеской пропаганде. Это методическое письмо во многом касалось кафедры основ марксизма-ленинизма МГМИ, где отсутствовали кандидаты наук.

Преподаватели и студенты принимали самое активное участие во всех общественно-политических мероприятиях города и вуза: собирали металлолом, проводили субботники в цехах ММК, участвовали в озеленении города, вели шефскую работу⁴⁶⁶. Студенты МГМИ привлекались к переписи населения в 1939 г. К примеру, одним из переписчиков был Иван Пахомович Черняков, 1906

года рождения, из крестьян, беспартийный. Он принимал участие в переписи скота в 1929 г., переписи населения в 1937 г., являлся агитатором во время выборов в Верховный Совет СССР⁴⁶⁷.

Без обществоведческих кафедр и активистов не обходилось ни одно значимое мероприятие в городе. Студенты-активисты привлекались к агитационной работе накануне важных политических событий. Так, около 30 агитаторов – студентов горно-металлургического института, занимались подготовкой к выборам в Верховный Совет РСФСР⁴⁶⁸.

Во время выборов в местные советы депутатов трудящихся 12 научных работников института работало на избирательных участках. Кафедра основ марксизма-ленинизма подготовила доклад для избирателей «Что представляют из себя Западная Украина и Западная Белоруссия»⁴⁶⁹.

В помощь избирательным участкам преподаватели и студенты провели четыре доклада. Всего же на участке организовали 57 бесед, из них 46 по изучению положения о выборах с охватом 440 человек. Перед избирателями четыре раза выступила и художественная самодеятельность института. Особо отличились старший агитатор Боровик, а также Эсман и Колмакова⁴⁷⁰.

Лучшие студенты и преподаватели становились кандидатами в депутаты, а затем и депутатами. Это свидетельствовало о престиже МГМИ в городе. Руководителей института стали избирать в выборные партийные органы. В июне 1938 г. директором института А.А. Безденежных избрали в члены горкома ВКП(б)⁴⁷¹.

В 1939 г. кандидатами в депутаты Орджоникидзево района от МГМИ были выдвинуты: Крюкова Галина Ивановна, преподаватель рабфака; Гафаров Саид, студент 2 курса, комсомолец; Битков Василий Петрович, студент 2 курса, комсомолец; Грибков Александр Николаевич, студент 2 курса, комсомолец; Перелазный Иван Леонтьевич, заведующий кафедрой⁴⁷².

В конце 1939 г. состоялись выборы в Магнитогорский городской совет депутатов трудящихся. Депутатами горсовета были избраны П.В. Журавлев и А.Б. Баян⁴⁷³. Избранные депутаты с полной ответственностью относились к порученному важному направлению общественной работы. За время выполнения ими депутатских полномочий не поступало нареканий, а лишь благодарности за реальные дела.

Общественная жизнь протекала и в общежитиях. Здесь выпускалась стенгазета, действовал совет⁴⁷⁴. Однако часто и студенты, и преподаватели критически оценивали деятельность администрации и общественных организаций в этих учреждениях. Здесь

проживало немало студентов, которые нуждались в каждодневном внимании и заботе.

Кто же возглавлял общественные организации в институте? В заметке в газете «Магнитогорский рабочий» рассказывалось о студенте горно-металлургического института Алексее Волкове. В Магнитогорск он приехал без всякой квалификации и стал работать плотником, затем в каменоломне. Проходя службу в Красной Армии, получил благодарность от командования. Как отличник боевой и политической подготовки, остался при школе командиром. За все эти годы у него выработались замечательные черты характера: никогда не довольствоваться малыми успехами, не бояться трудностей. Чем труднее препятствие, тем отрадней победа.

Все это пригодилось при учебе в институте. Директор института говорил о нем как о лучшем общественнике, отличнике учебы. Сложнейшие задачи высшей математики и трудные химические формулы он разрешал с таким же упорством, как некогда в армии – вопросы тактики и стратегии. Уже на втором курсе у Волкова большинство оценок было «хорошо» и «отлично». На вопрос о методах своей работы он отвечал: «Метод мой прост – если взялся за какую-нибудь тему, сначала пойми ее глубоко».

За упорную волю и любовь к труду, за спокойную организованность полюбили его студенты и избрали своим профоргом. Третий год работал Волков профоргом. Большую ответственную работу вел во время выборов в советы. В любом общественно-политическом мероприятии его можно было видеть одним из передовых участников. Недаром А. Волкова выдвинули на сталинскую стипендию⁴⁷⁵.

Таким образом, в 1930-е гг. высшие учебные заведения становились центрами политического воспитания молодежи. Советский инженер должен был политически грамотным, способным бороться с буржуазной идеологией. Обязательным элементом коммунистического воспитания являлось выполнение общественных поручений. Репрессии 1937-1938 гг. непосредственно коснулись администрации института, отдельных преподавателей и студентов.

Проводимые в институте культурно-массовая и спортивная работа предполагали не только развлекательные мероприятия, а прежде всего, культурное и физическое совершенствование как студентов, так и преподавателей. Всестороннее развитие личности будущего инженера, воспитание патриотизма, любви к Родине стало главным во внеучебной деятельности.

С начала работы института возникали идеи открытия в МГМИ университета культуры, школы танцев, чтобы студенты могли культурно развиваться⁴⁷⁶.

С первых дней учебы студенты могли раскрыть свои таланты в кружках художественной самодеятельности как в институте, так и в городе. Поэтому они являлись не только слушателями на ежегодно проводимых студенческих мероприятиях. Студенты МГМИ принимали активное участие в впервые организованном общегородском дне студента в октябре 1934 г. в помещении школы ФЗД соцгорода. Для них организовали большой праздничный вечер, в котором была задействована и студенческая самодеятельность⁴⁷⁷.

Что важно, коллектив института не замыкался только в своих стенах, но и взаимодействовал с горожанами. Преподаватели института стали популяризаторами научных знаний среди населения города. В феврале 1935 г. в Доме ИТР прошла лекция заведующего кафедрой физики П.Д. Коржа «Жизнь звезд и планет»⁴⁷⁸. В следующем месяце перед горожанами выступил заведующий кафедрой химии Н.Н. Лапин с лекцией «Периодическая система Менделеева в свете электронной теории»⁴⁷⁹.

Студенты института стремились быть первыми и в спорте. В июле 1935 г. на городской летней спартакиаде студент МГМИ Федоров занял первое место в беге на 100 метров с результатом 11,8 сек.⁴⁸⁰

В те годы не было ни телевидения, ни Интернета. Поэтому молодежь увлекалась радиолюбительством, занималась в радиокружках. Кстати, первый телевизор сконструировал в Магнитогорске в 1936 г. радиолюбитель Гостев. Часть деталей он сделал самостоятельно на дому. Изображение принималось из радиостудии ВЦСПС⁴⁸¹. Это было сделано задолго до 1960-х гг., когда телевидение начинает массово развиваться в СССР.

Культурно-массовые мероприятия тогда ограничивались в летнее время тематическими праздниками в левобережном парке металлургов, поскольку на правом берегу еще не началось массовое строительство. 1 июля 1936 г. в парке металлургов вечером состоялся общегородской студенческий праздник. Он начался с доклада заместителя секретаря окружного комитета комсомола Крутогина об итогах учебного года. Лучшие студенты были премированы. Артисты Челябинского ТЮЗа показали комедию А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся». Затем прошли массовые гуляния – игры, танцы, аттракционы⁴⁸². В этом студенческом мероприятии активное участие приняли и студенты МГМИ. В рабочем городе мест для развлечений молодежи имелось немного, поэтому такие праздники запоминались надолго.

Свободное время студентов отводилось не для бесцельного отдыха, но для занятий в спортивных, всякого рода оборонных кружках, таких как подготовка к летной деятельности, сдачи нормативов по противохимической обороне и др.⁴⁸³

Студенты института радовали своими спортивными достижениями. Волкова Тая из МГМИ заняла 3 место в эстафете на приз газеты «Магнитогорский рабочий»⁴⁸⁴.

На личных городских соревнованиях по штанге в апреле 1937 г. в легком весе первое место завоевал студент МГМИ Махалак. Он показал лучший результат, давший наибольшую сумму в подъеме веса среди всех участников соревнования⁴⁸⁵.

Для организации полноценной физкультурной работы требовался спортивный инвентарь и энтузиасты, способные вести работу среди молодежи. Из отчета Магнитогорского комитета по делам физической культуры на президиуме горсовета в 1937 г. можно узнать о состоянии спортивной работы в институте. Обеспеченность спортивным инвентарем была невелика. В МГМИ имелось всего 40 лыж, столько же коньков с ботинками. Состав физкультурников насчитывал 91 человека. В секцию легкой атлетики входило 38 человек, футбола – 15, волейбола и баскетбола – 54, тенниса – 6, шахмат и шашек – 60, тяжелой атлетики – 15, гимнастики – 35 человек⁴⁸⁶. Отчет показывает насколько скуден был инвентарь, но желающих заниматься спортом имелось немало.

Дирекция института поощряла студентов за внеучебную деятельность. Так, учащегося Т.Н. Кусенбаева, сумевшего сочетать хорошую учебу на рабфаке с отличной учебой в летной школе Магнитогорского аэроклуба Осоавиахима, и окончившего летную школу на «отлично», премировала 100 рублями⁴⁸⁷.

В институте жизнь текла своим чередом. Коллектив был небольшой, что давало возможность тесного контакта преподавателей (тогда молодых) со студентами. Совместно проводились праздничные вечера, на которых выступали и преподаватели, и сотрудники, и студенты. В институте была комната отдыха для преподавателей, в которой стояло пианино, имелись шашки, шахматы, газеты. В перерывах преподаватели, встречаясь там, обменивались новостями, впечатлениями. Это также сплачивало коллектив⁴⁸⁸.

Студенты привлекались к кружковой работе. В 1938 г. драматический кружок института поставил пьесы: «Год 19-й», «Под дикой яблоней», «Как закалялась сталь».

В мае 1938 г. первая команда МГМИ победила в 5-й традиционной эстафете газеты «Магнитогорский рабочий». Второе ме-

сто получил индустриальный техникум, а третье – вторая команда МГМИ. Во второй группе победили студенты 3 курса института⁴⁸⁹.

А.Б. Баян, заведующий учебной частью рабфака, А.В. Лапина, сотрудник института вспоминали о событиях конца 1930-х гг.: «Учились, «с головой» уходили в общественную жизнь, приобретали практический опыт организаторов и руководителей. Учились в непригодном небольшом здании, где самым большим помещением был спортивный зал. Здесь и проводили большие и малые общественные мероприятия»⁴⁹⁰.

Н.Ф. Протасов, один из первых выпускников МГМИ, так говорил о том времени: «От этой поры у меня остались самые яркие впечатления! Вот сейчас я хожу по институту и вижу совершенно других студентов. Они и одеты получше, и разница в возрасте небольшая. А в те годы учиться хотели все, и поэтому рядом с молодым парнишкой можно было увидеть товарища с бородой. Очень любил я спорт. Занимался боксом, лыжами, плаванием. Одно время был чемпионом института по лыжам. Хочется сказать, что спорт потом мне здорово помогал, не раз благодаря ему я сохранял жизнь на войне; на работе»⁴⁹¹. Сказанные слова еще раз подчеркивают важность внеучебной работы. Она оставила неизгладимый след и пригодилась в будущей жизни студентов.

Профсоюзный комитет заботился о полноценном отдыхе молодежи. Летом большинство студентов ездило отдыхать домой, в другие города, некоторые были на курортах, принимали участие в походах. Например, студент Кисельников побывал в альпинистском походе. Он был командиром этого похода. В нем участвовало семь студентов института, в том числе две девушки. Участники похода хорошо ознакомились с окрестностями Алма-Аты, осмотрели ущелье Талгар, восходили на пик «Динамовец».

Другая группа студентов организовала пеший поход по маршруту Манитогорск-Белорецк-Миасс. В дороге они любовались живописной природой Урала. Поход длился 20 дней, но все участники чувствовали себя бодро и хорошо⁴⁹².

Накануне Отечественной войны обстановка в мире была напряженной. В 1939 г. началась Вторая мировая война. Фашизм демонстрировал решимость завоевать весь мир и поработить все неарийские народы. Поэтому в вузах первостепенное внимание уделялось оборонно-спортивной работе. Почетно было иметь спортивные и оборонные значки за выполненные нормативы.

К августу 1939 г. в институте имелось 157 значкистов ВС (вооруженный стрелок) 1-й ступени, 9 значкистов ВС 2-й ступени, 193 значкиста ПВХО (противовоздушной и химической обороны) 1-й ступени и один – 2-й ступени. Тогда было подготовлено десять

пулеметчиков. Получили значки ГТО (готов к труду и обороне) 1-й степени 144 студента и 2-й степени – шесть человек, значок ГСО (готов к санитарной обороне) – 45 студентов. За хорошую работу спортобщества физкультурники МГМИ удостоились 18 грамот, двух переходящих знамен. Центральный Совет физкультуры премировал коллектив института. По постановке физкультурной работы институт занял первое место в городе⁴⁹³. В городском военизированном лыжном походе институт завоевал также первое место⁴⁹⁴.

В институте были такие замечательные студенты, что даже после их скоропостижной смерти публиковали некролог в городской газете. Студент Леонид Валентинович Сафронов умер в апреле 1939 г. Поступив в МГМИ после рабфака, он стал душой коллектива студентов, организатором его досуга. Чуткий товарищ, замечательный организатор, скромный – таким его знали в институте, хотя он был серьезно болен. Леонид вел комсомольскую работу, был принят кандидатом в члены партии⁴⁹⁵. На таких студентов равнялись. Они вели за собой других.

В исследовании раскрыта лишь часть культурно-массовых и спортивных мероприятий, проводимых в институте. Их было значительно больше. При желании молодежь могла найти приложение своему таланту в стенах вуза. Достижения в спорте показывали неограниченные возможности студенчества к физическому самосовершенствованию. Накануне войны акцент был сделан на культивирование оборонных видов спорта, которые могли пригодиться на полях сражений.

За счет таких энтузиастов как И.Н. Заморуева в институте значительных успехов добилась художественная самодеятельность. Лекционно-просветительская деятельность, хотя и носила порой партийно-политическую, идеологическую направленность, но все же сыграла свою положительную роль в просвещении магнитогорцев по различным направлениям достижений и истории развития культуры, науки и техники.

Внеучебная повседневность преподавателей и студентов МГМИ носила ярко выраженную политическую окраску. Определяющей тенденцией в 1930-е гг. являлось стремление партийной и комсомольской организации института совместно с кафедрой основ марксизма-ленинизма улучшить политическое образование и воспитание молодежи. Коммунистическое воспитание студентов стало обязательным элементом высшей школы.

Репрессии второй половины 1930-х гг. нанесли урон коллективу института. Поиски врагов народа привели к необоснованным

обвинениям в антисоветской деятельности ряда преподавателей и студентов института.

Работники института и студенческая молодежь откликались на выполнение любых общественных поручений, в том числе и городских. Своими хорошими делами они заслужили уважение и доверие горожан.

В те годы отчетливо прослеживалась тенденция подчинить тематику как политических, так и культурно-массовых мероприятий одной цели – воспитанию у будущих инженеров преданности делу коммунистической партии, патриотизма. Особенно патриотическое воспитание усилилось накануне Отечественной войны. Физкультурно-спортивные состязания готовили из студентов защитников Родины.

4.2. Социально-бытовые условия

Хорошо решаемые социально-бытовые вопросы являются важной составляющей нормальной жизнедеятельности коллектива. Обеспеченность хорошим жильем, высокая реальная заработная плата, стипендии сказывались на отдаче работников, их активности в учебно-научной деятельности. Призывы хорошо трудиться и учиться должны были подкрепляться заботой о каждом преподавателе и студенте. Хотя это было трудно осуществить в 1930-е гг., поскольку многое зависело от центральных органов, но руководство института в силу своих возможностей стремилось решать и данную задачу.

В 1934 г. среднегодовое число стипендиатов в МГМИ доходило до 36,3%⁴⁹⁶. Примечательно, что помимо обычной стипендии для лучших ударников-студентов в 1934 г. горсовет установил три стипендии. Первая стипендия составляла 150 рублей, вторая – 175 рублей, третья – 200 рублей. Кандидатуры определял председатель городского общества помощи пролетарскому студенчеству (пролетстуда)⁴⁹⁷. Например, стипендию в 175 рублей получил студент металлургического рабфака Абдрахманов. Эта стипендия выплачивалась в течение учебного года⁴⁹⁸. Так, студенты МГМИ поощрялись за высокие достижения в учебной и общественной деятельности.

Тот, кто хорошо учился, мог получить еще дополнительные льготы. На основании решения секретариата горкома ВКП(б) от 1 января 1934 г. в феврале того года постановлением президиума Магнитогорского горсовета студентам-стипендиатам предоставлялись льготы. 100 студентов горно-металлургического рабфака по-

лучили 30% скидку стоимости одного билета от одного до трех раз в месяц при коллективном посещении кино, цирка и театра рабочей молодежи (ТРАМ)⁴⁹⁹. Решением горисполкома с октября 1934 г. для студентов вводились льготные билеты во все зрелищные учреждения города⁵⁰⁰.

Льготы можно было получить не только на зрелищные мероприятия. На президиуме Магнитогорского горсовета в октябре 1934 г. рассматривался вопрос об улучшении условий жизни студенчества. Горснабу поручалось выдавать студентам продуктовые карточки первой категории и выделять для снабжения студентов не менее 5% поступающих в Магнитогорск промтоваров – обуви и одежды. Трест «Нарпит» обязали улучшить питание студентов по льготным ценам с таким расчетом, чтобы суточное питание обходилось студенчеству не дороже 1 рубля 10 копеек⁵⁰¹. Льготное питание стало существенной поддержкой учащейся молодежи.

В столовой № 41 на Щитовых студенты МГМИ и рабфака получали льготное питание⁵⁰². Однако, как показали проведенные проверки, в прикрепленной столовой питание проходило неудовлетворительно⁵⁰³. С помощью депутатов и активистов удавалось решать и эту важную проблему.

Что же могли приобрести из продуктов питания преподаватели и студенты? В 1934 г. еще существовала карточная система в обеспечении продуктами питания и ордера на промтовары. На карточку на одного человека в месяц полагалось 500 г масла. Сахара – от 800 г до 1 кг в зависимости от места работы при стоимости рафинада 2 рубля 50 копеек и сахара-песка 2 рубля. Для иждивенцев и детей положено было 400 г сахара. Сельди выдавалось от 500 г до 1 кг, а другой рыбы – от 750 г до 1,5 кг. Байхового чая полагалось 25 г. Максимальная выдача мяса составляла 1 кг только на рабочего⁵⁰⁴.

Без карточек продавались зелень, овощи, варенье и пр. Так, варенье стоило 5 рублей 75 копеек за кг, дыня – 1 рубль 55 копеек за кг⁵⁰⁵. Цены на ранние овощи, установленные Горснабом в первой половине мая 1934 г., составляли за 1 кг: огурцы 7 рублей 10 копеек, лук-перо – 2 рубля 59 копеек, лук-бутон – 1 рубль 33 копейки, свекла – 2 рубля 33 копейки, салат-шпинат – 3 рубля 35 копеек, укроп – 4 рубля 33 копейки, редис – 5 рублей 35 копеек⁵⁰⁶. В сентябре 1934 г. килограмм свежей капусты стоил 18 копеек, квашеной капусты – 36 копеек, свежих огурцов – 25 копеек, соленых огурцов – 47 копеек, свежих помидор – 58 копеек, зеленых помидор – 20 копеек, свеклы – 17 копеек, репы, брюквы – 16 копеек⁵⁰⁷.

Конфеты были дефицитным товаром. Ордера на них распределялись только среди ударников производства⁵⁰⁸.

Безусловно, карточная система ограничивала возможности нормального питания. Но в подобных условиях находились не только студенты, но и все население. Работники ведущих специальностей на производстве имели больше возможностей для питания, но тяжелый физический труд должен был оплачиваться выше и во время действия карточной системы получать преимущества. Приобретение отдельных видов продуктов по коммерческим ценам вне распределительной системы не всем было по карману, в том числе преподавателям и студентам МГМИ.

В связи с отменой карточной системы и установлением высоких единых розничных цен по постановлению СНК СССР от 5 декабря 1934 г. в цехах ММК рабочие стали получать доплату. Так, работники горяче-вредных цехов, получавшие по карточке 1 кг хлеба, теперь доплачивали в 23 рубля 70 копеек ежемесячно, прочим работникам (получавшим до 800 г хлеба) – 22 рубля, а всем остальным служащим – 13 рублей 20 копеек⁵⁰⁹. Доплату получали и в МГМИ.

Студенты, обучавшиеся в МГМИ, получали и такого рода помощь. По договоренности администрации рабфака института с отделом кадров заводоуправления металлургического комбината, за студентами, перешедшими на дневное обучение, сохранялись квартиры, которые они получили как рабочие завода. Эти студенты по заборочным документам – продовольственным карточкам получали питание⁵¹⁰. Такой порядок был очень важен для тех, кто учился на рабфаке. Они теперь не боялись, что потеряют жилье. Не лишними были и карточки на питание.

Для обучавшихся на дневном отделении, важно было иметь крышу над головой. Проживание в общежитии позволяло не заботиться о жилье, а больше думать об учебе. Администрация института и властные городские структуры стремилась создать нормальные условия для студентов, проживавших в общежитии. 11 марта 1934 г. в постановлении Магнитогорского горкома ВКП(б) «О материально-бытовом положении студентов Металлургического института, рабфака и техникума» предлагалось перевести студентов нацмен рабфака в общежитие на Щитовом городке, обеспечив постельными принадлежностями⁵¹¹.

По одним данным, 120 рабфаковцев проживало в общежитии⁵¹². По другим сведениям, рабфаковцы имели общежитие на 112 человек, оснащенное старой мебелью. Общежитие находилось в 2,5 км от учебного заведения. В нем имелись красный уголок, актовый и физкультурный залы.

Как отмечали проверяющие, морально-политическое состояние, особенно нацмен, нельзя было назвать хорошим. Рабфа-

ковцы получали небольшую стипендию, поэтому часто обращались за помощью в городские организации. Помощь оказывали лишь тем, кто остро нуждался и имел хорошую успеваемость.

Администрация рабочего факультета помогала слушателям. Поскольку питание через Трест столовых было дорогим, решили продавать учащимся картофель, собранный в совхозе, по 4 коп. за кг. Часть картофеля разделили семейным учащимся, часть продали, а вырученные деньги распределили между остронуждающимися. На эти деньги, примерно 3 тыс. руб., в течение года приобретали одежду и обувь⁵¹³. Так, институту приходилось переходить на самообеспечение в вопросах питания.

Чтобы нормально питаться в течение года, рабфаковцы должны были помогать в обеспечении овощами своей столовой. Весной и осенью учебный процесс прерывался в связи с выездом в сельскую местность. За срыв сельскохозяйственных мероприятий наступала ответственность как для руководителей, так и для студентов. Так, в приказе директора МГМИ (апрель 1934 г.) отмечалась слабая подготовка к посеву картофеля коллективом рабфака, из-за чего его посадка была сорвана. Требовалось произвести посадку картофеля силами записавшихся студентов и начать с них удержания его стоимости⁵¹⁴. Как видно из приведенного материала, обеспечение жильем и питанием являлось заботой администрации института. От этого во многом зависела дальнейшая учеба студентов.

Для МГМИ также острой стала транспортная проблема. Переходы на работу, в институт, домой требовали много времени, которое рассчитывалось буквально по минутам⁵¹⁵. Лишь с 1935 г. стал выручать трамвай, но и от остановки приходилось добираться еще километр⁵¹⁶. Тогда действовала первая очередь трамвайного пути от соцгорода до заводууправления⁵¹⁷.

От соцгорода до Ежовки расстояние составляло 5 км. Поэтому студенты вместе с работниками горного управления требовали от Трамвайстроя провести линию до Ежовки. Чтобы как-то решить транспортную проблему, для преподавателей и студентов выделили дополнительные автобусы, поскольку в час «пик» сесть на обычный автобус было невозможно⁵¹⁸.

Для вечерников причинами отсева чаще всего было отсутствие какого-либо транспорта от места жительства рабочих. Не каждый студент мог выдержать такие испытания. Отсюда и опоздания на занятия, прогулы и в конечном итоге отчисление. Но и эти трудности преодолевали добросовестные студенты.

Для преподавателей и студентов также предусматривались льготные условия в оплате коммунальных услуг. Городские власти

не могли сами назначать льготы. В марте 1935 г. президиум Магнитогорского горсовета постановил «принимая во внимание, что высшие учебные заведения в г. Магнитогорске как-то: горно-металлургический институт, рабфак находятся в системе Наркомтяжпрома – просить начальника комбината т. Завенягина льготы, утвержденные постановлением президиума горсовета 4 октября 1934 г. по коммунально-бытовому обслуживанию студентов (50% скидка за пользование баней, прачечной, парикмахерской) подтвердить по комбинату»⁵¹⁹.

Свои особенности имело коммунальное обслуживание студентов и преподавателей. Для рабфака в коммунальном обслуживании устанавливались следующие нормативы. На одного человека в сутки предусматривалось 80 л воды. На отопление 1 кв. м полагалось 11,75 кг угля. В каждой комнате была одна лампочка на 150 Вт, использование которой составляло 25 копеек. Всего ежемесячно коммунальные услуги в общежитии обходились МГМИ в 2250 рублей⁵²⁰.

Частично оплата коммунальных услуг преподавателей и научных работников возмещалась институтом. Это видно из следующих данных. Директор МГМИ А.М. Упенек (семья вместе с ним состояла из пяти человек) проживала на 35 м², и расходы на содержание жилья доходили до 67,65 руб. ежемесячно. Преподаватели: П.Д. Корж (два члена семьи), 23 м² – 36,42 руб., Н.Н. Лапин (пять человек), 32 м² – 63,7 руб., Г.С. Василенко (три человека), 31 м² – 56,84 руб., А.Г. Пассовский (два человека), 23 м² – 56,51 руб., В.С. Темянко (два человека), 23 м² – 38,29 руб. В итоге за год расходы на коммунальные услуги составляли 3814,2 руб.⁵²¹. Но не все преподаватели получали льготы за коммунальные услуги⁵²². Льготные условия проживания, хотя и небольшие, все же позволяли экономить при невысокой заработной плате.

От заработной платы и стипендии зависела возможность нормально жить, питаться, удовлетворять свои культурные потребности. Однако финансирование вечернего рабфака осуществлялось плохо. Отдел подготовки кадров металлургического комбината деньги на оплату работы преподавателей и стипендию студентам задерживал до двух и более месяцев. Так, на 30 января 1935 г. не были получены деньги за декабрь в размере 9 тыс. рублей⁵²³.

На основании постановления Совнаркома СССР с февраля 1935 г. в институте повысили стипендии студентам, кроме надбавки, в связи с отменой продовольственных карточек на хлеб. За высокую успеваемость в учебе устанавливалась стипендия в сумме

119 рублей⁵²⁴. Тот, кто хорошо учился, мог больше расходовать на питание или на другие нужды.

Как изменились розничные цены на продовольствие с сентября 1935 г. можно проследить по данным приложения 2. Снижение цен на важнейшие продукты питания положительно сказалось на расходах преподавателей и студентов.

Могли ли преподаватели нормально жить и питаться можно узнать из суммы получаемой зарплаты в сравнении с оплатой труда других категорий горожан. О том, какой была нагрузка заведующих кафедрами и их заработная плата в начальный период существования МГМИ говорят следующие сведения. О.К. Дубинский, и.о. доцента и заведующего кафедрой математики и теоретической механики, с учебной нагрузкой 250 часов доцентских и 480 часов ассистентских в год получал зарплату ежемесячно в размере 500 рублей и дополнительно за руководство кафедрой – 600 рублей в месяц.

Н.Н. Лапин при нагрузке доцента 250 часов и ассистента 400 часов в год имел зарплату 460 рублей. К этой зарплате добавлялось 300 рублей за руководство кафедрой и лабораториями. П.Д. Корж, имея учебную нагрузку доцента 280 часов и ассистента 430 часов, получал зарплату 460 рублей в месяц, и за руководство кафедрой и лабораторией – еще 250 рублей⁵²⁵.

К примеру, мастер на стане «500» № 2 ММК в среднем тогда получал зарплату 542 рубля. Из них 85 рублей отчислял на заем и культурные расходы, на питание уходило 382 рубля. После постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о снижении цен им на питание расходовалось уже 308 рублей. Если раньше после всех необходимых расходов у него оставалось 77 рублей в месяц, то после этого постановления – 140 рублей⁵²⁶.

В ноябре 1935 г. стахановец слесарь-монтажник строительства мартенов зарабатывал 830 руб. в месяц, хотя обычный слесарь получал 391 руб.⁵²⁷. Как распоряжались своими деньгами преподаватели сведения отсутствуют. Но по уже указанной в монографии информации им приходилось кроме расходов на питание, большую долю зарплаты выделять на культурные нужды: посещение театра, кино, приобретение технической и научной литературы, подписку на периодические издания.

Все же, хотя зарплата преподавателей и была невысокой, но при сопоставлении с заработной платой работников металлургического комбината не слишком и низкой. В 1930-е гг. в целом по стране оплата труда находилась далеко от желаемой высокой. Но такова была жизнь.

Содержание общежитий являлось слабым местом в деятельности администрации института. В 1930-е гг. руководству института приходилось принимать меры по улучшению жилищно-бытовых условий для студентов, проживавших в общежитиях. В одном из приказов директора института отмечалось безобразное состояние студенческих общежитий. Комнаты плохо обогревались, некоторые из них были не побелены. В общежитиях отсутствовали баки для питьевой воды. В плохом состоянии находились ручки. Красные уголки были также в неудовлетворительном виде: отсутствовала побелка и радио. Предстояло в кратчайшие сроки ликвидировать имевшиеся недочеты⁵²⁸.

Хотя меры по улучшению состояния общежитий принимались, но достичь нормального их состояния удавалось не всегда. Не хватало средств на ремонт. Кроме того, хозяйственные службы и другие ответственные лица не контролировали состояние важного для студентов объекта.

Часть зарплаты или стипендии приходилось тратить на квартплату. Оплата коммунальных услуг регламентировалась городскими властями. Постановление Магнитогорского горсовета от 9 июля 1936 г. «Об оплате жилых помещений и коммунальных услуг в г. Магнитогорске» устанавливало плату за 1 кв. м жилой площади 40 коп. + 10% за наличие горячей воды. Скидка в 10% предусматривалась за отсутствие канализации и холодной воды. Квартирная плата зависела от зарплаты. При окладе свыше 145 рублей в месяц надбавка возрастала на 3,3%, но не выше 1 руб. 32 коп.⁵²⁹.

Для получавших стипендию учащихся государственных учебных заведений и для аспирантов научно-исследовательских учреждений ставки квартирной платы начислялись наравне с рабочими и служащими в зависимости от общей суммы заработка или стипендии, включая стипендию, зарплату и др. Тем из стипендиатов, для которых стипендия служила основным источником существования, предоставлялась скидка с квартплаты в размере 25%⁵³⁰. Вполне понятно, что обучавшиеся на дневном отделении не имели возможности дополнительно зарабатывать и льгота касалась именно их. Остальным студентам приходилось полностью платить за проживание.

Властные городские структуры стремились обеспечить студенческую молодежь дешевым и качественным питанием, льготами. В январе 1936 г. на заседании президиума Магнитогорского городского совета было принято постановление «Об улучшении культурно-бытовых условий студенчества в г. Магнитогорске». Оно обязывало трест столовых взять на особый учет столовые, в которых преимущественно питается студенчество (столовые № 12, 41,

52), а также студенческие буфеты, организуя доставку к ним более дешевого и лучшего по качеству ассортимента продуктов. Предполагалось также проработать вопрос об открытии специальной студенческой столовой.

Организация горвнторг должна была подготовить заявку в облвнторг об отпуске необходимых материалов для студенческих общежитий (простыни, одеяла и пр.) из фонда 3% отчисления. Намечалось в стенах институтов, техникумов организовать киоски по торговле школьными принадлежностями.

Руководителям театрально-зрелищных предприятий (Драмтеатр, цирк, кино) предлагалось организовать продажу студенческим организациям льготных билетов с 50% скидкой по заявкам студенческих организаций. Горсовет обращался в завком профсоюза металлургов предоставить нуждающимся студентам право бесплатного посещения центрального катка. Кроме того, готовились предложения о возможности предоставления некоторых льгот студентам при пользовании банями, прачечными и трамваем. Ставился вопрос и о пешеходном переходном пути к МГМИ. В городе собирались также организовать и оживить работу общественной организации помощи пролетарскому студенчеству (пролетстуд).

Этим же постановлением отменялось прежнее постановление президиума горсовета «О культурно-бытовом обслуживании пролетарского студенчества г. Магнитогорска» (октябрь 1934 г.)⁵³¹.

Данное постановление появилось не случайно. Руководители учебных заведений, депутаты от МГМИ постоянно обращались в горсовет и, наконец, руководство города пошло навстречу пожеланиям. Осуществление этого постановления несколько улучшило положение студенческой молодежи. Хорошо, что студенты получали подобные льготы, но жаль, что не все из них попадали под категорию нуждающихся. В информации 1936 г. говорилось о создании пролетстуда, хотя, по другим данным 1934 г., эта организация уже действовала в городе.

В случае нарушения своих прав студенты могли обратиться в советские органы. За грубость и плохое обслуживание в столовой студенты писали жалобы в городской совет депутатов. Так поступил студент 3 курса Егоров. Результаты проверки подтвердили его правоту, и виновные получили наказание. В столовой была заведена «Книга жалоб и предложений»⁵³².

Характерно для того времени было то, что значительное число студентов имело возможность получать стипендию. В 1936 г. большая часть студентов дневного отделения института получала стипендию – в среднем 88 человек (65,7%), но, что является необычным для сегодняшнего дня, и среди вечерников также были

стипендиаты – 9 студентов (5,4%)⁵³³. Кроме того, лучшие студенты могли поощряться. Так, выпускников-отличников рабфака руководство МГМИ премировало туристической путевкой, путевкой в дом отдыха, на курорт, деньгами⁵³⁴.

С небольшой стипендией или вообще без оной трудно было выживать студентам. Благо, что иногда происходило снижение цен. В июне 1936 г. были снижены цены на самый ходовой продукт молоко на 20 копеек за один литр. Разливное молоко стало стоить 1 руб. 30 коп., а бутылочное – 1 руб. 40 коп.⁵³⁵.

Стипендия на дневном отделении рабфака в 1937 г. составляла 68 руб. в месяц. В институте на дневном отделении стипендию получали уже 80% студентов от всего контингента в размере 115 руб. в месяц⁵³⁶, что было на 4 рубля ниже, чем два года назад. Но доля стипендиатов по сравнению с предыдущим годом возросла. В 1937 г. на рабфаке среднегодовое число стипендиатов составляло на дневном отделении 56 человек, а на вечернем – 17⁵³⁷.

Конечно, размер стипендии и зарплата преподавателей были несопоставимы с заработной платой стахановцев. Для сравнения – знаменитый стахановец старший оператор блюминга Огородников зарабатывал более 2,8 тыс. рублей в месяц, старший вальцовщик стана «300» Евенко – свыше 1,3 тыс. рублей⁵³⁸. Сталевары-стахановцы получали 800 и более руб. в месяц, что вдвое превышало их прежнюю зарплату⁵³⁹.

Но и этой небольшой стипендии можно было лишиться. Председатель Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР И.И. Межлаук требовал не допускать огульного снятия со стипендии и исключения студентов, не явившихся на зимнюю сессию, или студентов, получивших неудовлетворительные оценки. Директорам вузов вменялось в обязанность в каждом отдельном случае внимательно изучать причины неявки и неудовлетворительной сдачи сессии. Вопросы по этим делам должны были решаться после весенней сессии⁵⁴⁰.

Помимо официальной зарплаты и стипендии, к праздникам премировались лучшие преподаватели и студенты. Так, к 21-й годовщине Октябрьской революции приказом директора МГМИ четверо студентов рабфака получили премии в сумме 40-70 рублей. Лучшие красные уголки общежитий награждались патефонами⁵⁴¹.

По официальной статистике улучшалась жизнь советских людей. 1937 г. выдался необычайно урожайным. В 1934 г. отменили карточную систему. Повышалась заработная плата. По сравнению с голодными 1932-1933 гг. отмечался потребительский спрос населения. Рост потребления товаров в Магнитогорске в среднем на душу населения в 1937 г. по сравнению с 1933 г. можно просле-

дить по следующим показателям: кондитерские изделия – 16,27 руб. (1933 г.) и 39,37 руб. (1937 г.), мясо – 9,05 и 31,49 руб., масло – 4,39 и 18,88 руб., молоко – 5,72 и 17,79 руб., культтовары – 1,52 и 28,96 руб., обувь – 18,19 и 33,09 руб., швейные изделия и головные уборы – 31,51 и 50,73 руб., хлопчатобумажные ткани – 26,41 и 71,07 руб. соответственно⁵⁴². По этим сведениям можно судить также и о благосостоянии преподавателей и студентов института.

Часть студентов, проживавших в своих домах, кроме овощей, стали выращивать собственные фрукты. В 1936-1937 гг. в городе стало развиваться садоводство, проводилась посадка фруктовых деревьев⁵⁴³.

С помощью даже и незначительной стипендии легче было переносить жилищные проблемы и обеспечивать себя питанием. Тогда существовала нацеленность руководства страны на то, чтобы большая часть учащейся молодежи имела стипендии. В МГМИ 87,3% студентов в 1938 г. получали стипендию. Средний размер стипендии увеличился по сравнению с предыдущим годом в 1,3 раза и составил 151 руб.⁵⁴⁴. Стипендия составляла от 130 до 200 руб. в месяц в зависимости от курса, успеваемости и материальной обеспеченности⁵⁴⁵. По другой информации, если в 1933 г. обеспечивалось стипендией 50,3% учащихся института, то в 1938 г. – 91%⁵⁴⁶. Последний показатель немного расходится с данными предыдущего источника. Однако случалось, что стипендию и зарплату преподавателям выдавали не вовремя⁵⁴⁷. С каждым годом все больше студентов института получало стипендию. Стипендия позволяла, хотя бы в небольшой степени, но улучшить их питание, посещать больше зрелищных учреждений. Кроме того, наличие стипендии привлекало абитуриентов в МГМИ.

В лучшую сторону менялись цены на рынках города. Если в 1934 г. кг мяса стоил 12,20 руб., то в 1938 г. – 9,80 руб., 10 яиц – 8,38 и 5 руб. соответственно. Душевое потребление мяса увеличилось за это время в 4,6 раза, рыбы – в 2,2 раза, животного масла – в 4 раза, сахара – в 2,3 раза, трикотажа – в 4,1 раза, кожаной обуви – в 2,1 раза⁵⁴⁸. Снижение цен положительно влияло на рост потребления как преподавателей, так и студентов.

Поддержку получали и направляемые на учебу передовики производства. Помимо имевшегося контингента студентов, в практику тех лет входило направление на обучение целевиков. В приказе ГУУЗа от 23 июня 1938 г. обращалось внимание руководства втузов на создание благоприятной обстановки для успешной учебы передовиков производства-стахановцев. Им требовалось улучшить материальное положение, бытовые и жилищные условия

для учебы⁵⁴⁹. Стахановцы заслуживали этого. За свой высокопроизводительный труд они по праву получали льготы.

Хотя администрацией института многое делалось для создания нормальных бытовых условий для преподавателей и студентов, но по-прежнему оставались проблемы с жильем. Жилищные условия со дня открытия института не улучшились. В 1937 г. студенты и преподаватели жили в неблагоустроенных бараках с печным отоплением, без воды и канализации⁵⁵⁰.

И в следующем году не все студенты могли поселиться в институтские, далеко неблагоустроенные общежития. Очень часто отсев студентов был связан с необеспеченностью общежитием⁵⁵¹.

Собственного жилого фонда у МГМИ не имелось. Вновь приглашенным пяти преподавателям приходилось в течение года жить в гостинице. Кроме больших расходов по оплате номеров гостиницы, эти преподаватели не имели условий для подготовки к занятиям⁵⁵². Как вспоминала, приехавшая вместе с мужем из Ленинграда И.Н. Заморуева: «Первые месяцы жизни в Магнитогорске, до получения квартиры, мы жили в гостинице на площади заводууправления. Большею частью столовались в ресторане-столовой при гостинице»⁵⁵³.

В 1939 г. для преподавателей металлургический комбинат выделил дополнительно две квартиры и под студенческое общежитие – каменный барак. До этого имелись только каркасно-насыпные бараки, в которых зимой было холодно. По распоряжению заместителя наркома черной металлургии П.И. Коробова, в генеральную смету строительства комбината в третьей пятилетке было включено 11 млн. рублей на постройку учебного здания и студенческого общежития на 700 мест и 44-квартирного жилого дома для преподавателей. Вскоре началось их проектирование, прерванное начавшейся войной⁵⁵⁴.

В 1939 г. условия для проживания студентов были далеки от идеальных. Они жили в сырых и холодных бараках на Ежовке⁵⁵⁵. Студенты имели плохие бытовые условия для подготовки к экзаменам. В холодных комнатах проживало по 6-7 человек. Некоторые студенты занимались в кипятилке. В читальном зале из-за холода заниматься было невозможно⁵⁵⁶.

Все ожидания были связаны с будущим возведением как нового здания института, так и одновременным строительством домов для преподавателей и общежитий для студентов. Однако решение жилищной проблемы затягивалось, и приходилось довольствоваться тем, что имелось.

В 1939 г. были установлены следующие нормы оплаты институтом коммунальных услуг преподавательскому персоналу:

жилплощадь и отопление оплачивалось на работника за 9 кв. м и по 9 метров за каждого иждивенца. На членов семьи, имевших самостоятельный заработок, площадь не оплачивалась. Действительным членам секции научных работников (СНР) оплачивались сверх указанной жилплощади излишки в размере до двадцати кв. м, включая отопление и освещение. За освещение оплата производилась по существующим нормам. За воду и канализацию расходы не оплачивались⁵⁵⁷.

В конце 1930-х гг. еще сохранялась возможность большинству студентов получать стипендию, что позволяло хотя и в небольшой степени, но иметь доход, так необходимый для проживания в трудное время. В начале 1939 г. 87,4% стипендиатов обучалось на дневном отделении института и 28,7% – на вечернем. Среднемесячная стипендия на одного студента выходила 167,1 руб. на дневном отделении и 281,9 рублей – на вечернем отделении⁵⁵⁸. Например, стипендия в педагогическом институте, в котором учились четыре года, составляла от 130 до 200 руб.⁵⁵⁹.

Помимо стипендии, студенты могли получать дополнительные льготы. Так, выпускник 1939 г. А.Л. Коноплев кроме государственной стипендии за время учебы пользовался домом отдыха, санаторием, курортом, ездил на экскурсию по СССР⁵⁶⁰. Во время каникул зимой 1939 г. студенты института получили 41 путевку в дома отдыха. Лучшие ударники, отличники учебы отдыхали в живописных уголках Урала⁵⁶¹.

По сравнению с руководителями металлургического комбината руководители подразделений института получали вполне достойную зарплату. Заведующий кафедрой в 1939 г. получал от 1020 до 1190 рублей⁵⁶². Почасовой фонд составлял 15 рублей в час⁵⁶³.

К примеру, в 1939 г. по новым тарифам заработная плата начальника доменного (мартеновского) цеха составляла 900-1500 руб., заместителя начальника цеха – 800-1350 руб., обер-мастера – 700-1300 руб., мастера – 700-900 руб., начальника смены – 650-1100 руб.⁵⁶⁴.

О примерном распределении зарплаты можно судить по сведениям одного рабочего металлургического комбината. М. Светличный в 1933 г. работал молотобойцем в прокатном цехе и получал 200 руб. в месяц, став машинистом крана – 700 руб., а в отдельные месяцы – до 2000 руб. В 1938 г. он купил драповое пальто, патефон. В январе 1939 г. приобрел для жены пальто за 305 руб. На культурные нужды в феврале расходы составили 30 руб., в основном на посещение зрелищных мероприятий. 27 руб. ушло на приобретение патефонных пластинок. 60 руб пришлось

выделить на ремонт часов, на кино, театр и цирк расходы составили 21 руб., на приобретение детских игрушек – 18 руб.⁵⁶⁵. Данные расходы дают некоторое представление о статьях расходов того времени, которые были в какой-то мере свойственны также и для работников и студентов МГМИ. Правда, здесь учтены далеко не все расходы: квартплата, добровольные займы и т.п.

Как свидетельствовали документы, внеучебная повседневная жизнь и преподавателей и студентов, носила отпечаток того времени. Можно сегодня по-разному оценивать общественно-политическую жизнь 1930-х гг. в зависимости от политических пристрастий, но все же не отнять того, что учеба в институте стала для многих выпускников школой жизни, достижением высоких моральных качеств, и как высокопарно это ни звучит, любви к Отчизне, своей малой Родине – институту и городу.

Коммунистическое воспитание молодежи являлось обязательным элементом деятельности администрации института, общественных организаций, кафедры основ марксизма-ленинизма. Поэтому по документам 1930-х гг. прослеживается строгий спрос за упущения в этой работе. Политическая учеба, изучение трудов классиков марксизма-ленинизма было требованием времени, чтобы противостоять буржуазным взглядам. Но как свидетельствовали факты, ставшие достоянием городской общественности, не все было благополучно в институте по коммунистическому воспитанию студентов.

Особый отпечаток на общественно-политическую жизнь института наложили репрессии. Безвинно пострадали отдельные преподаватели и студенты. Вся их вина заключалась в том, что они высказывали суждения отличные от общепринятых установок вышестоящих органов. Обвинения граждан в антисоветской пропаганде, контрреволюционной деятельности стали стереотипными в работе правоохранительных органов. Иногда отсутствовали и высказывания против советской власти, но для выполнения плана по врагам народа фабриковались вымышленные уголовные дела.

Основной тенденцией в проведении массовых культурных и спортивных мероприятий в МГМИ стало то, что они способствовали подготовке не только специалистов, хорошо разбиравшихся в технике и производственных процессах, но и разносторонне развитых людей. Приобщение молодежи к наследию мировой культуры благотворно сказывалось на их воспитании. Физкультурная работа готовила молодежь к защите Родины. Те из студентов, кто постоянно занимался спортом, легче переносили трудности и в будущем. В те годы в молодежной среде культивировалось физическое

совершенство. Свободное время проводилось не бесцельно, а с пользой.

Немало проблем возникало в связи с неустроенностью быта преподавателей и студентов, транспортными вопросами. Первым педагогам пришлось жить в неблагоустроенном жилье, не отвечали требованиям проживания и общежития. Такое положение было характерно не только для втуза, но и для большинства магнитогорцев. Приходилось мириться с подобными трудностями, надеясь на лучшее будущее. В то же время администрация МГМИ не всегда проявляла настойчивость в решении текущих проблем в улучшении социально-бытовых условий своих сотрудников и студентов. Однако постепенно и эти проблемы находили решение.

Глава 5. Управление персоналом

5.1. Формирование кадрового состава

Формирование преподавательского состава нового высшего учебного заведения представляло задачу не из легких. Закрытие филиалов свердловских институтов лишило горно-металлургический институт высококвалифицированных кадров. Хотя и в них не наблюдалось большого количества профессоров и доцентов, но периодически, наездом филиалы посещали специалисты из Свердловска. Теперь же приходилось надеяться лишь на собственные силы, уповая на возможность получения профессорско-преподавательских кадров со стороны по распоряжению Главного управления учебными заведениями. Но втузов, подобных магнитогорскому, имелось много и до Магнитки дело не доходило. Постепенно, невзирая на трудности, все же кадровый состав в МГМИ изменялся не только количественно, но и качественно.

В 1934 г. среди преподавательского состава профессора отсутствовали. Из 15 доцентов, работавших в институте, лишь трое имели основную работу в МГМИ, не считая заведующих кафедр. Семь человек, работавших в должности доцента, являлись представителями предприятий и учреждений. Кроме доцентов, в МГМИ обучали студентов еще один преподаватель и три ассистента. Всего в институте работало 19 преподавателей⁵⁶⁶. В те годы имелась должность преподавателя, которая по статусу находилась ниже должности ассистента. Для удобства восприятия текста автор использовал современное определение всего профессорско-преподавательского состава понятием «преподаватели».

Осенью 1934 г. в МГМИ работало всего четыре штатных преподавателя. Кроме директора Упенек А.М., вели занятия со студентами Корж П.Д. – и.о. заведующего кафедрой химии, Пасовский А.Г. – инженер, заведующий кабинетом графики, Василенко Г.С. – и.о. заведующего кафедрой математики и одновременно заместитель директора института по учебной и научной части. Директор надеялся, что ГУУЗ пришлет профессора или доцента, а в должности заместителя будет преподаватель металлург или горняк.

Совместительство имело свои отрицательные стороны. В МГМИ работало шесть преподавателей-совместителей с металлургического завода. Для этих преподавателей очень остро стояла транспортная проблема. Они часто опаздывали или срывали занятия из-за того, что вовремя не могли добраться до института. В то

время трамваев не было, отсутствовали и автобусные маршруты. Институту приходилось нанимать извозчиков за свой счет, но смета не предусматривала такой статьи расходов.

Езда на лошадях за 8-10 км от завода удовольствие было не из приятных, а машины отсутствовали. Директор института писал в ГУУЗ, что «некоторые специалисты-инженеры просто отказываются из-за транспортных условий преподавать в институте, считая ниже своего достоинства ездить на бричках в магнитогорских экипажах»⁵⁶⁷. Кроме того, не все совместители обладали методикой проведения занятий, что сказывалось на качестве учебного процесса.

Об укомплектованности кафедр преподавательскими кадрами свидетельствовали следующие данные. Как писал в газете «Магнитогорский рабочий» заведующий кафедрой химии МГМИ Н.Н. Лапин, к началу 1934-35 учебного года институт был укомплектован штатными работниками по общетеоретическим дисциплинам и инженерами с производства – по специальным дисциплинам⁵⁶⁸.

На кафедре высшей математики кроме заведующего Г.С. Василенко, преподавал математику Я.С. Венгеровский, являясь сотрудником другой кафедры и ассистент Ленских. На рабфаке математику вели Дубинский, Савельев, Раменский⁵⁶⁹.

На кафедре химии работало два преподавателя: и.о. доцента, заведующий кафедрой Лапин Н.Н. и ассистент В.С. Темялко.

В составе кафедры физики имелось на одного преподавателя больше: Павел Диомидович Корж, Рахиль Григорьевна Виленская, Николай Федорович Ильин⁵⁷⁰. Кафедру физики возглавлял П.Д. Корж, и.о. доцента.

Во главе кафедры социально-экономических наук стоял и.о. доцента М.И. Крутогин. Кроме Крутогина на кафедре работало два и.о. доцента и один ассистент⁵⁷¹. На первых порах на кафедре читались политическая экономия, экономическая политика, диалектический материализм и ленинизм⁵⁷².

Преподавателей общественных дисциплин иногда брали на работу по путевке горкома КПСС, как это произошло с преподавателем Мельниковым в сентябре 1934 г.⁵⁷³. Социально-экономические дисциплины вел культпроп горкома ВКП(б) Сергеев, а до этого был заместитель заведующего культпропа М.И. Крутогин. Однако партийные работники были перегружены на основной работе и, как отмечала администрация института, руководство кафедрой осуществляли слабо.

На новый учебный год директор института собирался создать шесть новых кафедр, но опять же за счет инженеров завода,

причем имевших преподавательский опыт. Они должны были возглавить новые кафедры⁵⁷⁴.

Количественный и качественный состав ППС нового института, исходя из приведенных показателей, не отвечал требованиям высшего учебного заведения. Отсутствие штатных высококвалифицированных преподавателей снижало возможности института вести полноценную научно-исследовательскую и учебную работу.

Рабочий факультет являлся структурным подразделением института. Поэтому предстояло и на этом факультете повышать качественный состав педагогических кадров. В октябре 1934 г. на рабфаке МГМИ работало 18 преподавателей. Среди них: Бабанов А.П. – преподавал биологию, Бакулин А.Ф. – русский язык и литературу, Барщевская К.Н. – географию, А.Б. Баян – гражданскую историю и историю ВКП(б), Виленская Р.Г. – физику, Косенко М.С. – математику, Крюкова Г.И. – русский язык, Кутарев И.П. – гражданскую историю и историю ВКП(б), Мустафин – математику, Надршин С.А. – историю и географию, Пассовский А.Г. – графику, Раменский В.Г. – математику, Ремизов М.М. – математику, Сапаров И.Л. – русский язык и литературу, Темяно В.С. – химию, Фишер Ф.И. – немецкий язык, Захарченко – военные знания, Кольцов – Конституцию СССР⁵⁷⁵. Некоторые преподаватели рабфака работали в институте по совместительству и наоборот.

По мнению директора института, обеспеченность преподавателями по рабфаку была хорошей. По вечернему отделению рабфака преподавателей хватало, за исключением преподавателя физики. Р.Г. Виленскую, преподававшую физику, сняли за связь с троцкистами. Нужда в преподавателях наблюдалась при изучении татарского языка и литературы⁵⁷⁶. Таким образом, и на рабфаке все же существовала кадровая проблема. Требовались педагоги, владевшие национальными языками, поскольку обучать нацмен приходилось первоначально на их языках.

Для стимулирования научной и педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава проводилось поощрение лучших из них. В 1934 г. поощрялись преподаватели «за развернутую борьбу по реализации решений ЦК ВКП(б) о школе». Среди премированных 250 рублями оказались и.о. доцента кафедры физики Корж, преподаватель математики Ремизов, преподаватель русского языка и литературы Бакулин. Благодарность директора получили и.о. доцентов кафедры высшей математики Дубинский и Василенко, преподаватель географии Барщевская, преподаватель истории Иханов⁵⁷⁷.

В то время студенты могли ходатайствовать перед руководством института о премировании преподавателей. В июне 1934 г.

приказом директора МГМИ по их просьбе был премирован велосипедом и.о. доцента кафедры высшей математики Дубинский. В приказе отмечалось, что велосипед должен быть выдан по ходатайству института перед руководством ММК за наличный расчет. При этом к собранным средствам студентов бухгалтерия выделяла еще 100 рублей⁵⁷⁸.

Премию можно было получить за победу в конкурсе. В ноябре-декабре 1934 г. в МГМИ и техникуме проводился конкурс на лучшую лекцию по общетехническим и специальным дисциплинам. На ММК была создана конкурсная комиссия под председательством главного инженера Казакова. На премирование преподавателей за лучшую лекцию комбинат выделил 3 тыс. рублей⁵⁷⁹.

Постановлением СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» от 13 января 1934 г. в целях поощрения научной работы и повышения квалификации научных и научно-педагогических кадров вводились ученые степени⁵⁸⁰. Остепененность преподавательского состава стала важнейшим критерием деятельности вуза. МГМИ остро нуждался именно в кандидатах и докторов наук.

После проведения первого семестра нового втуза главное управление учебных заведений НКТП СССР в январе 1935 г. обследовало институт и подготовило приказ. Хотя ГУУЗ не оказало помощи на начальном этапе становления института, но указало на существенные недостатки. Управление выявило неудовлетворительную подготовку к учебному году, что привело к срыву намеченных планов. Среди причин срыва было и несвоевременное укомплектование преподавательского персонала по ряду дисциплин (горное дело, социально-экономические предметы). Предлагалось рассмотреть номенклатуру заведующих кафедрами⁵⁸¹.

Как писал в газете «Магнитогорский рабочий» директор МГМИ А.М. Упенек: «Полгода назад мы были противники того, чтобы в институте работали приглашенные профессора потому, что их не смогли бы обеспечить нагрузкой. Теперь же вполне очевидна необходимость приглашения профессоров.

Наряду с существовавшими кафедрами физики, химии, математики, социально-экономических дисциплин во втором семестре открывались кафедры общего машиностроения, минералогии и кристаллографии. Нужны и соответствующие специалисты для замещения должностей заведующих этими кафедрами. Необходимо использовать все научные и инженерно-технические силы Магнитки для работы в институте». Однако, как считал директор, не вся инженерно-техническая общественность считает своим долгом участвовать в подготовке кадров⁵⁸².

Добиться открытия института было полдела. Без высококвалифицированных кадров вряд ли можно было рассчитывать на его дальнейшее существование. Обращение в Главное управление результатов не дало, но и получить таких специалистов в городе было также весьма затруднительно. Профессора в Магнитогорске вообще отсутствовали.

Однако руководство института стремилось найти необходимые кадры. В 1935 г. расширился преподавательский состав института. Рядом со «старыми», зарекомендовавшими себя руководителями кафедр: физики (Корж), химии (Лапин), математики (Василенко) появились новые преподаватели: профессор Комиссаров (сопротивление материалов), доцент Перелазный (физхимия), доцент Целинский (теоретическая механика)⁵⁸³. Единственный профессор позднее оказался политически неблагонадежным, и с ним пришлось расстаться.

В состав работников МГМИ и рабфака в 1935 г. входили: Упенек А.М. – директор, Василенко Г.С. – заведующий кафедрой высшей математики, Корж П.Д. – заведующий кафедрой физики, Лапин Н.Н. – заведующий кафедрой химии, Пассовский А.Г. – заведующий кафедрой графики, Темянко В.С. – преподаватель химии, Венгеровский – зав. НПО и преподаватель механики, инженер, Пономарев Г.С. – зав. учебно-научной частью института, Ильин Н.Ф. – преподаватель физики рабфака, Комиссаров И.И. – профессор, Сапаров И.Л. – преподаватель русского языка нацменного отделения рабфака, Надршин С.А. – преподаватель истории, Бегимбетов – преподаватель, Баян А.Б. – преподаватель и завуч нацменного отделения, Ремизов М.М. – преподаватель математики, Раменский В.Г. – преподаватель математики, Бакулин А.Ф. – преподаватель русского языка, Крюкова Г.И. – преподаватель русского языка, Бабанов А.П. – преподаватель биологии, Елькина А.Ф. – преподаватель истории, Косенко М.С. – завуч рабфака, Фишер Ф.И. – преподаватель немецкого языка, Салтуп В.А. – преподаватель русского языка и др. Всего 58 человек⁵⁸⁴.

Несмотря на увеличение численности педагогических кадров, все же ощущался их недостаток. Преподавателей на рабфаке не хватало⁵⁸⁵. На рабфаке в 1935 г. работало 13 штатных преподавателей и 11 совместителей. Среди них было всего два комсомольца, а остальные – беспартийные. Из 13 педагогов 12 имели высшее образование и один – среднее специальное, а все совместители – среднее образование. По педагогическому стажу они распределялись следующим образом: 1-2 года – четыре человека, 3-5 лет – шесть, 6-10 лет – восемь и свыше 10 лет – шесть преподавателей⁵⁸⁶. Из этих данных явствует, что почти половину всех препо-

давателей составляли совместители. В связи с отсутствием преподавателей другого выхода не было как обращаться к педагогам со стороны.

Постепенно все же происходило пополнение института высококвалифицированными преподавательскими кадрами. Распоряжением ГУУЗа 16 июля 1935 г. в МГМИ был направлен доцент Целинский А.А. в качестве и.о. заведующего кафедрой теоретической механики и деталей машин сроком на два года. Этим же распоряжением командировали в институт и доцента Перелазного И.Л., и.о. заведующего кафедрой физико-химии на такой же срок⁵⁸⁷.

В ноябре 1935 г. в МГМИ из Уральского горного института был направлен и.о. профессора Петр Андрианович Слесарев в качестве декана горного факультета. С ним факультет одновременно приобрел опытного преподавателя, имевшего богатую производственную и научную практику.

П.А. Слесарев был также заведующим первой профилирующей кафедрой горного искусства. Штатных преподавателей на кафедре не было, и основную учебную работу вели главный инженер горного управления ММК Б.П. Боголюбов, старший инженер проектного отдела заводоуправления А.Ф. Банин, старший геолог горного управления Н.А. Никольский⁵⁸⁸.

Таким образом, восполнялся кадровый вакуум высококвалифицированными специалистами. Малочисленные кафедры при отсутствии доцентов и профессоров не могли вести подготовку инженерных кадров. Отсутствие аспирантуры не позволяло готовить собственных кандидатов наук. Приходилось с помощью командированных доцентов из других вузов повышать качество образования на периферии и развивать научно-исследовательскую деятельность.

В 1936 г. в МГМИ педагогическую деятельность вели 17 преподавателей⁵⁸⁹. В весеннем семестре 1936/37 учебного года учебный план был выполнен на 94,1% (2596 час.), из которых на профессоров приходилось 16,3% нагрузки, на доцентов – 50,1%, а остальная часть – на других преподавателей⁵⁹⁰.

Формирование кафедры металлургических печей началось с 1936 г., когда возникла необходимость преподавания специальных теплотехнических дисциплин. В течение двух лет для этой работы приглашались сотрудники кафедры металлургических печей Уральского политехнического института (профессор доктор технических наук Доброхотов Н.Н. – создатель энергетической теории печей, М.А. Глинков – создатель общей теории печей, Н.И. Кокарев и др.)⁵⁹¹.

Тогда же была создана кафедра металловедения и термической обработки. Первым преподавателем была инженер-термист Е.В. Панченко, впоследствии защитившая кандидатскую диссертацию⁵⁹².

В июне 1936 г. горный инженер Лебедев Николай Иванович был зачислен штатным преподавателем по кафедре горного искусства (прибыл из г. Свердловска). В сентябре того года на горном отделении читались следующие курсы: «Цикл геолого-минералогических дисциплин»; «Рудничный транспорт», «Рудничная вентиляция» (инженер Лебедев Н.И.); «Горное искусство» (доцент Банин А. Ф.); «Геология и минералогия», «Рудные месторождения» (инженер Каминская Е.И.); «Кристаллография и минералогия» (инженер Агеев А.А.). Заведующим кабинетом геологии и минералогии был назначен по совместительству Николаенко С.В.⁵⁹³.

На начальном этапе работы МГМИ дисциплины по безопасности труда читали квалифицированные специалисты предприятий и учреждений города: Шумков Н.А., Ермаков П.Д. (затем технический инспектор ЦК профсоюза работников металлургической промышленности), Бекреев Н.В. (позже Начальник Магнитогорского горнотехнического отдела Челябинского управления Госгортехнадзора СССР) и преподаватели выпускающих кафедр⁵⁹⁴.

Так, постепенно увеличивался профессорско-преподавательский состав института. Причем среди них появились новые кандидаты наук. Однако МГМИ пока еще не удалось преодолеть отставание по острепенности.

В институте по заведенной традиции не забывали поощрять хороших преподавателей. По итогам первого семестра 1936/37 учебного года лучшие преподаватели института Слесарев, Целинский, Панченко, Перелазный, Василенко, Корж, Лапин, Гольдштейн и по рабфаку – Бакулин, Крюкова, Раменский, Косенко, Мурадова получили благодарность и премию⁵⁹⁵.

Преподаватели получали не только благодарности и премии. В статье газеты «Магнитогорский рабочий» в 1936 г. рассматривалось поведение заведующего кафедрой технологии металлов МГМИ инженера Сорокина. Его первые лекции показали, что у него нет как необходимой теоретической подготовки, так и минимальных педагогических навыков.

Материал курса он загромоздил таблицам, научно-исследовательские показатели давались по маломощным, совершенно не типичным для текущего уровня техники агрегатам. Сорокин в лекциях опирался на опыт старых уральских заводов. В лекциях отсутствовала общая связь между материалами, они были разбросаны отдельными кусками.

Под видом теоретических обобщений инженер Сорокин предлагал следующие формулы: Плавка за 9 часов в наших мартенах – это нормально. Стахановский рекорд – 7 часов. 30 мин. – губительно действует на технологический процесс и агрегат и т.д.

В своих высказываниях он выступал против стахановцев. Когда дирекция института узнала об антистахановских выкладках и методических ошибках инженера Сорокина, она созвала совещание студентов 5 курса. Студенты полностью подтвердили эти факты и возмущенно заявляли, что в таких «теоретических» обобщениях не нуждаются.

Однако директор института Упенек и заведующий учебной частью Касперович были совершенно другого мнения. Они учли заявление Сорокина, что студенты не поняли его, что он имел в виду в заключительной лекции рассказать о стахановских методах работы.

По мнению Сорокина, перегруз печей – это технический абсурд, который ведет к гибели печи. Насиловать проект нельзя, ибо это идет вразрез с инженерным расчетом и рано или поздно скажется на сохранности аппарата или на качестве металла.

Как писал корреспондент газеты Н. Карташов, перегруз печей до известных пределов в наших цехах дает совершенно другой результат. Сорокин считал, что 168 плавов на печи №8 – нерентабельное дело, гораздо рентабельнее было бы прекратить стахановскую кампанию.

По Карташову, это прямой выпад Сорокина против борьбы стахановцев за стойкость сводов. Одним из основных пунктов в обязательствах мартеновцев – это повышение стойкости свода до 170-200 плавов.

Сорокин ополчился и против стахановцев завалочных машин и осудил работу мартеновцев ММК. Комбинированный метод производства стали советского инженера Точинского он представил как заимствованный из-за рубежа⁵⁹⁶. Такая жесткая оценка работы преподавателя могла стать поводом по возбуждению уголовного дела. Когда вся страна била рекорды производительности, какой-то заведующий кафедрой выступал против стахановского движения. 1937 г. еще не наступил, но примиренческую позицию администрации института припомнят, и директора репрессируют, в том числе, и за бездействие в отношении этого заведующего кафедрой.

В противоположность Сорокину будущий преподаватель МГМИ, а пока еще инженер ММК Н.Г. Бурyleв активно сотрудничал с газетой «Магнитогорский рабочий». В лекциях в индустриальном техникуме и в газете он широко пропагандировал опыт

стахановцев: опыт по шихтовке обер-мастера Авраменко, опыт ведения теплового режима сталевара Дьяченко и др.⁵⁹⁷. Но и его деятельность в качестве преподавателя позднее вызовет нарекания со стороны студентов.

С 1936 г. в Магнитогорске стал функционировать филиал Челябинского областного института повышения квалификации ИТР. В этом институте работали и преподаватели МГМИ. Под руководством доцента И.Л. Перелазного в филиале института изучали новейшие достижения физической химии⁵⁹⁸.

В 1937 г. в институте работали 21 штатный и шесть внештатных преподавателей-совместителей⁵⁹⁹. Неукомплектованность преподавательскими кадрами усложняла планомерность учебы. Нередко преподаватели-совместители несвоевременно ставили в известность дирекцию института о невозможности вести занятия, пропускали лекционные часы. Так, директор института А.А. Безденежных договорился с инженером Христофоровым о том, что тот будет читать курс огнеупоров. Христофоров согласился, но когда расписание уже было составлено и до первой лекции оставалось два дня, он отказался от чтения лекций. Заместитель главного энергетика комбината Курнаков о своем нежелании читать лекцию заявил за 10 минут до ее начала, хотя ранее договорился с дирекцией⁶⁰⁰.

Такие действия приглашенных инженеров ставили в затруднительное положение не только администрацию вуза, но и в глазах студентов дискредитировали систему высшего образования. Все же необходимо было увеличивать численность штатных преподавателей, при этом с учеными степенями и званиями.

Один из первых выпускников Л.А. Волков писал о том, что первыми преподавателями были в основном инженеры-совместители, пришедшие с металлургического комбината и управления Магнитостроя. Штатных преподавателей имелось немного. По его мнению, именно они заложили в умы студентов основы наук, отдавая свои знания⁶⁰¹. Но не все инженеры могли стать полноценными преподавателями. Совместители должны были овладеть методическим мастерством прежде чем стать хорошими преподавателями.

На рабочем факультете также не хватало кадров. Пришлось искать их через газету. В августе 1937 г. в газете «Магнитогорский рабочий» появилось объявление о приглашении на рабфак преподавателей русского языка и литературы, физики и истории⁶⁰².

Институт пополнялся новыми преподавательскими кадрами. По распоряжению ГУУЗа для работы в МГМИ были направлены в сентябре 1937 г. из горного техникума города Скопин преподава-

тель специальных дисциплин Сергей Иванович Попов, в последующем профессор, доктор технических наук, декан, заведующий кафедрой ОРМПИ, видный специалист в вопросах взаимосвязи технологии открытых горных работ и устойчивости бортов карьеров⁶⁰³. Горный инженер С.И. Попов был зачислен старшим преподавателем по специальным курсам горного факультета и заведующим кабинетом кафедры горного искусства⁶⁰⁴.

В 1937 г. доцент Ленинградского индустриального института Михаил Иванович Бояршинов был временно зачислен в штат МГМИ на кафедру прокатки и волочения для чтения спецкурсов, проведения расчетов и упражнений по ставке профессора⁶⁰⁵.

Однако не все преподаватели, приходившие в институт, удовлетворяли высокому статусу преподавателя. Так, преподавателя физики Панкратова освободили от должности преподавателя, как несправившегося с работой. При этом с него удержали полученные им подъемные деньги⁶⁰⁶.

Некоторые преподаватели уезжали в другие институты и университеты. В августе 1937 г. заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин Ю.В. Гольдштейн выбыл из штата⁶⁰⁷.

В течение 1936-1938 гг. в институт были приглашены новые квалифицированные работники, создавшие специальные кафедры: доцент А.А. Целинский (заведующий кафедрой прикладной механики), доктор наук, профессор П.А. Слесарев (заведующий кафедрой специальных дисциплин горного дела), кандидат наук, доцент А.А. Безденежных (заведующий кафедрой металлургии стали), кандидат наук, доцент М.И. Бояршинов (заведующий кафедрой обработки металлов давлением), кандидат наук, доцент Г.М. Заморуев (заведующий кафедрой металловедения и термообработки), кандидат наук, доцент С.И. Попов (на кафедре горное дело), инженер Б.Ф. Мещеряков (на кафедре геология)⁶⁰⁸.

Г.М. Заморуев был зачислен в МГМИ в апреле 1938 г. Директор института А.А. Безденежных (тоже ленинградский политехник) пригласил его на заведывание кафедрой металловедения и термической обработки. Г.М. Заморуев в то время являлся признанным исследователем, ему была присуждена ученая степень кандидата технических наук по опубликованным научным исследованиям (без защиты диссертации)⁶⁰⁹.

В 1938 г. пришли в институт молодые преподаватели Л.М. Тиховидова и Л.И. Чистота. Первая преподавала в институте 34 года иностранный язык, а вторая – 36 лет химию. Они впоследствии были награждены значком «Отличник соцсоревнования черной металлургии» и медалями⁶¹⁰. В состав кафедры металлургических печей были включены инженеры В.К. Горин, Н.Д. Дегтярев⁶¹¹.

Однако для полноценного втуза требовались дополнительно новые преподаватели. В апреле 1938 г. на расширенном заседании Ученого совета МГМИ поднимался вопрос о кадровом составе. Как считал Г.С. Василенко, ГУУЗ не помогал с подготовкой кадров. За последние 5-6 лет не было защищено ни одной диссертации. Среди других проблем он назвал отсутствие в институте учебной части, учета выполнения планов кафедр.

По мнению М.К. Михина, частая смена преподавателей ухудшала работу института. В выступлении на заседании совета инспектора ГУУЗа Котовича главным направлением деятельности администрации института был назван поиск путей обеспечения МГМИ квалифицированными кадрами⁶¹². Лишь при наличии в институте преподавателей со степенями и званиями можно было рассчитывать на создание эффективного высшего учебного заведения. К сожалению, решить эту проблему было непросто. Требовалось не только желание администрации МГМИ, но и поддержка центра и металлургического комбината.

В газете «Магнитогорский рабочий» в апреле 1938 г. опубликовали открытое письмо преподавателей МГМИ, адресованное научно-техническому обществу металлургов. Как говорилось в письме, статьи в «Магнитогорском рабочем» заставили вскрыть недостатки и промахи. Одним из недостатков являлось неуккомплектованность педагогическими кадрами. Постоянных штатных работников должно быть 35 человек. Имелось же восемь утвержденных и столько же представленных к утверждению преподавателей. В связи с неуккомплектованностью преподавателями возникали трудности на трех последних курсах института. На металлургическом комбинате имелось достаточное количество высококвалифицированных инженеров, которых могли бы использовать как для постоянной работы в институте, так и по совместительству.

Авторы письма обращались за оказанием содействия в решении кадрового вопроса и других проблем к руководству металлургического комбината⁶¹³. ММК был заинтересован в подготовке хороших специалистов и всегда шел навстречу пожеланиям МГМИ. Но вновь это были совместители.

К началу нового учебного года все-таки удалось продвинуться вперед в решении кадровой проблемы. По данным директора института, во втузе имелось по-прежнему восемь штатных преподавателей. В основном же преподаватели являлись совместителями, из-за них часто нарушался учебный процесс: нередки были пропуски занятий и опоздания, да и качество занятий желало много лучшего. Что же изменилось? Впервые за шесть лет институт укомплектовался преподавательскими кадрами. В новом 1938-39

учебном году должны были работать 28 штатных преподавателей⁶¹⁴.

Порой кадровый состав института формировался за счет другого вуза города. Так, пединститут предъявил претензии к ГК и РК ВКП(б), которые разрешали переход их преподавателей в МГМИ (Попова и Глебова), хотя они сами испытывали недостаток в кадрах⁶¹⁵.

В 1938-39 учебном году рабфак МГМИ по-прежнему нуждался в штатных преподавателях. Он имел в своем составе 13 штатных преподавателей и 10 совместителей⁶¹⁶. Поэтому администрация института стремилась увеличить численность ППС.

В МГМИ с самого его зарождения трудились замечательные преподаватели. В.Д. Чистота с 1938 г. работал в МГМИ, впоследствии избирался заведующим кафедрой общей и аналитической химии. Его взгляд в прошлое: «Далекий 1938. Ежовка. Кабинет заведующего кафедрой общей и аналитической химии МГМИ. Нас, (выпускников Пермского университета), принимает основатель и первый заведующий ее Никонор Никитович Лапин.

Солидный мужчина средних лет с шевелюрой под Менделеева вызывает невольное уважение и трепет. В дальнейшем мы убеждаемся, что это человек дела и большой души. Им были заложены основы преподавания химических дисциплин для инженеров горной и металлургической специальностей, организованы лаборатории и поставлены первые исследования по тематике, актуальной для металлургии.

Большую работу молодая кафедра провела в Великую Отечественную войну, помогая центральной заводской лаборатории ММК в решении аналитических задач, важных для того времени.

В первый же год работы в институте мы узнали и полюбили и друга Лапина – основателя кафедры физики, ее первого заведующего Павла Диомидовича Коржа. Как сейчас видится его суровое лицо и глаза под огромными очками, чаще всего опущенные на бумаги, лежащие перед ним на письменном столе. В дальнейшем мы узнали его как специалиста высокого класса и душевного человека.

Им так же, как Н.Н. Лапиным в области химии, были заложены основы методики преподавания физики и разработаны главные направления в исследованиях – спектроскопия и ТЭДС.

Н.Н. Лапин и П.Д. Корж остались в нашей памяти, как истинные друзья и «жестокие» соперники, так как каждый из них ревностно оберегал престиж «своей» науки. Часто можно было наблюдать настоящие учены баталии между ними. Это не только не

мешало, но и помогало делать им общее, важное дело становления и развития института»⁶¹⁷.

В первый состав кафедры геологии и полезных ископаемых входили преподаватели, имевшие огромный производственный стаж: Е.И. Каминская, Ф.Ф. Дульский, А.И. Стригулин, Т.Г. Хлопонин, Б.Ф. Мещеряков, А.А. Агеев и др.

Первый период в жизни этой кафедры в довоенные и военные годы следует считать временем формирования ее кадров и научных направлений. В институте не было педагогических и научных кадров и, тем более обладателей ученых степеней и званий. Это пришло позже. Источником кадров служили, в основном, промышленные предприятия Магнитогорска, Урала, страны. За уже упомянутыми геологами-разведчиками следовали в хронологическом порядке: инженер-геолог разведочной партии С.В. Прохоров, главный геолог Горного управления ММК Н.А. Никольский⁶¹⁸.

В состав кафедры «Металлургические печи» вошел в 1939 г. инженер Михин М.К., работавший по совместительству. Его основной работой так же, как и у других членов кафедры был металлургический комбинат⁶¹⁹.

В коллективе бухгалтерии в довоенные времена трудились шесть человек. Начало бухгалтерскому учету института было заложено бухгалтерами Сосниным, Орешкиной, Мясоедовым, Н.З. Егоровым, С.М. Жандаровым, Е.О. Собачко⁶²⁰. Так, закладывались основы профессорско-преподавательского состава и сотрудников института.

В начале 1939 г. в МГМИ в административно-управленческий персонал входило 23 человека, в хозяйственно-обслуживающий – 18, в учебно-вспомогательный – 25 и в прочий – 37 человек.

Профессорско-преподавательский состав включал одного профессора заведующего кафедрой (по штату 3), 11 профессоров кафедры (8), доцентов, заведующих кафедрами не было (12), ассистентов и преподавателей – 14 (7), два старших преподавателя (1). Всего в институте работало 28 преподавателей, тогда как по штату было положено 33. 13 преподавателям разрешалось внутривузовское совместительство.

Кроме того, в институте трудилось трое старших лаборантов (3), 7 лаборантов (2), 1 старший препаратор (1), 6 препараторов (6) и прочих УВП – 10 (10)⁶²¹. Из приведенных данных видно, что штат ППС был укомплектован не полностью. Среди заведующих кафедрами вообще отсутствовали доценты. Зато количество ассистентов и преподавателей вдвое превышало штатное расписание. Положительным было лишь то, что количество профессоров было больше необходимого по штату. В УВП имелся переизбыток лабо-

рантов. Такой состав преподавателей не удовлетворял требованиям высшей школы. В МГМИ необходим был значительный прорыв в формировании профессорско-преподавательского персонала.

В августе 1939 г. по сравнению с началом 1938/39 учебного года увеличился штатный состав ППС с 37,5 единиц до 41,5, а учебно-вспомогательного персонала – с 22 до 27 единиц. Рост штатных единиц произошел из-за увеличения студенческого контингента, часов по отдельным дисциплинам, организации дневного отделения горного факультета. Объем работы кафедр сократился с 27,8 тысяч часов до 26,7 тысяч часов. Средняя учебная нагрузка на преподавателя уменьшилась с 670 до 650 часов⁶²².

Всего в институте действовало 17 кафедр. В них входили: один заведующий кафедрой, профессор, 13 заведующих кафедрой, доцентов, 11 доцентов, пять старших преподавателей, один ассистент, четыре преподавателя. Всего 35 человек. По совместительству работало 11 доцентов, два старших преподавателя. Всего 13 человек. В УВП насчитывалось девять старших лаборантов, восемь лаборантов, восемь старших препараторов, два препаратора. Всего 27 человек⁶²³. О распределении преподавателей и сотрудников по кафедрам можно узнать в приложении 3.

В ноябре 1939 г. в МГМИ работало 34 преподавателя, в том числе пять доцентов, четыре кандидата наук и один и.о. профессора⁶²⁴. Если сопоставлять эти сведения с показателями прошлых лет, то изменения произошли разительные. Количество преподавателей в том году значительно увеличилось. Лишь не доставало профессоров.

Динамика роста ППС показывала, что институт неуклонно продвигался к намеченной цели. По сравнению с 1932 г., когда под названием горно-металлургический институт работали филиалы свердловских институтов, численность преподавателей увеличилась в 5 раз. По данным В.М. Огиевского, контингент профессорско-преподавательского состава за период 1932 по 1939 гг. выглядел следующим образом: 1932 г. – 9, 1933 г. – 11, 1934 г. – 13, 1935 г. – 14, 1936 г. – 17, 1937 г. – 21, 1938 г. – 35, 1939 г. – 45⁶²⁵ (см. рис. 5.1).

По мнению руководства МГМИ, лучшими преподавателями в институте считались: заведующий кафедрой физики кандидат наук, доцент П.Д. Корж, преподаватель кафедры высшей математики – депутат горсовета Г.С. Василенко (геройски отдавший жизнь на фронте в войне с гитлеровской Германией), заведующий кафедрой химии кандидат наук, доцент Н.Н. Лапин, старший преподаватель этой кафедры В.С. Темянко, преподаватели кафедры сопротивле-

ния материалов В.И. Егоров и кафедры графики А.Г. Пассовский⁶²⁶. На них равнялись другие преподаватели. Именно эти педагоги создавали славу института, их всегда вспоминали выпускники.

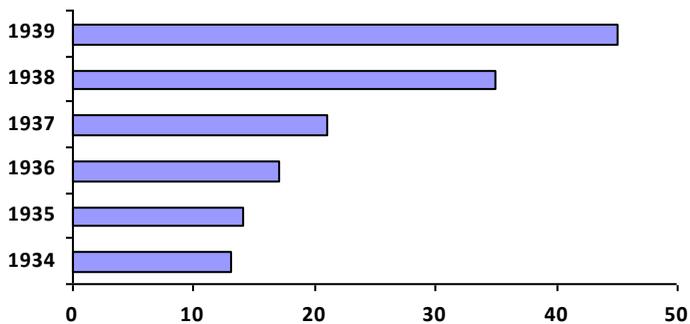

Рис. 5.1. Динамика численности ППС МГМИ за 1934-1939 гг.

Рабфак при МГМИ работал хорошо. Это видно из приказа по ГУУЗ НКЧМ от 8 мая 1939 г. За отличную постановку учебной работы и высококачественную подготовку из рабочих и крестьян, необходимых для высшей школы кадров, были премированы 600 рублями А.Б. Баян, преподаватель истории, помощник заведующего учебной частью нацменного отделения и Г.И. Крюкова, преподаватель русского языка и литературы⁶²⁷.

Итак, проведенное исследование показало, что формирование профессорско-преподавательского состава в институте шло непросто. В кадровой деятельности руководства института прослеживались следующие тенденции. На начальном этапе развития МГМИ ни количественный, ни качественный состав ППС не отвечал требованиям высшей школы. Собственной аспирантуры не имелось до 1943 г., а возможности повышать квалификацию для преподавателей были ограничены. Преподавателей, прибывавших в МГМИ по направлению ГУУЗа, было явно недостаточно. Лишь в конце 1930-х гг., когда решался вопрос о самом существовании института, стала оказываться существенная помощь центра.

Имевшийся преподавательский состав стремился отдавать свои силы и знания в улучшение образовательной и научно-исследовательской деятельности втуза. В МГМИ стал складываться коллектив единомышленников, способных вывести институт в разряд эффективных втузов.

5.2. Персоналии

История института немыслима без людей, творивших ее. Поэтому важно на основе имеющихся источников дать биографические сведения о некоторых из них, работавших в МГМИ в 1930-е гг. Часть сведений была собрана и опубликована в биографических справочниках и статьях⁶²⁸. Другая часть была помещена в газете «За кадры», в первую очередь, в статьях А.Г. Дегтярева. Новые данные выявлены из архивных источников и периодической печати при работе над монографией.

О деятельности этих людей уже многое рассказывалось в монографии. По отдельным персонам документального материала оказалось много, а по другим – явно недостаточно, а про иных он вообще отсутствует. Однако автор исходил из того, что любая информация о людях, работавших в МГМИ, ценна, и, возможно, в дальнейшем будет дополнена. В связи с тем, что многие преподаватели работали в течение ряда десятилетий, решено публиковать персоналии только один раз на начальном этапе их деятельности в МГМИ.

Бахтинов Борис Петрович

Борис Петрович Бахтинов родился в 1904 г. В 1921-1925 гг. трудился на Нижне-Уфалейском металлургическом заводе рабочим, чертежником. В 1930 г. окончил Уральский политехнический институт. В 1932-1956 гг. – на Магнитогорском металлургическом комбинате. В 1932 г. был назначен начальником вальце-токарного цеха и главным калибровщиком ММК, а с января 1937 г. стал одновременно вести педагогическую работу в МГМИ. Крупный специалист-новатор прокатного производства, известный калибровщик, он оказал большое влияние на подготовку инженеров-прокатчиков и формирование магнитогорской школы калибровщиков.

Б.П. Бахтинов один из первых отечественных ученых-практиков в области калибровки профилей и прокатных валков, технологии прокатного производства. В годы войны решил одну из труднейших задач процесса непрерывной прокатки фасонных профилей, необходимых для танковой и других отраслей оборон-

ной промышленности. Благодаря этому, в машиностроении были высвобождены тысячи токарных станков, выпуск боевой техники многократно увеличен и ускорен. При его участии в июле 1941 г. впервые в мировой практике была освоена прокатка броневых листов на блюминге № 3, что резко ускорило обеспечение танковой промышленности металлом. На ММК организовал вальцетокарное производство, шаблонно-резцовое хозяйство, сложный процесс расточки валков для прокатки фасонных профилей.

В апреле 1943 г. за крупные достижения в области калибровки и выполнение особо важных правительственных заданий доценту-совместителю кафедры обработки металлов давлением Б.П. Бахтинову была присуждена Сталинская (Государственная) премия СССР. Это был первый преподаватель института, который стал лауреатом Государственной премии. На кафедре ОМД он работал до 1 июня 1956 г., когда был переведен в Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии заведующим лабораторией ОМД.

Он создал курс калибровки прокатных валков. Последователи его метода трудились на разных заводах страны. Б.П. Бахтинов постоянно можно было видеть в кругу вальцетокарей на производстве и в Доме техники, на рабочих собраниях и совещаниях. Он был человеком творческого труда, всегда в поиске нового. Автор печатных работ, в том числе нескольких монографий.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени (дважды), Красной Звезды, «Знак Почета», медалями⁶²⁹.

Баян Абдрахман Баянович

Абдрахман Баянович Баян, был направлен в институт Магнитогорским горкомом ВКП(б) в 1934 г. Являлся преподавателем, руководил рабфаком МГМИ. В последующие годы А.Б. Баян работал секретарем партбюро института, преподавателем, директором библиотеки, вел активную общественную работу. Только четыре года он отсутствовал в институте. Когда началась Великая Отечественная война, Абдрахман Баянович ушел защищать Родину. В рядах Красной Армии сначала гнал фашистских захватчиков с советской земли, а затем освобождал Бухарест, Будапешт, Прагу. Награжден боевыми орденами и медалями СССР⁶³⁰.

Безденежных Алексей Андреевич

Киров).

Алексей Андреевич Безденежных родился в 1893 г. в г. Малмыж Кировской области. С 18 лет принимал активное участие в революционной деятельности. За политическую неблагонадежность был административно выслан на три года в Вятскую губернию. Участник Первой мировой войны. После установления советской власти принимал активное участие в формировании и работе советских органов в Вятской губернии (города Советск, Омутнинск,

В 1928 г. был помощником директора Омутнинского металлургического завода, откуда был командирован на учебу в Ленинградский политехнический институт. С 1928 по 1932 гг. он обучался в Ленинградском политехническом институте на металлургическом факультете по специальности «производство стали». После окончания института и аспирантуры получил ученую степень кандидата технических наук и ученое звание доцента.

В январе 1937 г. ГУУЗ Наркомтяжпрома командировал его в МГМИ из Ленинградского индустриального института для чтения специального курса по металлургии стали. С августа 1937 по июнь 1939 гг. работал в МГМИ в должности и.о. директора института и рабфака и заведующего кафедрой металлургии стали. С июня 1939 по июль 1941 гг. – он заведующий кафедрой металлургии стали. В годы Великой Отечественной войны являлся одним из активнейших участников в деле освоения и внедрения в производство выплавки брони для танков в большегрузных мартеновских печах. Руководил мартеновской группой броневое бюро с июля 1941 по июнь 1946 гг. и по совместительству заведовал кафедрой металлургии стали МГМИ.

Как писал директор ММК Г.И. Носов, А.А. Безденежных являлся одним из активных участников освоения и внедрения в производство выплавки брони для танков в 185 и 350 т основных мартеновских печах. Длительный контроль, руководство и наблюдение за выплавкой танковой брони позволили совместно с другими инженерами ММК глубоко понять особенности скрап-рудного процесса в большегрузных мартеновских печах, разработать и обосновать технологический процесс, обеспечивающий массовое производство основной танковой брони в мартеновских печах американского типа. Этим самым была решена сложная проблема передачи больших количеств хромистого скрапа, использование которого в

мартеновской выплавке связано с общеизвестными технологическими трудностями.

В научно-исследовательской работе его привлекали проблемы кристаллизации стали. Им впервые в СССР проделаны опыты непрерывной разливки стали в изложницы с подвижным дном, начата разработка этого способа беслиткового изготовления стальных заготовок в большом масштабе. В сентябре 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию.

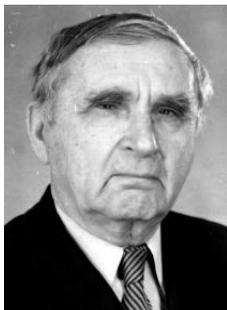
С сентября 1948 по март 1955 г. являлся директором МГМИ. Руководя институтом, заведая кафедрой металлургии стали, А.А. Безденежных проявил себя хорошим организатором, неутомимым работником, отзывчивым товарищем.

Большим авторитетом пользовался Алексей Андреевич среди рабочих и инженеров-сталеплавильщиков Магнитогорского металлургического комбината. С глубоким уважением и сердечной теплотой говорили о нем инженеры-металлурги, выпускники института.

А.А. Безденежных проводил большую работу по организации лабораторий института, переоборудованию здания института и студенческих общежитий, укомплектованию института педагогическими кадрами. В МГМИ А.А. Безденежных характеризовали как вдумчивого, внимательного педагога, всегда умеющего находить пути к передаче студентам своих знаний. Он проявил себя как крупный ученый: выполнил более 30 научно-исследовательских работ и внес ценный вклад в науку о производстве стали. Избран членом РК, ГК КПСС, и в другие выборные органы.

А.А. Безденежных был награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», значками и Почетными грамотами Наркомчермета. В 1958 г. А.А. Безденежных ушел на пенсию⁶³¹.

Бояршинов Михаил Иванович

М.И. Бояршинов родился 20 ноября 1904 г. в селе Сыростан, Оренбургской губернии. В 1925 г., окончив техникум, начал трудовую деятельность на Златоустовском металлургическом заводе. В 1930 г. окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «горячая обработка металлов». По окончании института его оставили на научной работе при институте. В этом же вузе в 1935 г. защитил

защитил кандидатскую диссертацию, работал доцентом кафедры прокатки черных металлов. В 1938 г. М.И. Бояршинову было присвоено ученое звание профессора.

В довоенный период научные труды М.И. Бояршинова были посвящены совершенствованию технологии и оборудования рельсобалочных и листопрокатных станов. В годы Великой Отечественной войны он активно включился в организацию производства танковой брони на Магнитогорском металлургическом комбинате. Послевоенные исследования касались, в первую очередь листового производства и были связаны с горячей и холодной прокаткой листов на непрерывных станах. Большой цикл научных трудов М.И. Бояршинова посвящен созданию технологии и калибровок новых отечественных и зарубежных проволочных станов.

В 1938 г. М.И. Бояршинов был командирован в Магнитогорский горно-металлургический институт на должность заведующего только что созданной кафедры обработки металлов давлением. Вся творческая, научно-педагогическая деятельность М.И. Бояршинова оказалась связана с этой кафедрой, которую он бессменно возглавлял 43 года.

Во время Великой Отечественной войны и вплоть до 1946 г. параллельно с преподавательской работой М.И. Бояршинов руководил прокатным сектором броневое бюро Магнитогорского металлургического комбината. При его содействии и консультациях была воплощена в жизнь идея инженера Н.А. Рыженко о прокате танковой брони на новом блюминге №3.

Михаил Иванович вел активную работу по творческому содружеству с предприятиями, руководил объединенными исследовательскими группами на ММК и ММЗ.

Многoletние работы М.И. Бояршинова по изучению теории и технологии листопрокатного производства отражены в более чем 200-х статьях, книгах и авторских свидетельствах на изобретения.

Учениками М.И. Бояршинова считают себя доктора технических наук, профессора В.М. Салганик, П.И. Денисов, Б.А. Никифоров, М.Г. Поляков, Н.В. Литовченко и другие.

М.И. Бояршинов всегда вел активную общественную работу. Председатель местного комитета МГМИ, секретарь партбюро броневое бюро ММК, депутат городского и районного Советов народных депутатов, многолетний руководитель семинара сети политпросвещения, активный лектор общества «Знание» М.И. Бояршинов был награжден орденом «Знак Почета», медалями, в том числе, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Основные научные труды: Технический процесс в технологии прокатного производства. Свердловск, 1960; Рафинирующие переплавы стали и сплавов в вакууме. М., 1979. (В соавторстве); Улучшение качества автоматной стали А-12 // Сталь. 1979. № 11. (В соавторстве)⁶³².

Василенко Георгий Семенович

Георгий Семенович Василенко родился в 1904 г. В 1931 г. окончил физико-математический факультет Кубанского педагогического института и получил квалификацию преподавателя математики.

На педагогической работе он был с 1921 г., а в МГМИ работал с 1932 г. и.о. доцента, заведующим кафедрой. С 1937 по 1939 гг. являлся заместителем директора института по учебной части.

Стройный и энергичный, входил он в аудиторию (где бы это ни было) барачного ли здания, или уже оборудованного учебного помещения и привносил с собой дух высокой культуры. Спокойным голосом он приковывал внимание уставших на работе людей к основе основ инженерного дела – высшей математике. Светлый ум, ясная логика и большое педагогическое мастерство – вот средства, которыми Георгий Семенович приобщал своих учеников к науке.

Чуткий педагог он никогда не ограничивался формальной констатацией пробелов в знаниях того или иного студента. Всегда тактично, дельным советом и методической помощью выводил отстающих на прямую дорогу будущего инженера.

Много сил и энергии отдавал Георгий Семенович организации всего учебного процесса. Работая начальником учебной части, он пропагандировал и организовывал заочное обучение.

Как истинный гражданин Магнитогорска, Георгий Семенович активно участвовал в строительстве нового города. Его можно было видеть на субботниках во время строительства первых доменных и мартеновских печей, на благоустройстве и озеленении новых улиц.

Начитанный, с музыкальной душой, горячо любящий искусство, Георгий Семенович всегда был активным участником культурных мероприятий. Жадно тянулся он ко всем источникам знания и своим примером увлекал товарищей.

Георгий Семенович прекрасно понимал, что хорошо учить может лишь тот, кто сам не перестает учиться. Он решил здесь, в Магнитогорске, подготовить кандидатскую диссертацию по высшей

алгебре. Его план одобрили ленинградские математики. Можно не сомневаться в том, что это было бы выполнено, не помешай война.

Георгий Семенович Василенко меняет мирную математику на расчеты артиллериста-минометчика. В августе 1942 г. под Воронежем, на передовых позициях, в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками он отдал свою жизнь за Родину⁶³³.

Дегтев Григорий Федорович

13 августа 1939 г. ГУУЗ НКЧМ командировал в институт кандидата технических наук Григория Федоровича Дегтева на заведование кафедрой металлургии печей. С января 1940 по июль 1941 гг. он являлся заместителем директора института по учебной и научной работе. В МГМИ работал около двух лет и в самом начале Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию⁶³⁴.

Егоров Вадим Иванович

Вадим Иванович Егоров в 1930 г. по призыву газеты «За индустриализацию» из Донбасса, где он работал сменным инженером на шахте, приехал на «Магнитострой». С тех пор не покидал Магнитку. Он проектировал горное управление, по совместительству преподавал в горном техникуме и в только что создаваемом институте. С 1932 г. Вадим Иванович навсегда связал свою педагогическую и научную судьбу с институтом. В 1955 г. В.И. Егоров защитил кандидатскую диссертацию «Теоретические основы ударного бурения». Его метод ударного бурения принят на вооружение в горнодобывающей промышленности.

К Вадиму Ивановичу можно было обратиться с любым вопросом. Он мог прочитать доклад на природоведческую тему на самом высоком современном уровне.

Около 40 лет Вадим Иванович вносил свой труд, энергию, знания в развитие института, в воспитание и формирование советских инженеров. За хорошую преподавательскую и научную работу Вадиму Ивановичу не раз объявлялись благодарности. В 1971 г. кафедра строительной и теоретической механики проводила его на заслуженный отдых⁶³⁵.

Журавлев Петр Васильевич

Журавлев Петр Васильевич родился в 1906 г. в семье крестьянина-маломощного середняка в д. Андреевка Днепропетровской области. Пережил голод, болезнь тифом. С 1924 г. до 1930 г. работал на железных рудниках Криворожья чернорабочим.

В 1926 г. окончил вечерние курсы по подготовке в вечерний рабочий техникум. В 1927 г. поступил в Криворожский вечерний рабочий техникум. В 1927 г. вступил в ВКП(б). В 1929 г. техникум преобразовали в горный институт, который он окончил в 1931 г.

После окончания института П.В. Журавлева оставили аспирантом на кафедре горной механики в Криворожском горном институте. В 1932 г. окончил курсы в Москве при Московском Высшем инженерном-педагогическом институте по преподаванию марксистской истории техники. В 1936 г. назначен заведующим учебной частью Криворожского горного техникума, оставаясь преподавателем в институте. После ликвидации Криворожского горного института работал в Криворожском горном техникуме в должности директора до 1939 г. В 1939 г. назначен директором МГМИ и рабфака.

В характеристике, данной в МГМИ, отмечалось, что П.В. Журавлев, как руководитель и преподаватель проявил себя с хорошей стороны. С его приходом в институт произошли улучшения всей работы. Активно участвовал в общественной жизни института и города, являясь членом партбюро, членом пленума горкома ВКП(б), депутатом Магнитогорского горсовета.

Он много работал над повышением своей квалификации. В 1943 г. участвовал в выполнении госбюджетной научно-исследовательской работы, на основе которой подготовил кандидатскую диссертацию «Работа центральных осевых вентиляторов на сложную сеть». В 1945 г. в Московском горном институте защитил кандидатскую диссертацию. С этого времени работал доцентом на кафедре спецдисциплин горного дела.

В мае 1946 г. был освобожден от должности директора МГМИ по личной просьбе в связи с состоянием здоровья. В июне 1946 г. был откомандирован в Новочеркасский индустриальный институт на педагогическую работу.

В 1945 г. награжден орденом «Знак Почета» и знаком «Отличник соцсоревнования НКЧМ»⁶³⁶.

Заморуев Георгий Михайлович

Г.М. Заморуев родился 8 марта 1904 г. в городе Екатеринославе (Днепропетровске), на Украине. В 1926 г. окончил Днепропетровский институт народного образования по специальности «химия». В 1929 г. он окончил Ленинградский политехнический институт по специальности «металлургия черных металлов». В 1938 г. по совокупности научных публикаций Г.М. Заморуеву была присвоена ученая степень кандидата технических наук без защиты диссертации. В 1956 г. в Московском институте стали и сплавов Г.М. Заморуев защитил докторскую диссертацию по теме «Структурные изменения поверхностных слоев стальных тел при изнашивании». В 1958 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1938 г. Г.М. Заморуев был приглашен в Магнитогорск заведовать кафедрой металловедения и термической обработки горно-металлургического института. С 1944 по 1948 гг. он занимал должность заместителя директора Магнитогорского горно-металлургического института по учебной и научной работе.

Научные интересы Г.М. Заморуева были связаны с теорией изнашивания металла. Он – создатель методик, внедрение которых в производство способствовало повышению надежности и долговечности деталей горно-металлургического оборудования. Изучение Г.М. Заморуевым технологических особенностей и свойств медистой стали составили научную основу для широкого производства ее на заводах СССР. Исследования Г.М. Заморуева нашли отражение в 67-и научных трудах.

В годы войны Г.М. Заморуев принимал активное участие в освоении производства броневой стали на Магнитогорском металлургическом комбинате, являясь по совместительству заместителем начальника термического сектора спецбюро № 1. Г.М. Заморуев предложил технологию специального процесса термической обработки, позволившую восстанавливать плавки броневой стали, ранее шедшей в брак. Это сохранило многие тысячи тонн легированной стали. Он является также одним из авторов технологии перезакалки валков.

Георгий Михайлович вложил много труда и энергии в организацию и развитие учебной и научной работы кафедры. За короткое время он сумел создать новую кафедру: подобрать преподавателей, оборудовать лаборатории современным оборудова-

нием, развернуть научную работу, и, самое главное, вести учебный процесс на высоком научном и методическом уровне.

Лекции и консультации Георгия Михайловича отличались глубокой содержательностью. Он был эрудированным ученым, человеком большой души, чутким и отзывчивым к людям. Среди учеников Г.М. Заморуева – кандидаты технических наук, доценты И.К. Юдин, Л.С. Ольховой, Д.М. Златоустовский, А.Г. Шулепникова и другие.

Г.М. Заморуев был награжден двумя орденами «Знак Почета», медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Основные научные труды: О теории изнашивания металлов. М., 1946; Формы изнашивания стали при трении скольжения. М., 1953; Изнашивание стали при трении скольжения. М., 1953⁶³⁷.

Заморуева Ирина Николаевна

Ирина Николаевна Заморуева, родилась в 1904 г. В 1938 г. Ирина Николаевна приехала в Магнитку и поступила работать на кафедру металловедения и термической обработки. 36 лет проработала в Магнитогорском горно-металлургическом институте. Ассистент, старший преподаватель, и.о. доцента, доцент, и.о. заведующего кафедрой технологии металлов – вот путь ученого и педагога. Рос институт, творчески росла вместе с ним и Ирина Николаевна. В годы Великой Отечественной войны, помогая фронту, выполняла работу для прокатных цехов ММК по выбору марки стали для пневматических зубил и ее термической обработки. После окончания войны защитила кандидатскую диссертацию в Московском институте стали.

Как у ученого, у Ирины Николаевны был велик объем работы. Она организовала коррозионную лабораторию и лабораторию по технологии металлов, ею выполнено 44 научно-исследовательские работы, из которых 20 опубликованы в печати.

Являясь высококвалифицированным преподавателем, И.Н. Заморуева проводила большую воспитательную работу среди студентов. Она была добрым, требовательным наставником молодежи. Ирина Николаевна являлась научным руководителем стажеров ФПК по кафедре технологии металлов, вела большую учебно-методическую работу по проблеме «Совершенствование преподавания курсов «Технология металлов» и «Материаловедение».

В годы Великой Отечественной войны она была председателем институтской комиссии помощи фронту и руководила сандружиной МГМИ. Вела активную общественную работу – возглавляла совет ветеранов института. С 1948 г. состояла членом общества «Знание». Более 700 лекций на различные темы прочитано ею за это время.

И.Н. Заморуева неоднократно избиралась членом месткома, членом партбюро и парткома МГМИ. Имея специальное среднее музыкальное образование, она в течение многих лет на общественных началах руководила художественной самодеятельностью института. И.Н. Заморуева также была внештатным инструктором горкома КПСС, членом методической комиссии районного общества «Знание», членом художественного совета института.

И.Н. Заморуева награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», значком отличника социалистического соревнования Министерства черной металлургии. Ирина Николаевна носила почетное звание «Ветеран Магнитки»⁶³⁸.

Игнатьев Денис Тимофеевич

Денис Тимофеевич Игнатьев родился в Петербурге в 1886 г. В 1914 г. окончил механическое отделение Петербургского технологического института. Служил в армии в 1914 г. в должности рядового. С 1915 г. – старший судовой механик, производитель работ, начальник строительного отделения, помощник прораба, прораб, помощник паровозного машиниста, машинист паровоза, инженер службы тяги, начальник участка тяги, старший инженер отдела тяги, заведующий технической части холодильника Союзмясо. С 1934 г. работал на строительстве ММК: начальник монтажных работ при строительстве коксового цеха. С 1935 по 1938 гг. он являлся инженером паровозного депо в тресте «Магнитострой». Денис Тимофеевич Игнатьев работал в МГМИ с августа 1938 г. по август 1943 г. в должности доцента кафедры энергетики⁶³⁹.

Киселев Евгений Дмитриевич

Евгений Дмитриевич Киселев родился в 1908 г. в семье народного учителя в Соликамске на Урале. Окончив в 1930 г. Московский институт народного хозяйства им. Плеханова, он начал свою трудовую деятельность в Уралгортресте (г. Свердловск) в качестве инженера-экономиста. Затем работал в горно-рудном

управлении Магнитогорского металлургического комбината и с 27 апреля 1932 г. – директором Магнитогорского горно-рудного института.

С 1938 г. – на дипломатической работе в Наркомате иностранных дел. В 1938-1939 гг. работал в Консульстве СССР в Клайпеде (Литва). В 1939-1940 гг. – в аппарате НКВД СССР. С 1940 г. по 22 июня 1941 г. – Консул-Генеральный консул СССР в Кёнигсберге (Германия). В 1943-1945 гг. – Генеральный консул СССР в Нью-Йорке. В 1945-1948 гг. – политический советник по делам Австрии при Главнокомандующем Центральной группой войск. С 1948 г. по ноябрь 1949 г. – заведующий Балканским отделом МИД СССР. С ноября 1949 г. по 14 июля 1954 г. являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгрии. В 1954-1955 гг. занимал должности заведующего Протокольным отделом МИД СССР и заместителя заведующего II-м Европейским отделом МИД СССР. С 31 декабря 1955 г. по 22 февраля 1958 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Египте. С 22 февраля 1958 г. по 3 августа 1959 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Объединенной Арабской Республике. В 1959-1962 гг. заведовал Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР. С 1962 по 1963 г. – заместитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

Советское правительство высоко оценило заслуги Е.Д. Киселева, наградив его двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Отечественной войны» 2-й степени и медалями⁶⁴⁰.

Корж Павел Диомидович

П.Д. Корж родился 14 декабря 1904 г. в городе Нежине, на Украине. В 1929 г. он окончил Киевский физико-химико-математический институт по специальности «преподаватель физико-математических наук». В 1946 г. в Московском институте стали и сплавов П.Д. Корж защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по теме «Поведение термоэлектродвижущей силы некоторых сплавов». В 1960 г.

П.Д. Корж был утвержден в ученом звании профессора по кафедре физики.

П.Д. Корж – крупный специалист в области спектрального, термоэлектрического и радиометрического методов анализа, широко известный своими работами по изысканию новых физических методов анализа сплавов и руд и применению их в производстве. Ему принадлежит свыше 90 научных трудов.

В результате исследований, проведенных П.Д. Коржем по спектральному анализу, были предложены принципиально новые методы, в частности: метод анализа по изменению длительности свечения линии, визуальный метод спектрального анализа по относительной интенсивности линии элемента в двух пробах. Усовершенствованы существующие методы анализа руд, шлаков, сталей и других материалов. С именем П.Д. Коржа связано развитие нового эффективного метода анализа – термоэлектрического, который нашел применение на многих металлургических и машиностроительных заводах СССР и за рубежом. В последние годы жизни П.Д. Корж совместно с коллегами по кафедре успешно занимался разработкой радиометрических методов анализа и их применением для контроля процессов обогащения и агломерации руд.

Профессор П.Д. Корж – учитель и педагог в лучшем смысле слова. Авторитет его среди студентов и коллег столь же заслужен, как и в ученом мире. Обладая высокой эрудицией в новейших достижениях современной физики, Павел Диомидович терпеливо, внимательно и настойчиво выращивал новые кадры ученых, руководя аспирантами и направляя научно-исследовательскую работу членов кафедры. Этот человек был одарен самым замечательным человеческим достоинством – скромностью, с трудом прикрывавшей его богатейшее внутреннее достоинство. Его знали как специалиста высокого класса и душевного человека.

П.Д. Корж воспитал большую плеяду ученых. Его работы были продолжены научными изысканиями ученых кафедры физики Магнитогорского горно-металлургического института – К.З. Финкиным, М.Н. Штутманом, В.И. Ивановым, Л.М. Велюсом, М.В. Крыловым, И.Н. Гиниатуллиным, А.П. Шадруновой, Г.П. Гуляевой, Ю.П. Кочкиным.

В 1932 г. П.Д. Корж пришел работать на кафедру физики Магнитогорского горно-металлургического института, возглавлял ее в период 1934-1968 гг. С 1947 по 1955 гг. П.Д. Корж был деканом металлургического факультета. Он был также начальником учебной части, проректором по учебной и научной работе.

П.Д. Корж был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Основные научные труды: Стилоскопический метод определения натрия в шамоте и глинах // Известия АН СССР. 1947. № 3; К вопросу о применении термоэлектрического метода для анализа бинарных сплавов. Сборник научных трудов МГМИ. 1948. № 5; О термодвижущей силе некоторых элементов при характеристической температуре. Сборник научных трудов МГМИ. 1954. № 7⁶⁴¹.

Лапин Никонор Никитич

Никонор Никитич Лапин родился в 1904 г. В 1930 г. окончил Смоленский педагогический институт. В 1932 г. окончил аспирантуру при Ленинградском государственном университете. С 1925 г. находился на педагогической работе. В МГМИ начал работать с 1932 г. Кандидат технических наук, доцент Н.Н. Лапин был утвержден первым заведующим кафедрой химии и возглавлял ее до 1946 г.

Это был человек дела и большой души. Им были заложены основы преподавания химических дисциплин для инженеров горной и металлургической специальностей, организованы лаборатории и поставлены первые исследования по тематике, актуальной для металлургии.

Большую работу молодая кафедра провела в Великую Отечественную войну, помогая Центральной заводской лаборатории ММК в решении аналитических задач, важных для того времени. За большую научную и педагогическую деятельность он был награжден медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»⁶⁴².

Михин Максим Кириллович

Максим Кириллович Михин родился в 1900 г. В 1923-1929 гг. учился на горном факультете в Сибирском технологическом институте (г. Томск).

Трудовую деятельность начал в 1915 г. сцепщиком вагонов. С 1919 по 1924 гг. служил в Красной Армии. В 1925-1927 гг. преподавал политическую экономию и экономическую географию на рабфаке. С 1927 по 1929 гг. вел занятия по политэкономии в Сибирском технологическом институте. С 1925 по 1935 гг. работал на Кузнецком металлургическом заводе в качестве старшего прораба, заместителя начальника цеха. В 1936-1937 гг. трудился в качестве заведующего учебной частью металлургического

техникума в г. Енакиево. С 1938 г. стал работать доцентом кафедры металлургических печей в МГМИ.

Он дважды исключался из партии. Первый раз был исключен за участие в антипартийной группировке против втузовского руководства в Томском технологическом институте, но был восстановлен, так как исключившая его группа сама была разоблачена, как антипартийная и антисоветская. Второй раз его исключили из партии в 1935 г. в г. Сталинске (Западная Сибирь) с формулировкой «за участие в троцкистско-зиновьевской контрреволюционной группировке». В 1939 г. был вновь восстановлен в партии.

В МГМИ, где М.К. Михин начал работать с 1938 г., его характеризовали как знающего свое дело инженера-металлурга. Он создал в институте хорошую лабораторию на своей кафедре (контрольно-измерительная аппаратура, огнеупоры). С 1938 по 1946 г. (с небольшим перерывом) был деканом металлургического факультета, а затем до 1954 г. заведовал кафедрой металлургии печей. В 1941 г. являлся заместителем директора МГМИ по учебной и научной работе.

Наряду с педагогической деятельностью работал над повышением своей квалификации и проявлял активность в научно-исследовательской деятельности. Имея хорошие организационно-методические способности, выступал с докладами и лекциями на международные, политические и научно-технические темы как в институте, так и в городе.

В работе был самокритичен, принципиален, добросовестен. М.К. Михин неоднократно избирался председателем местного комитета МГМИ. Его труд отмечен медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», знаком «Отличник соцсоревнования НКЧМ»⁶⁴³.

Пассовский Александр Григорьевич

Александр Григорьевич Пассовский родился в 1904 г. После окончания Одесского индустриального института в 1933 г. А.Г. Пассовский поступил в только что созданный МГМИ на должность преподавателя черчения и начертательной геометрии. С тех пор он непрерывно на протяжении 45 лет обучал будущих инженеров. В 1934 г. Пассовский А.Г. входил в Ученый совет института.

Обладавший незаурядным педагогическим талантом, трудолюбивый, он всегда принципиально относился к студентам и самому себе. Работая старшим преподавателем кафедры графики и начертательной геометрии, прививал у студентов

любовь к этой сложной науке. Не одно поколение инженеров подготовил он за свою долгую педагогическую деятельность⁶⁴⁴.

Перелазный Иван Леонтьевич

Иван Леонтьевич Перелазный родился в семье хлебопашца. Окончил церковноприходскую школу, затем учился в Конотопском и Самарском коммерческом училищах. Как хороший ученик, был командирован за счет Самарского коммерческого училища для изучения химической и текстильной промышленности в Австрии, Германии, Франции, Италии. Был репетитором. Обучение продолжил в Московском коммерческом институте (ныне им. Плеханова) на техническом отделении в 1913 г. и окончил в 1918 г. Принимал активное участие в студенческих демонстрациях, за участие в которых в 1914 г. четыре месяца отсидел в тюрьме «Бутырки».

В эти же годы он работал ночным сторожем, контролером поездов, младшим техником-лаборантом, старшим техником-лаборантом лаборатории главного комитета «Земгора».

После окончания института получил специальность «химик-аналитик по текстильной промышленности». Хорошо владел немецким и французским языком.

С 1918 г. работал инженером-инструктором текстильной промышленности в Киеве, членом волостного ревкома и волостного исполкома, заведующим отделом народного образования Бердичевского округа Украины, районным инструктором соцвоса и заведующим районной школой Белиловского района Украины. В конце 1920-х гг. преподавал в Конотопских школах, педтехникуме и агроэкономическом техникуме химию, физику, математику. С 1930 по 1935 гг. являлся доцентом химии и заведующим кафедрой химии и технологии металлов в Краматорском институте тяжелого машиностроения.

И.Л. Перелазный был командирован ГУУЗом НКТП в июле 1935 г. в Магнитогорский горно-металлургический институт в качестве заведующего кафедрой физической химии сроком на два года. С 1936 г. стал работать над кандидатской диссертацией.

Как указывалось в характеристике, подписанной директором МГМИ, он являлся опытным педагогом, сумел поставить преподавание физической химии, до него находившееся в очень тяжелом положении, на должную высоту. И.Л. Перелазный организовал лабораторию. По читаемому курсу добился хорошей успеваемости студентов.

В научно-исследовательской работе установил тесную связь с ММК. Работал над актуальной темой «Искусственное окисление

Карагандинских, Челябинских, Кизеловских и Прокопьевских углей кислородом воздуха при повышенной температуре». Неоднократно за свою деятельность поощрялся директором МГМИ.

Из характеристики 1940 г. явствовало, что И.Л. Перелазный являлся хорошим преподавателем, по отзывам студентов и педагогов. Хорошо вел научно-исследовательскую работу и повышал свою квалификацию. Активно участвовал в общественной жизни института: входил в состав месткома и бюро СНР. Он был избран депутатом районного совета депутатов трудящихся и введен в состав райисполкома. Характеристика заканчивалась словами председателя месткома М.И. Бояршинова: «Все это характеризует его как активного, честного и хорошего работника».

С 20 июля по 14 сентября 1941 г. И.Л. Перелазный должен был быть в отпуске. Но началась война. В институт он не вернулся. Поэтому приказом директора МГМИ его посчитали выбывшим из института с 31 декабря 1941 г. В приказе ВКДВШ от 8 апреля 1942 г. было указано «освободить доцента Перелазного И.Л. от должности и.о. заведующего кафедрой теории металлургических процессов МГМИ, как не вернувшегося из отпуска». Жизнь его оборвалась трагически. Будучи в отпуске на юге в начале Великой Отечественной войны, он был схвачен и замучен фашистами⁶⁴⁵.

Попов Сергей Иванович

С.И. Попов родился 18 января 1908 г. в селе Топорнино, Уфимской губернии. Трудовую деятельность С.И. Попов начал в 14 лет сначала учеником, а затем карамельщиком на кондитерской фабрике в г. Стерлитамаке. Он поступил на рабфак в Донской политехнический институт (Новочеркасск).

В 1930 г. после окончания института с присвоением квалификации «горный инженер» его направили на работу в Краснодонское рудоуправление. Там он работал начальником участка, заместителем заведующего шахтой, заместителем главного инженера рудоуправления.

В 1934 г. Сергей Иванович переходит на преподавательскую деятельность в горный техникум в г. Скопин. Был назначен заведующим учебной части и читал курс «Подземная разработка угольных месторождений».

С.И. Попов активно занялся решением крупных научных и практических задач, связанных с устойчивостью бортов карьеров и

отвалов. Результаты этих работ были широко апробированы и внедрены на горных предприятиях Урала. В 1946 г. в Московском горном институте защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исследование устойчивости карьерных отвалов». В 1960 г. в этом же институте защитил докторскую диссертацию по теме «Устойчивость бортов рудных карьеров». В 1962 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Большое влияние на становление С.И. Попова как ученого оказал С.Ф. Шешко.

С.И. Попов являлся крупным специалистом в исследовании устойчивости откосов горных массивов. Он – автор свыше 137-и научных работ, в том числе двух монографий.

Его научный и практический вклад выразился в разработке новых методов устойчивости и способов укрепления откосов горнотехнических сооружений, систематизации деформаций карьерных откосов и их классификации, совершенствовании технологии открытых горных работ. Результаты научных разработок и изобретений С.И. Попова были внедрены на предприятиях Урала и Сибири: Сибайском, Учалинском, Соколовско-Сарбайском горно-обогатительных комбинатах, горно-обогатительном производстве Магнитогорского металлургического комбината. Только за 1975-1980 гг. под его руководством выполнены научные работы, давшие экономический эффект 800 тыс. руб.

За долгий период служения науке Сергей Иванович установил контакты практически со всеми работниками крупнейших карьеров страны. Научные исследования аспиранты и сотрудники его кафедры вели на карьерах Сибири, Казахстана, Узбекистана, Хакассии, Тувы, Азербайджана и, особенно, на карьерах Урала.

На протяжении длительного времени С.И. Попов был членом нескольких специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, членом Высшей аттестационной комиссии СССР, членом методической комиссии Минвуза РСФСР. Под его научным руководством были защищены 58 кандидатских и три докторские диссертации.

С 1937 г. С.И. Попов работал в Магнитогорском горно-металлургическом институте сначала горным инженером на кафедре специальных дисциплин горного дела, с 1955 г. – заведующим кафедрой горных машин и рудничного транспорта. С 1939 по 1949 г. являлся деканом горного факультета. В 1960 г. С.И. Попов стал первым заведующим кафедрой открытой разработки месторождений полезных ископаемых, которой руководил в течение 18-и лет.

За активную трудовую и научную деятельность С.И. Попов был награжден пятью медалями и знаками «Отличник черной металлургии», «Отличник высшей школы».

В то же время он всегда был дружен со спортом: в свои 40 лет был чемпионом города и области по теннису, кандидатом в мастера спорта по шахматам, в соревнованиях по которым участвовал до конца своей жизни, и безумно любил горы. В его планы входило покорение 30 вершин двухтысячников Южного и Среднего Урала. Выполнение этого плана он завершил восхождением на вершину г. Шихан уже в возрасте 81 года.

Умер С.И. Попов в 1991 г. во время одной из конференций, на трибуне зала Московского горного института, где едва успел сделать свой доклад.

Основные научные труды: Разработка железорудных месторождений открытым способом. М., 1953. (В соавторстве); Вскрытие и система открытых разработок полезных ископаемых. Магнитогорск, 1955. (В соавторстве); Научные основы проектирования карьера. М., 1971; Управление горнотехническими параметрами отвалов. М., 1987 (В соавторстве)⁶⁴⁶.

Слесарев Петр Андрианович

П.А. Слесарев родился в 1888 г. в селе Следнево, Ельницкого уезда, Смоленской губернии. В 1916 г. окончил Томский технологический институт с присвоением квалификации «горный инженер». Работал прорабом, старшим рудника, заведующим Ундирским рудником, заведующим Печерским асфальтовым рудником, инженером ВСНХ Урала, начальником разведочных партий (Томский отдел), заведующим геологическим маркшейдерским отделом г. Омутнинска, начальником Соликамской разведочной партии, техническим руководителем бурового треста, старшим инженером Востокруда.

С 1930 г. являлся и.о. профессора Уральского горного института. В 1934-1935 гг. – главный инженер В.-Камского фосфоритного рудника.

В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1946 г. в Московском геологоразведочном институте защитил докторскую диссертацию по теме «Долота канатно-ударного бурения на карьерных работах Урала».

Направленный на работу в Магнитогорский горно-металлургический институт в 1935 г. в должности исполняющего обязанности профессора, П.А. Слесарев возглавил новую кафедру специальных дисциплин горного дела. С 1935 по 1939 гг. П.А. Слесарев был деканом горного факультета, а с 1939 г. – заместителем директора Магнитогорского горно-металлургического института. С января 1937 г. работал в МГМИ заведующим методическим бюро при заведующем научно-учебной части института.

К апрелю 1947 г. опубликовал 18 отчетов и статей. Кроме того, имел семь рукописных отчетов в отделе фондов Главгеологии и еще восемь рукописных отчетов и статей. Семь научных разработок П.А. Слесарева были внедрены в производство: «Производство буровой дробы на Урале» (1933 г.); «Массовый выпуск станков канатно-ударного бурения на полном гусеничном ходу» (завод «Металлист» – Свердловск в 1933-1934 гг.); «Разрешение вопроса питьевого водоснабжения В.-Камских фосфоритных рудников» (1933-1934 гг.); «Термическая обработка долотьев канатно-ударного бурения на Магнитогорском руднике в электродно-соляной ванне» (1944-1945 гг.) и др.

В 1937 г. выполнил значительную научно-исследовательскую работу «Методы ударного бурения скважин большого диаметра (100-250 мм) буровыми станциями на Уральских горных предприятиях при разработке полезных ископаемых открытыми горными работами и анализ методов и организации работ с точки зрения их рационализации».

Крупный специалист в области бурения, П.А. Слесарев во время войны разработал новую конструкцию буров и, совместно с доцентами В.И. Гридневым и К.Ф. Стародубовым, наладил их термическую обработку.

Как отмечалось в характеристике, П.А. Слесарев проявил себя хорошим методистом и организатором учебного процесса. Он был выдержан, дисциплинирован, инициативен, четко и уверенно вел читаемые им дисциплины.

В 1946 г. в связи с личной просьбой был откомандирован на постоянную работу в Харьковский горный институт.

П.А. Слесарев был награжден медалями, в том числе, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Основные научные труды: К вопросу о форме долот при канатно-ударном бурении скважин // Горный журнал. 1945. № 4; Применение электродно-соляной ванны для термической обработки до-

лотьев // Горный журнал. 1945. № 10; Стойкость долота канатно-ударного бурения // Горный журнал. 1946. № 1⁶⁴⁷.

Смолянинов Вадим Александрович

Смолянинов Вадим Александрович (настоящие фамилия и имя – Смоляников Сергей Александрович) родился 12 сентября 1890 г. в Алапаевске, ныне Свердловской области. Советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1908 г. Родился в семье рабочего. С 1905 г. – рабочий. Вел партийную работу на Урале. Во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. мобилизован в армию, вел революционную работу среди солдат Смоленского гарнизона. После Февральской революции 1917 г. член Исполкома Смоленского совета, член горкома и губкома РСДРП(б). Делегат Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б). В августе 1917 г. член Смоленского ревкома по борьбе с корниловщиной, в октябрьские дни член ВРК. Делегат 2-го Всероссийского съезда Советов. В 1918-1921 гг. председатель Смоленского СНХ, председатель губпрофсовета, член Президиума губкома РКП(б). С апреля 1921 г. помощник, затем заместитель управделами СТО, работал под непосредственным руководством В.И. Ленина. С 1924 г. – управделами СНК РСФСР; с 1927 г. – член, председатель Малого СНК. С 1929 г. начальник строительства Магнитогорского металлургического комбината, заместитель начальника «Востокстали». В 1932-1938 гг. – директор Ленинградского филиала Государственного института по проектированию металлургических заводов. Делегат 8-10-го съездов РКП(б). Был членом ВЦИК. С 1956 г. – персональный пенсионер. В период строительства Магнитогорского металлургического комбината оказал значительную помощь в открытии МГМИ⁶⁴⁸.

Упенек Антон Михайлович

Антон Михайлович Упенек родился в семье рабочих в 1893 г. в Курляндской губернии. Трудовую биографию начал подростком на одном из заводов Риги. Там же приобщился к революционной деятельности. В 1912-1914 гг. он придерживался анархистских взглядов. В годы Первой мировой войны служил в стрелковой дивизии «латышских стрелков».

Вступил в коммунистическую партию в 1917 г. Служил в Красной гвардии. Во время Гражданской войны воевал в Сибири, партизанил. С 1923 г. работал заместителем директора одного из заводов Новосибирска, директором завода им. Ильича в Сталинграде. С 1927 по 1930 гг. учился в промышленной академии им. Сталина в Москве. После ее окончания занимал ответственные посты в городах Ногинске, Донецке.

В 1934 г. из Донбасса был направлен в Магнитогорск. 13 августа 1934 г. Упенек А.М. был назначен директором МГМИ. В июне 1937 г. директор института Антон Михайлович Упенек был исключен из партии с формулировкой «за пособничество врагам народа» и уволен из института в августе 1937 г. Через год 30 сентября 1938 г. был расстрелян. В 1959 г. был реабилитирован⁶⁴⁹.

Целинский Александр Аркадьевич

Александр Аркадьевич Целинский родился в 1884 г. в Полтавской губернии в с. Лучке.

В 1905 г. окончил ремесленное училище и поступил в Харьковский технологический институт на механическое отделение, который окончил с отличием в 1911 г. С 1912 г. занимался педагогической деятельностью в Златоустовском техникуме, являлся заведующим учебной частью Конотопского техникума, заведующим учебной частью Гомельского техникума.

С 1930 г. работал доцентом Гомельского машиностроительного института – вел занятия по начертательной геометрии, с 1932 г. в этом институте преподавал курс «Детали машин и грузоподъемные механизмы».

С сентября 1936 г. стал работать в МГМИ. Как сказано в характеристике, он показал себя хорошим лектором. А.А. Целинский как педагог проявил широкую эрудицию, хорошо знающий организацию и методику педагогического процесса и

прекрасно владеющий курсом прикладной механики. Он обеспечивал умелое руководство кафедрой прикладной механики, пользовался авторитетом среди преподавателей. Ему пришлось создавать новую кафедру, подбирать преподавателей, оборудовать кабинеты и лаборатории, организовывать научно-исследовательскую работу. И все это проводилось после учебных занятий со студентами. Тринадцать лет этот ученый отдал МГМИ.

В 1945 г. получил ученое звание доцента. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»⁶⁵⁰.

Чистота Василий Демьянович

Василий Демьянович Чистота родился 11 января 1912 г. Василий Демьянович – сын медника, поступил в университет в 21 год, имел за плечами учительство в сельской школе и работу на небольших заводах в Чувашии и Башкирии. Высшее образование получил в Молотовском (Пермском) государственном университете на химическом факультете, который окончил в 1938 г. получив квалификацию «химик-органик».

С 1938 г. Василий Демьянович Чистота работал в МГМИ. На кафедре химии МГМИ с первых дней читал лекционные курсы, вел лабораторные занятия. В декабре 1938 г. Василий Демьянович был призван на срочную службу в ряды Красной Армии. В институт он вернулся в декабре 1940 г. Великую Отечественную войну прошел практически от первого до последнего дня. Был капитаном артиллерийских войск. После окончания войны возвратился в МГМИ. Орден Красной Звезды и медали – награда Родины за ратный подвиг.

С июля 1949 г. он стал старшим преподавателем, в 1956 г. защитил диссертацию на тему «Влияние адсорбционно-активной среды на величину усилия волочения стальной проволоки». В 1957 г. ему присуждено ученое звание доцента по кафедре общей и аналитической химии. С 7 июля 1964 по 16 мая 1975 гг. он заведовал кафедрой. Василий Демьянович Чистота активно занимался научно-исследовательской работой. С его участием опубликовано с 1938 по 1980 гг. 90 научных и методических трудов. Он руководил аспирантами по специальности «Аналитическая химия». 29 июня 1985 г. Василий Демьянович ушел на заслуженный отдых.

Много труда и энергии отдавал он воспитанию будущих инженеров. Свои научные интересы всегда стремится сочетать с актуальными вопросами, возникавшими на промышленных предприятиях. Как заведующий кафедрой, много внимания уделял на-

учной и методической работе преподавателей, совершенствованию учебного процесса, повышению квалификации работников кафедры.

Принципиальный, непримиримый к недостаткам, настойчивый в осуществлении принятых решений, Василий Демьянович Чистота пользовался заслуженным авторитетом в коллективе кафедры и института. Деятельное участие принимал в общественно-политической жизни института: был членом партбюро, секретарем парткома вуза⁶⁵¹.

Эсман Степан Александрович

Степан Александрович Эсман родился в 1901 г. в крестьянской семье в д. Выгода Слуцкого района Белоруссии, где окончил четырехклассное училище. После революции добровольно пошел в Красную Армию и служил в ней до 1921 г. Будучи в армии, окончил партшколу, а после демобилизации поступил на рабфак, затем в Ленинградский электротехнический институт. В 1931 г., после окончания института, был направлен в Магнитогорск. До 1938 г. работал на ММК электриком, сменным инженером и одновременно готовил на курсах электриков для комбината.

С 1938 по 1947 гг. С.А. Эсман заведовал кафедрой электроэнергетики, в трудные военные годы одновременно работал на ММК. В период с 1938 по 1941 гг. Эсманом С.А. и лаборантом Корчемным М.Н. были созданы курсы «Электротехника» и «Электрооборудование», лаборатории по этим курсам. Под его руководством и при непосредственном участии были смонтированы лаборатории из эвакуированного с Украины оборудования. В послевоенные годы С.А. Эсман продолжил работу по расширению лабораторной базы кафедры.

В 1951 г. С.А. Эсман защитил кандидатскую диссертацию, а в 1953 г. получил звание доцента. Он был первым в институте ученым-электриком, кандидатом технических наук, первым доцентом на кафедре электротехники и первым в МГМИ начал научные исследования по электроприводу. Уйдя на заслуженный отдых, Семен Александрович продолжал поддерживать связь с кафедрой и количество учеников, последователей его дела продолжало расти⁶⁵².

Имеющиеся биографические сведения о преподавателях МГМИ показывают насколько интересен и значителен их жизненный путь. Даже неполные сведения раскрывают особенности каждого из них в организации учебного процесса, научной деятельно-

сти, внеучебной работы в институте в 1930-е гг. Это были новаторы, крупные специалисты по отдельным отраслям науки и техники. Они прошли сложный, но интересный жизненный путь. Их вклад в становление и развитие МГМИ бесценен.

Как показало исследование проблемы управления персоналом, формирование профессорско-преподавательского состава проходило непросто, особенно в начале деятельности МГМИ. Прслеживаются следующие тенденции. Единицы преподавателей имели ученые степени и звания. Возможностями подготовки высококвалифицированных кадров через аспирантуру институт не обладал. Преподавательский состав был перегружен учебной работой, научных командировок выделялось мало. Приходилось лишь рассчитывать на направление в институт уже остепененных преподавателей из центра. Однако в сложных условиях администрации МГМИ все же удалось преодолеть трудности и создать сплоченный коллектив, готовый отдавать свои знания и талант в подготовку хороших специалистов.

Материалы персоналий, собранные по крупицам из различных источников, в том числе впервые из архивных документов, раскрывают особенности профессорско-преподавательского состава, личные качества ученых и педагогов. К сожалению, не все они всесторонне показывают вклад каждого преподавателя в развитие института. В будущих исследованиях можно будет восполнить эти пробелы.

Заключение

Исследование истории Магнитогорского горно-металлургического института на начальном пути его развития показало, насколько сложным и противоречивым было становление МГМИ. Преобладающей тенденцией на этапе зарождения института являлось стремление руководства города, металлургического комбината и института создать учебное заведение, отвечающее всем требованиям высшей школы. На первых порах удалось открыть филиалы свердловских вузов, что позволило начать подготовку специалистов. Однако этого было явно недостаточно. Отсутствие минимальных условий для учебы превращало обучение в профанацию. Все заинтересованные лица хорошо понимали, что требуется коренная перестройка структуры МГМИ, создание самостоятельного высшего учебного заведения. И этого удалось добиться.

Следующий тренд. Постепенно усилиями администрации и всего небольшого коллектива решались важнейшие задачи по сохранению втуза. С 1934-35 учебного года коренным образом перестраивался учебный процесс, менялась структура учебных подразделений. Фактически на голом месте создавались новые кафедры, устанавливалась вертикаль взаимоотношений администрации и кафедр.

В организации образовательной деятельности прослеживались такие важные тенденции. Руководство института прилагало немало сил по борьбе с высокой текучестью студенческого контингента. Это было вызвано в первую очередь низкой базовой подготовкой абитуриентов. Уровень школьного образования не соответствовал требованиям высшей школы.

Отсев наблюдался в основном на первых-вторых курсах. Среди других причин отчисления были: бытовая неустроенность студенческой молодежи. Для вечернего отделения остро стояла проблема сверхурочных работ на производстве, транспортные вопросы, неумение организовать свое личное время для подготовки к занятиям, а иногда, столкнувшись с первыми трудностями, и отсутствие желания продолжать учебу.

Успеваемость в те годы в целом была неплохой, все же поступившие в институт стремились хорошо учиться. Не у всех это получалось, но настроен на получение качественного образования преобладал в студенческой среде. Студенты дневного отделения имели больше возможностей самореализоваться, но и среди вечерников имелось немало студентов, стремившихся в силу своих способностей, получить не только диплом о высшем образовании,

а глубокие знания, которые можно было применить на производстве.

Из таких студентов вышли талантливые руководители и ученые. Институт гордится теми выпускниками, кто занимал большие управленческие должности и проявили себя, говоря современным языком, эффективными менеджерами. Некоторые выпускники тех лет стали докторами и кандидатами наук. Получив навыки научно-исследовательской работы, и, проявив незаурядные способности, они обогатили науку своими открытиями и изобретениями.

Исходя из документального материала, можно выявить следующие тенденции в развитии научной работы в МГМИ. С первых дней открытия втуза неотъемлемой составляющей всей деятельности коллектива становится научно-исследовательская работа. Пока еще только формировались научные направления, отсутствовали значимые исследовательские работы, не были налажены действенные связи с Магнитогорским металлургическим комбинатом. Однако явственно проявлялось желание и потребность работников института заниматься этим важным участком работы. Многие в научной работе зависело от наличия ученых, имевших ученые степени и звания, а их, к сожалению, было явно недостаточно.

В начальный период существования института приходилось мириться с ограниченными возможностями материально-технического оснащения, финансовыми затруднениями. Администрация втуза совместно с профессорско-преподавательским составом вложили немало сил для того, чтобы превратить МГМИ в современное учебное заведение. Первые учебные лаборатории и кабинеты создавались своими руками. Немало энергии и сил ушло на приобретение лабораторного оборудования.

Из совершенно непригодного учебного здания, в котором начинался первый учебный год, МГМИ получил новый учебный корпус несколько лучше, чем раньше, но далеко неприспособленный для организации нормального учебного процесса в условиях увеличения контингента и расширения материально-технической базы. Институтом предпринимались попытки по организации строительства нового учебного здания, но они не увенчались успехом.

Анализ документального материала показал, что не только материально-техническое оснащение института было недостаточным. Бытовые условия как студентов, так и преподавателей, особенно на первом этапе работы института, были также не идеальны. Проживание в бараках без минимальных удобств отнюдь не способствовало закреплению кадров сотрудников института и вы-

зывало справедливые нарекания студентов. Ремонты помещений лишь частично улучшали жилищно-бытовые условия.

На протяжении 1930-х гг. главной проблемой для МГМИ оставалась проблема обеспечения профессорско-преподавательским составом. Первоначально приходилось обходиться небольшим количеством неостепененных преподавателей. Затем в институт по распоряжению управления учебными заведениями стали прибывать высококвалифицированные преподаватели, но, к сожалению, не в том количестве, которое требовалось для полноценной организации образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Периферийный вуз не имел возможности для подготовки высококвалифицированных кадров на месте. Отсутствие аспирантуры сдерживало стремление и администрации, и преподавателей в подготовке диссертаций. Выделяемые средства на научные командировки по подготовке диссертаций были ограничены. Центр требовал высокой оstepенности, но сам не оказывал помощи в этом важном для дальнейшего развития института деле.

В конце 1930-х гг. назрел кризис. В связи с несоответствием критериям высшего учебного заведения ставился вопрос о закрытии МГМИ. Лишь общими усилиями руководства Наркомата, ММК и МГМИ удалось добиться улучшения деятельности института. В горно-металлургический институт стали прибывать новые преподаватели, больше выделяться средств на научные командировки, подготовку диссертаций. Эти шаги привели к подъему оstepенности профессорско-преподавательского персонала.

В начальный период в институте работали замечательные педагогические кадры. Биографии профессорско-преподавательского персонала дают представление о педагогическом и научном потенциале работников МГМИ. Работая в непростых условиях, преподаватели стойко переносили трудности, повышали качество обучения, вносили весомый вклад в науку и производство. Имена таких преподавателей как П.Д. Корж, Н.Н. Лапин, Г.С. Василенко, Г.М. Заморуев и многих других организаторов педагогического коллектива института остались в памяти студентов тех лет.

В истории института прослеживаются определенные тенденции во внеучебной работе. Учитывая особенность исследуемого периода, следует признать, что преподаватели и студенты активно участвовали в общественно-политической деятельности, прилагали усилия в просвещении населения города по истории науки и техники, в обсуждении важных политических событий.

В 1930-е гг. особую значимость приобретало политическое просвещение как преподавателей, так и студентов. Изучение и пропаганда марксистско-ленинской теории, выступлений И. Сталина, партийных решений стало важнейшим показателем деятельности втуза. Исследование показало, что в этом направлении в институте делалось немало. Однако критические оценки со стороны вышестоящих органов, городской газеты свидетельствовали об отдельных упущениях. К коммунистическому воспитанию молодежи предъявлялись высокие требования. Репрессии второй половины 1930-х гг. не миновали и МГМИ. Из-за необоснованных обвинений пострадали отдельные преподаватели и студенты.

Культурно-массовые и спортивные мероприятия, проводимые в институте, способствовали развитию гармонично развитой личности, воспитанию патриотизма. Молодежь знакомилась с шедеврами мировой культуры, принимала активное участие в кружках художественной самодеятельности. Физкультурно-спортивная работа, участие в оборонно-спортивных секциях готовила физически выносливых студентов, что позволило им в будущем переносить тяготы воинской службы в годы Великой Отечественной войны.

Собранный проанализированный, систематизированный и обобщенный исторический материал позволяет лучше узнать историю развития Магнитогорского горно-металлургического института, увидеть какие задачи решались коллективом, какие находились пути по выходу из кризисных ситуаций. Главное к чему стремился автор – это показать дела и мысли конкретных людей, создававших славу нынешнего университета.

Приложения

Приложение 1

Контингент студентов МГМИ в 1939/40 учебном году

Курс	на 1.09.39	на 1.02.40	на 1.06.40	1.06.40 1.09.39 (%) ^к	На 1.09.39	на 1.02.40	на 1.06.40	1.06.40 1.09.39 (%) ^к
дневное отделение								
	металлургический факультет				горный факультет			
1	56	39	28	50,0	23	20	16	69,6
2	46	46	45	97,8	23	25	25	108,7
3	29	24	22	75,9				
4	23	22	22	95,7				
5	31	28	26	83,9				
всего	185	159	143	77,3	46	45	41	89,1

	вечернее отделение							
	металлургический факультет				горный факультет			
1	50	52	42	84,0	28	25	22	78,6
2	24	22	20	83,3	9	10	10	111,1
3	15	15	18	120,0	7	9	7	100,0
4	18	21	22	122,2	12	13	13	108,3
5	9	11	11	122,2	11	12	11	100,0
6	17	17	1	5,9	9	9	-	-
всего	133	138	114	85,7	76	78	63	82,9
итого	440	420	361	82,1				

Источник: Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 53. Л. 26.

Изменения в розничных ценах на продовольствие в связи с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О снижении цен на хлеб и об отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель» (1935 г.)

ВИД ПРОДУКТОВ	до 1935 г.	09.1935 г.
ржаной хлеб из муки 95% помола (кг)	90 коп.	75 коп.
пшеничный хлеб из муки 96% помола (кг)	1 руб.	90 коп.
пшеничный хлеб из муки 85% помола (кг)	1 руб. 80 коп.	1 руб. 50 коп.
мука ржаная 95% помола (кг)	1 руб. 80 коп.	1 руб. 30 коп.
мука пшеничная 96% помола (кг)	2 руб. 05 коп.	1 руб. 60 коп.
мука пшеничная 85% помола (кг)	2 руб. 60 коп.	2 руб. 20 коп.
макароны 72% помола 1 сорта (кг)	4 руб. 10 коп.	3 руб. 30 коп.
крупа пшено 1 сорта (кг)	1 руб. 95 коп.	1 руб. 85 коп.
крупа гречневая ядрице (кг)	4 руб. 25 коп.	4 руб. 05 коп.
крупа манная (кг)	4 руб. 80 коп.	4 руб. 30 коп.
крупа перловая (кг)	3 руб.	2 руб. 60 коп.
крупа ячневая (кг)	1 руб. 30 коп.	1 руб. 10 коп.
рис первого сорта (кг)	8 руб.	6 руб. 50 коп.
рис второго сорта (кг)	7 руб.	5 руб. 50 коп.
мясо говядина 1 сорт (кг)		7 руб. 20 коп.
мясо говядина 2 сорт (кг)		5 руб. 50 коп.
мясо говядина 3 сорт (кг)		4 руб. 30 коп.
колбаса чайная 1 сорт (кг)		9 руб. 60 коп.
колбаса любительская (кг)		9 руб. 60 коп.
колбаса полтавская (кг)		16 руб.
рыба мороженая судак (кг)		3 руб. 40 коп.
рыба мороженая лещ астраханский (кг)		2 руб. 80 коп.
рыба вобла (кг)		2 руб.
рыба тарань (кг)		1 руб. 40 коп.
сельдь каспийская соленая (кг)		4 руб. 50 коп.
сельдь «Иваси» (кг)		4 руб.
сельдь мурманская (кг)		4 руб.
сахар-песок (кг)		4 руб. 50 коп.
сахар рафинад (кг)		4 руб. 90 коп.
масло животное соленое 1 сорт (кг)		14 руб.

масло животное несоленое 1 сорт (кг)		15 руб. 50 коп.
масло рафинированное подсолнечное (1л)		13 руб. 50 коп.
масло нерафинированное (1 л)		13 руб.

Источник: составлено по: Магнитогорский рабочий. 1935. 27 октября (рассчитано по второму поясу – Челябинская область).

**Штатное расписание профессорско-преподавательского
состава и УВП МГМИ на сентябрь 1939 г.**

Кафедра марксизма-ленинизма – один заведующий кафедрой, один старший преподаватель, два старших преподавателя совместителя, один УВП.

Кафедра иностранных языков – два старших преподавателя, два преподавателя, один УВП.

Кафедра военного дела – один старший преподаватель, один УВП.

Кафедра физкультуры – один старший преподаватель, один преподаватель, один УВП.

Кафедра высшей математики – один заведующий кафедрой, доцент, один доцент, один доцент совместитель.

Кафедра физики – один заведующий кафедрой, доцент, один доцент, три УВП.

Кафедра общей и аналитической химии – один заведующий кафедрой, доцент, один доцент, один доцент совместитель, один ассистент, четыре УВП.

Кафедра механики – один заведующий кафедрой, доцент, четыре доцента, два доцента совместителя, три УВП.

Кафедра энергетики – один заведующий кафедрой, доцент, один доцент совместитель, два УВП.

Кафедра металлургических печей – один заведующий кафедрой, доцент, один доцент, один доцент совместитель, один УВП.

Кафедра металловедения и термообработки – один заведующий кафедрой, доцент, один доцент совместитель, один УВП.

Кафедра пластической обработки металла – один заведующий кафедрой, доцент, два доцента, два доцента совместителя, два УВП.

Кафедра физической химии и теории металлургического производства – один заведующий кафедрой, доцент и один УВП.

Кафедра геологии – один заведующий кафедрой, доцент, два УВП.

Кафедра разработки месторождений – один заведующий кафедрой, доцент, один доцент, один УВП.

Кафедра спецдисциплин горного дела – один заведующий кафедрой, профессор, один доцент, один УВП.

Источник: Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 3, 3 об.

Именной указатель*

- Абдрахманов 168
Абдрахманов 143
Авраменко 190
Агеев А.А. 188, 194
Алимов 155
Альперович И.Б. 155
Андреева И. 155
Артемянко И.И. 18
Архангельский 16
Ахтамова 145
Бабанов А.П. 184, 186
Бабанов П.П. 112, 114
Бабич И.К. 158
Баканов В.П. 33
Бакланов Г.К. 66
Бакулин А.Ф. 152, 158, 184,
186, 188
Бальчевский 105
Банин А.Ф. 159, 187, 188
Барсуков А.М. 112, 115, 118
Барцевская К.Н. 143, 184
Бастраков 46
Бахтинов Б.П. 27, 197, 198
Баян А.Б. 68, 76, 162, 166,
184, 186, 196, 198
Бегимбетов 186
Безденежных А.А. 27, 28, 61,
62, 65, 76, 106, 109, 116, 123,
136, 153, 157, 160, 162, 190,
191, 199,
200
Бекреев Н.В. 188
Беломестнов А.С. 113
Белякевич П.Т. 113, 158
Берман Л.З. 155, 156
Бернштейн В.Б. 37, 82
Бигеев А.М. 95
Битков В.П. 162
Благодарев 46
Богачев 135
Боголюбов 187
Бонами А.И. 158
Боровик 162
Бояршинов М.И. 27, 28, 61,
63, 76, 110, 119, 129, 191,
200, 201
Брызгалова В.М. 20
Бубнов А.С. 16, 17
Букланов 47
Бурцев К.И. 27, 150
Бурылев Н.Г. 64, 157, 189
Бутырский 46
Бучинова 122
Бушуев 151
Валериус К.Д. 12, 19, 156
Василенко Г.С. 18, 19, 23-25,
27, 30-32, 56-58, 61-63, 71, 76,
92, 93, 105, 106, 127, 172,
182-184, 186, 188, 192, 195,
202, 203, 224
Васильев Е.П. 113, 114, 116,
118
Венгеровский Я.С. 63, 71,
183, 186
Виленская Р.Г. 23, 146, 158,
183, 184
Волков Л.А. 27, 90, 112, 114,
116, 117, 119, 190
Волкова Т. 165
Волков А. 163
Воронина Г.А. 158
Гаврилов 20
Галочкина Н. 131
Гапанович Л.С. 156
Гафаров С. 162
Геккель 141
Герасимов Г. 92
Гипелин 58
Глебов 193
Глейзер М.Г. 158

Глинков М.А. 187
Глумаков К. 18
Голубев 108
Голубицкий Ф.И. 143, 156
Гольдштейн Ю.В. 139, 143,
154, 188, 191
Гончаренко 17
Гончарова А.Я. 122, 130
Горин В.К. 191
Горшков И.И. 148
Гостев 164
Грибков А.Н. 162
Григорьева 143
Гриднев В.И. 216
Гугель Я.С. 17
Гун С.Б. 143
Дегтев Г.Ф. 136, 203
Дегтярев А.Г. 7, 115, 122, 197
Дегтярев Н.Д. 191
Дедюхина 145
Денисов В. 62, 108, 123, 151,
160
Денисов П.И. 201
Доброхотов Н.Н. 187
Довгошея И.Г. 67
Дорман 20
Дубинский О.К. 173, 183-185
Дульский Ф.Ф. 57, 58, 194
Дьяченко 190
Евенко 176
Евстафьев 152
Егоров В.И. 18, 20, 23, 28, 30,
196, 203
Егоров 175
Егоров 93
Егоров Н.З. 194
Елькина А.Ф. 151-153, 186
Ермаков П.Д. 188
Ефанов 143
Жандаров С.М. 194
Живайкин И.Г. 148
Журавлев П.В. 66, 78, 162,
204
Журов 76
Завенягин А.П. 51, 70, 71,
115, 117, 144
Заверюха Н.В. 112, 114, 116,
118, 119
Загорец Т.А. 20, 112, 113,
114, 116, 118, 119
Залетнев К.К. 148
Заморуев Г.М. 63, 64, 76, 128,
136, 191, 205, 206, 224
Заморуева И.Н. 77, 167, 178,
206, 207
Захарченко 184
Заякин Д.В. 113, 114
Звирбул А.С. 18
Зебзиев К.В. 32
Златоустовский Д.М. 206
Злобинский 128
Зомова 125
Зурков П.Э. 32
Зюлин 108
Иванов В.Н. 112
Иванов М.М. 28, 113, 114,
116, 118, 119
Ивановский 51
Игнатъев Д.И. 207
Ильин Н.Ф. 23, 183, 186
Ильина А.Ф. 71
Ионов 160
Искаков 152
Иханов 184
Каганович Л.М. 64, 157
Казаков Е.Г. 148
Казаков 185
Калиниченко Л. 158
Каминская Е.И. 57, 188, 194
Канаков 17
Кандыба 160
Карпов А.Ф. 112-114, 118
Карташов Н. 153, 154, 189
Касперович Э.И. 59, 60, 149-
151, 153
Катасонов 136

Катков 17
Кигель Г.М. 128
Киселев Е.Д. 22, 32, 207, 208
Кисельников 166
Клявин Ф.Я. 22, 48
Ковшиков 123
Козенков К.А. 148
Кокарев Н.И. 187
Колмакова 162
Кольцов 184
Комирева 153
Комиссаров И.И. 57, 71, 146,
147, 149, 186
Коноплев А.Л. 108, 123, 129,
131, 179
Константиновский С. 18
Коньков В.А. 155, 159
Коппа П.Ф. 158
Копцева А. 124
Корж П.Д. 19, 23-25, 27-30,
32, 57, 58, 60, 63, 71, 75, 79,
105, 133, 143, 151, 164, 172,
173, 182-184, 186,
188, 193, 195, 208,
209, 224
Корнеенко 47
Коробов П.И. 78, 178
Косенко М.С. 71, 152, 158,
184, 186, 188
Котович 62
Кривобоков В.И. 148
Крумин 34
Крутогин М.И. 18, 56-58, 183
Крутогин 164
Крюкова Г.И. 18, 162, 184,
186, 188
Кузьмицкая М.И. 38
Куклин И.А. 158
Куприянов 47
Курнаков 190
Кусенбаев Т.Н. 128, 165
Кустобаев 122
Кутарев И.П. 184
Кутуев 89, 138
Лазарев Л. 18
Ланин Е.И. 113, 114
Лапин Н.Н. 18, 19, 23, 25, 27-
31, 49, 56, 57, 60, 63, 70, 71,
75, 79, 92, 93, 105, 133, 134,
164, 172, 173, 183, 186, 188,
193, 195, 210, 224
Лапина А.В. 68, 166
Лебедев Н.И. 188
Левицкий В. 47
Лейчук А.Н. 148, 158
Ленин В.И. 141, 143, 161
Ленских 183
Лещинская Е.А. 113
Лившиц 17
Литовченко Н.В. 201
Ломинадзе В.В. 34
Макаев С.В. 91, 113, 114, 116,
118, 147
Мальцев 19
Мамин 122
Маркс К. 143, 161
Матенков А.И. 26
Махалак 165
Махнев Н.Я. 148
Меженный О.С. 11, 24, 112,
114, 116, 119
Межлаук И.И. 147, 176
Мейман К. 156
Менделеев 141
Метельский Л.Л. 156
Мещеряков Б.Ф. 63, 191, 194
Михин М.К. 63, 192, 194, 210,
211
Морозов 19
Москавенко 143
Мурадова 188
Мусяенко 122, 123
Мустафин 184
Мясоедов 194
Надршин С.А. 184, 186
Неволин 38

Никифоров Б.А. 201
Николаев 123
Николаев А.Г. 25
Николаенко С.В. 63, 112, 114,
119, 188
Никольский Н.А. 187, 194
Новиков 48
Носов Г.И. 199
Ньютон 141
Овечкин 150
Огиевский В.М. 126, 195
Огородников 176
Ольховой Л.С. 206
Орджоникидзе С. 58
Орешкина 194
Ошвинцев 34
Павлов В. 18
Павлов И. 142
Павлов 108
Панкратов 191
Панфилов А.И. 64
Панфилов Е.И. 112, 118
Панченко Е.В. 60, 153, 188
Пассовский А.Г. 18, 24, 28-31,
57, 58, 71, 105, 109, 127, 172,
182, 184, 186, 196, 211, 212
Пассовский Б.И. 156
Перелазный И.Л. 57, 59, 60,
63, 162, 186-188, 190, 212,
213
Перк Г.К. 113, 119
Пермяков 122
Петкау Я.Д. 158
Петровский Д. 55, 153, 155
Пискунова М.Н. 113, 114, 118
Поляков К.В. 113, 114
Поляков М.Г. 201
Пономарев Г.С. 186
Попов 193
Попов С.И. 63, 64, 66, 118,
191, 213-215
Потапов 98
Протасов Н.Ф. 108, 123, 130,
166
Прохоров С.В. 194
Прохорчик 148
Прохорчук 38, 47, 51
Радюкевич 47
Раменский В.Г. 31, 183, 184,
186, 188
Рафес 17
Рачкевич 51
Резник Е. 151
Ремизов М.М. 88, 144, 145,
184, 186
Руденко 157
Рудницкий Л. Г. 156
Рудных 38
Рузаева 125
Рыженко Н.А. 201
Рыжков 138
Рябов 151
Савакин 152
Савельев 47, 183
Сагаев 46
Садчиков И. 140-142
Салганик В.М. 201
Салтуп В.А. 186
Самойлов 118
Сапаров И.Л. 184, 186
Сафронов И.Д. 39, 44, 49, 55
Сафронов Л.В. 167
Свистунов А. 98
Сергеев 183
Скакунов А. 147, 151
Скорупа Л.А. 152, 158
Славин 58, 138, 143
Слесарев П.А. 59, 60, 63, 64,
66, 76, 78, 104, 113, 187, 188,
191, 215, 216
Смольянинов В.А. 11, 12, 14,
217
Собачко Е.О. 194
Сорокин 148, 151, 188, 189
Соснин 38, 194

Сталин И.В. 67, 140, 143, 148,
150, 160, 161
Стародубов К.Ф. 216
Стаханов А. 96
Стригулин А.И. 194
Струев 19
Сурин 40
Тайц 108
Тарнавский А. 20, 62, 105,
106
Татьяничева Л. 89, 92, 93,
103
Твердов 19
Темник 152
Темяно В.С. 18, 19, 23, 24,
27-30, 71, 88, 93, 100, 133,
143, 144, 172, 183, 184, 186,
195
Теплов 17
Тетельбаум И.Н. 100, 158
Тимофеев Д.И. 113, 114, 116
Тиховидов А.Ф. 20, 24, 112,
113, 116, 119
Тиховидова Л.М. 191
Тихонов Б. 125
Ткаченко 76
Ткаченко 160
Точинский А.С. 115, 120, 189
Тулупов А.А. 113, 114, 116,
118
Туркеева А.Н. 18
Упенек А.М. 56, 58, 60, 61, 70,
82, 83, 103, 110, 143, 149,
150, 153, 155, 156, 158, 159,
172, 182, 185, 186, 189, 218
Усманов Д.А. 22
Усошин 154
Федоров 65
Федоров 164
Филатова В. 98
Фишер Ф.И. 71, 143, 158, 184,
186
Хазов К.И. 148
Хитаров Р.М. 29, 156
Хлопонин Т.Г. 194
Храбрин 106
Христофоров 190
Целинская 123, 130
Целинский А.А. 57, 60, 63,
105, 186, 187, 188, 191, 218
Ципленков 48
Чаромская П.Л. 156
Черняков И.П. 161
Чистота В.Д. 24, 193, 219, 220
Чистота Л.И. 191
Шалагинов 157
Шацкий 16
Шевчук В. 101
Шешко С.Ф. 214
Шмидт Я.П. 15
Шмырев А.Н. 26, 113, 114
Шнейвас Р.Ф. 19, 20, 23, 69,
90, 113, 114
Шполянский 143
Шулепникова А.Г. 206
Шумков Н.А. 188
Шунников 153
Шурина 73
Щербинин П.К. 113, 114, 118,
119
Щулепников П. 32
Эйнштейн 141
Энгельс Ф. 141, 143, 161
Эсман С.А. 63, 64, 162, 220
Юдин И.К. 206
Юдинцев М.П. 113, 119
Ягнюк 107

*в ряде случаев в текстах документов отсутствуют инициалы

Список сокращений

- АН СССР – Академия наук СССР
БРИЗ – бюро рационализации и изобретательства
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина
ВКДВШ – Всесоюзный Комитет по делам высшей школы
Востокосталь – государственное объединение металлургической, железорудной, марганцевой промышленности восточных районов СССР
ВС – знак «Ворошиловский стрелок»
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
втуз – высшее техническое учебное заведение
ВЦИК РСФСР – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
ВЦСПС – Всесоюзный Центральный совет профессиональных союзов
ГБ НИР – государственная бюджетная научно-исследовательская работа
Гипромез – Государственный институт проектирования металлургических заводов
Главпрофобр НКП РСФСР – Главное управление профессионально-технического образования Народного комиссариата просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
Главруда – всесоюзное объединение по добыче руды
Главтуз ВСНХ СССР – Главное управление технических высших учебных заведений Высшего совета народного хозяйства СССР
горком ВКП(б) – городской комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков
Горпромуч – школа горнопромышленного ученичества
горсовет – городской совет депутатов трудящихся
Госплан РСФСР – Государственный плановый комитет РСФСР
ГРУ – горнорудное управление
ГСО – знак «Готов к санитарной обороне»
ГТО – знак «Готов к труду и обороне»
ГУМП Востока – Главное управление металлургической промышленности Востока
ГУУЗ НКТП – Главное управление учебных заведений Наркомата тяжелой промышленности СССР
ДСО – добровольное спортивное общество
истмат и диамат – исторический и диалектический материализм

ИТР – инженерно-технический работник
КК-РКИ – контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции
коксохимкомбинат – коксохимический комбинат
культпроп – партийный работник, ведавший агитацией и пропагандой
МГМА – Магнитогрская государственная горно-металлургическая академия
МГМИ – Магнитогорский государственный горно-металлургический институт
МГТУ – Магнитогорский государственный технический университет
ММК Магнитогорский металлургический комбинат
МОП – младший обслуживающий персонал
МЦЭС – Магнитогорская Центральная электрическая станция
нарком – народный комиссар
Наркомпищепром – народный комиссариат пищевой промышленности
Наркомпрос – народный комиссариат просвещения
Наркомторг СССР – народный комиссариат торговли СССР
НИР – научно-исследовательская работа
НИС – научно-исследовательский сектор
НКЦМ – народный комиссариат цветной металлургии
НКЧМ – народный комиссариат черной металлургии
НСШ – неполная средняя школа
Обл КК ВКП(б) – областная контрольная комиссия Всесоюзной коммунистической партии большевиков
Облсовнархоз – областной совет народного хозяйства
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом
ОМД – обработка металлов давлением
ООН – Организация Объединенных Наций
ОПИ – Обогащение полезных ископаемых
ОРМПИ – открытая разработка месторождений полезных ископаемых
ОРС – отдел рабочего снабжения
Осоавиахим – общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ПВХО – противовоздушная и химическая оборона
ППС – профессорско-преподавательский состав
пролетстуд – общество помощи пролетарскому студенчеству
Промпартия – «Промышленная партия». По данным следствия, эта антисоветская организация в 1925-1930 годах занималась вре-

дательством в различных отраслях промышленности и на транспорте
рабфак – рабочий факультет
РИС – рудоиспытательная станция
РКИ – рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
СДГД – специальные дисциплины горного дела
СНК СССР – Совет народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик
СНР – секция научных работников
соцгород – социалистический город
Союзвзрывпром – всесоюзное объединение буровых и взрывных работ
Союзкокс – всесоюзное объединение коксохимической промышленности
спецпереселенцы – ссыльные раскулаченные крестьяне
Стройуч – школа строительного ученичества
ТРАМ – театр рабочей молодежи
УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР
Уралобком ВКП(б) – Уральский областной комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков
Уралпроектбюро – Уральское проектное бюро
Уралсовет – Уральский совет депутатов
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗД – фабрично-заводские школы-десятилетки
ФЗО – школа фабрично-заводского обучения
ФЗТК – фабрично-заводские технические курсы
ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества
ЦЗЛ – центральная заводская лаборатория
ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков
ЦК ВЛКСМ – Центральный Комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи
ЦС – Центральный Совет
ЧМЗ – Челябинский металлургический завод
ЭМПИ – эксплуатация месторождений плезных ископаемых

Об авторе

Владимир Викторович Филатов родился в 1951 г. В 1978 г. окончил Уральский государственный университет. В 1992 г. здесь же защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Формирование системы управления колхозами на Урале (конец 20-х – 30-е гг.)». В 2007 г. в Институте истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.». Свою трудовую деятельность начал в 1968 г. рабочим. С 1977 г. – на комсомольской и партийной работе. С 1987 г. работает в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова. С 2004 по 2014 гг. возглавлял кафедру истории и социологии. С 2009 по 2012 гг. являлся деканом факультета экономики и права. С 2014 г. – профессор кафедры истории России МГТУ.

Им опубликовано свыше 150-и научных трудов, в том числе 11 монографий, а также около 50-и учебно-методических работ, среди которых – два учебных пособия с грифом Правительства Свердловской области и одно пособие с грифом уполномоченной организации Российской академией образования. Он являлся научным редактором свыше десяти сборников научных трудов и других изданий.

Сфера научных интересов: история сельского хозяйства Уральского региона во второй половине 1920-х – начале 1940-х гг.; история Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Библиографический список

Введение

- ¹ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982-1983.
- ² XV лет МГМИ: Сборник статей / Под ред. проф. В.М. Огиевского. Магнитогорск, 1947. 57 с.
- ³ История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях / под ред. В.В. Филатова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. техн. ун-та, 2014. 249 с.
- ⁴ МГТУ. Дела и люди. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2009. 143 с.
- ⁵ 80 лет достижений и успеха: 80-летию МГТУ им. Г.И. Носова посвящ.: историко-документальный альманах / Общ. ред. совет: В.М. Колокольцев, Г.С. Гун, С.Н. Павлов и др. – Магнитогорск, 2014. 106 с.
- ⁶ <http://magtu.ru>
- ⁷ Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров / Под ред. Филатова В.В., Ивкиной Т.В. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2014. 263 с.
- ⁸ На передовых рубежах научно-технического прогресса. Доктора наук и профессора МГТУ имени Г.И. Носова (справочник). Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 163 с.; Научная элита. Доктора наук и профессора Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова / под ред. В.В. Филатова. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. – 199 с.
- ⁹ Филатов В.В. История функционирования научных школ в сфере прокатного производства в МГТУ им. Г.И. Носова в 1940-х-начале 2000 годов // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. – 2012. – № 4. – С. 104-107; Филатов В.В. Развитие научных школ в области доменного и сталеплавильного производства в МГТУ им. Г.И. Носова и техническое перевооружение Магнитогорского металлургического комбината (1940-2000 гг.) // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
- ¹⁰ Архитектурно-строительный факультет. Летопись: 1942-2012 // под общ. ред. М.Б. Пермякова, Э.П. Чернышовой – Магнитогорск: МГТУ им. Г.И.Носова, 2012. 120 с.; Время и мы. Кафедра истории и социологии МГТУ. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. 156 с.
- ¹¹ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).

Глава 1

- ¹² Магнитогорск. Краткая энциклопедия / под ред. Б.А. Никифорова. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2002. С. 55. (пуд – 16,38 кг)
- ¹³ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. С. 12.
- ¹⁴ XV лет МГМИ. С. 34.
- ¹⁵ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 21 октября.
- ¹⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 5, 6.

-
- ¹⁷ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 21 октября.
- ¹⁸ Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 138.
- ¹⁹ Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. – Челябинск: Каменный пояс, 2005. Т. 4. С. 61.
- ²⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 5. Л. 375.
- ²¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 5. Л. 302.
- ²² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 5. Л. 5.
- ²³ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 28 октября.
- ²⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.
- ²⁵ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 28 октября.
- ²⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 5. Л. 5.
- ²⁷ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 28 октября.
- ²⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 163, 163 об.
- ²⁹ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 28 октября.
- ³⁰ XV лет МГМИ. С. 48.
- ³¹ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 28 октября.
- ³² XV лет МГМИ. С. 48.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Уральская историческая энциклопедия. С. 138.
- ³⁵ За кадры. 1957. 18 мая.
- ³⁶ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 18 ноября.
- ³⁷ Челябинская область: энциклопедия /гл. ред. К.Н. Бочкарев. – Челябинск: Каменный пояс, 2005. Т. 4. С. 61.
- ³⁸ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. С. 14.
- ³⁹ XV лет МГМИ. С. 10.
- ⁴⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 163.
- ⁴¹ За кадры. 1957. 30 ноября.
- ⁴² Челябинская область: энциклопедия. Т. 4. С. 61.
- ⁴³ <http://magtu.ru>
- ⁴⁴ XV лет МГМИ. С. 47, 49.
- ⁴⁵ За кадры. 1962. 17 ноября.
- ⁴⁶ XV лет МГМИ. С. 35.
- ⁴⁷ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 18 ноября.
- ⁴⁸ Магнитогорский рабочий. 1939. 3 января.
- ⁴⁹ XV лет МГМИ. С. 52-53.
- ⁵⁰ За кадры. 1966. 15 апреля.
- ⁵¹ XV лет МГМИ. С. 54-55.
- ⁵² Денница. 1997. 26 сентября; За кадры. 1957. 30 ноября.

-
- ⁵³ За кадры. 1962. 25 октября.
- ⁵⁴ Магнитогорский рабочий. 1935. 22 июня.
- ⁵⁵ За кадры. 1962. 17 ноября.
- ⁵⁶ Фонд музея МГТУ.
- ⁵⁷ Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината имени В.И. Ленина. М.: Мысль, 1978. С. 60.
- ⁵⁸ Скотт Д. За Уралом: Американский рабочий о русском городе стали. М.; Свердловск, 1991. С. 282.
- ⁵⁹ Уральская историческая энциклопедия. С. 322.
- ⁶⁰ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. С. 41.
- ⁶¹ Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: состояние преступности: Монография. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. С. 304.
- ⁶² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 164, 164 об.
- ⁶³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 163.
- ⁶⁴ Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: ссылка раскулаченных: монография. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. С. 185.
- ⁶⁵ Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е. Указ. соч. С. 54.
- ⁶⁶ Магнитогорский рабочий. 1933. 15 февраля. (1927-1928 г. вплоть до 1929-1930 г. – являлись финансовыми годами. Год начинался 1 октября и заканчивался 30 сентября).
- ⁶⁷ Уральская историческая энциклопедия. С. 138.
- ⁶⁸ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. С. 55-57.
- ⁶⁹ Магнитогорский рабочий. 1933. 6 октября.
- ⁷⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 19. Л. 187-189; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 2 декабря.
- ⁷¹ Аманжолова Д.А. «...Обслуживание национальных меньшинств оказалось ... невероятно сложным». Советская этнополитика в поисках баланса между идеологией и реальностью. Конец 1920-х – 1930-е гг. // [Электронный ресурс]. <http://www.pandia.ru/text/77/435/677.php> (дата обращения 25.11.2014).
- ⁷² Панин Е.В. Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств . 1920-1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М. 2012 // [Электронный ресурс]. <http://netess.ru/3istoriya/121983-1-sozdanie-funkcionirovanie-sovetskih-visshih-uchebnih-zavedeniy-dlya-nacionalnih-menshinstv-1920-1930-e-gg.php> (дата обращения 25.11.2014).
- ⁷³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 152. Л. 34, 36, 39, 40.
- ⁷⁴ Магнитогорский рабочий. 1934. 30 июня.
- ⁷⁵ Челябинская область: энциклопедия. Т. 4. С.61; <http://magtu.ru>
- ⁷⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 34. Л. 164.

-
- ⁷⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 93, 149.
- ⁷⁸ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 2 декабря.
- ⁷⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 1. Л. 1, 2 (в документах часто не указывались имена и отчества).
- ⁸⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- ⁸¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 13 об.
- ⁸² Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 9. Л. 8-15.
- ⁸³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 85, 85 об., 86.
- ⁸⁴ Магнитогорский рабочий. 1933. 22 октября.
- ⁸⁵ Денница. 1997. 27 марта.
- ⁸⁶ МГТУ. Дела и люди. С. 8.
- ⁸⁷ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3. Л. 24.
- ⁸⁸ Магнитогорский рабочий. 1934. 27 января.
- ⁸⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3. Л. 52.
- ⁹⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 9.
- ⁹¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
- ⁹² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 28. Л. 57.
- ⁹³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.
- ⁹⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 85, 85 об., 86.
- ⁹⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 116.
- ⁹⁶ Магнитогорский рабочий. 1933. 3 ноября.
- ⁹⁷ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3. Л. 43.
- ⁹⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
- ⁹⁹ Магнитогорский рабочий. 1933. 3 ноября.
- ¹⁰⁰ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 9. Л. 8-15.
- ¹⁰¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
- ¹⁰² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об., 6, 7, 8.
- ¹⁰³ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.
- ¹⁰⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
- ¹⁰⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

-
- ¹⁰⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
- ¹⁰⁷ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 9. Л. 8-15.
- ¹⁰⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 5.
- ¹⁰⁹ Магнитогорский рабочий. 1933. 28 октября.
- ¹¹⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 об., 6, 7, 8.
- ¹¹¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 85, 85 об., 86.
- ¹¹² Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3. Л. 42.
- ¹¹³ Магнитогорский рабочий. 1933. 3 ноября.
- ¹¹⁴ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 2 декабря.
- ¹¹⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 70.
- ¹¹⁶ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 25. Л. 202-203.
- ¹¹⁷ Магнитогорский рабочий. 1933. 24 декабря.
- ¹¹⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 136.
- ¹¹⁹ Магнитогорский рабочий. 1934. 1 февраля.
- ¹²⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 85, 85 об., 86.
- ¹²¹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3. Л. 29.
- ¹²² Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 9. Л. 8-15.
- ¹²³ Магнитогорский рабочий. 1934. 11 сентября.
- ¹²⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 5.
- ¹²⁵ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3. Л. 34.
- ¹²⁶ Магнитогорский рабочий. 1933. 28 октября.
- ¹²⁷ Магнитогорский рабочий. 1933. 8 октября, 21 октября.
- ¹²⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 75.
- ¹²⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 34. Л. 237.
- ¹³⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 37. Л. 136.
- ¹³¹ За кадры. 1962. 25 октября.
- ¹³² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 27. Л. 35.
- ¹³³ Магнитогорский рабочий. 1934. 14 января.

Глава 2

- ¹³⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

-
- ¹³⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.
- ¹³⁶ Магнитогорский рабочий. 1934. 21 декабря.
- ¹³⁷ Уральская историческая энциклопедия. С. 138.
- ¹³⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ¹³⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об, 13.
- ¹⁴⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
- ¹⁴¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12, 12 об.
- ¹⁴² Магнитогорский рабочий. 1934. 11 сентября.
- ¹⁴³ <http://magtu.ru>
- ¹⁴⁴ МГТУ. Дела и люди. С. 34.
- ¹⁴⁵ МГТУ. Дела и люди. С. 65.
- ¹⁴⁶ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 70.
- ¹⁴⁷ МГТУ. Дела и люди. С. 81.
- ¹⁴⁸ <http://magtu.ru>
- ¹⁴⁹ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
- ¹⁵⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ¹⁵¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.
- ¹⁵² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об.; Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 51.
- ¹⁵³ Магнитогорский рабочий. 1934. 21 октября.
- ¹⁵⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 4. Д. 42. Л. 180.
- ¹⁵⁵ Магнитогорский рабочий. 1935. 3 февраля.
- ¹⁵⁶ Магнитогорский рабочий. 1935. 13 апреля.
- ¹⁵⁷ Магнитогорский рабочий. 1935. 9 апреля.
- ¹⁵⁸ Дела и люди. С. 8.
- ¹⁵⁹ МГТУ. Дела и люди. С. 39.
- ¹⁶⁰ <http://magtu.ru>
- ¹⁶¹ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
- ¹⁶² Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова. Ф. 60. Оп. 2. Д. 13. Л. 36.
- ¹⁶³ Уральская историческая энциклопедия. С. 138.
- ¹⁶⁴ Магнитогорский рабочий. 1936. 2 июля.
- ¹⁶⁵ Магнитогорский рабочий. 1938. 10 мая.
- ¹⁶⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 16. Л. 40-43.
- ¹⁶⁷ За кадры. 1976. 10 июня; МГТУ. Дела и люди. С. 54; 80 лет достижений и успеха. С. 52.
- ¹⁶⁸ МГТУ. Дела и люди. С. 65.

- ¹⁶⁹ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
¹⁷⁰ Магнитогорский рабочий. 1936. 26 июня.
¹⁷¹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 22. Л. 48.
¹⁷² МГТУ. Дела и люди. С. 8.
¹⁷³ 80 лет достижений и успеха. С. 15.
¹⁷⁴ МГТУ. Дела и люди. С. 37; Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 19.
¹⁷⁵ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 30.
¹⁷⁶ Денница. 1998. 26 июня; МГТУ. Дела и люди. С. 52.
¹⁷⁷ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 24. Л. 1, 3.
¹⁷⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 3, 10 об., 29, 29 об.
¹⁷⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 19. Л. 36.
¹⁸⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 4 об., 5, 5 об.
¹⁸¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.
¹⁸² МГТУ. Дела и люди. С. 28.
¹⁸³ Денница. 1997. 27 марта.
¹⁸⁴ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
¹⁸⁵ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
¹⁸⁶ За кадры. 1976. 10 июня; Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 25. Л. 74; МГТУ. Дела и люди. С. 54.
¹⁸⁷ МГТУ. Дела и люди. С. 73.
¹⁸⁸ Денница. 1998. 26 июня; МГТУ. Дела и люди. С. 68.
¹⁸⁹ Денница. 1998. 26 июня; МГТУ. Дела и люди. С. 68, 71.
¹⁹⁰ МГТУ. Дела и люди. С. 108.
¹⁹¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 31. Л. 79, 83.
¹⁹² Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 31. Л. 30.
¹⁹³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 4.
¹⁹⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.
¹⁹⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 32, 32 об.
¹⁹⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 9.
¹⁹⁷ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.
¹⁹⁸ 80 лет достижений и успеха. С. 15.
¹⁹⁹ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
²⁰⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 23.
²⁰¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 3, 3 об.
²⁰² Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).

-
- ²⁰³ Время и мы. Кафедра истории и социологии МГТУ. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. С. 15; <http://magtu.ru>
- ²⁰⁴ Магнитогорский рабочий. 1939. 22 декабря.
- ²⁰⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
- ²⁰⁶ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 9 декабря.
- ²⁰⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об.
- ²⁰⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
- ²⁰⁹ За кадры. 1966. 6 мая.
- ²¹⁰ За кадры. 1966. 15 апреля.
- ²¹¹ Магнитогорский рабочий. 1934. 6 октября.
- ²¹² Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 1. Д. 9. Л. 3, 3 об.
- ²¹³ Магнитогорский рабочий. 1934. 11 сентября.
- ²¹⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 21, 21 об.
- ²¹⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
- ²¹⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 14, 14 об.
- ²¹⁷ Магнитогорский рабочий. 1934. 11 сентября.
- ²¹⁸ Магнитогорский рабочий. 1935. 5 января.
- ²¹⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 12. Л. 5, 5 об.
- ²²⁰ XV лет МГМИ. С.10.
- ²²¹ За кадры. 1983. 6 января.
- ²²² Магнитогорский рабочий. 1935. 27 июня.
- ²²³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 1 об.
- ²²⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2, 2 об, 3.
- ²²⁵ Магнитогорский рабочий. 1935. 10 сентября.
- ²²⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18. Л. 6 об.
- ²²⁷ Магнитогорский рабочий. 1935. 7 апреля.
- ²²⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 1-3.
- ²²⁹ Магнитогорский рабочий. 1937. 3 февраля.
- ²³⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18. Л. 6 об.
- ²³¹ Уральская историческая энциклопедия. С. 138.
- ²³² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. 1-4, 50.
- ²³³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 58-61.
- ²³⁴ Магнитогорский рабочий. 1938. 30 августа.

-
- ²³⁵ За кадры. 1979. 21 июня.
²³⁶ Магнитогорский рабочий. 1939. 27 мая.
²³⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.
²³⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.
²³⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 25.
²⁴⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 325. Л. 68.
²⁴¹ Магнитогорский рабочий. 1939. 23 августа.
²⁴² Магнитогорский рабочий. 1940. 31 июля.
²⁴³ Магнитогорский рабочий. 1940. 14 сентября.
²⁴⁴ Магнитогорский рабочий. 1938. 22 марта.
²⁴⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.
²⁴⁶ Магнитогорский рабочий. 1939. 18 ноября.
²⁴⁷ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.

Глава 3

- ²⁴⁸ Магнитогорский рабочий. 1934. 29 июня.
²⁴⁹ Магнитогорский рабочий. 1934. 8 сентября.
²⁵⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 9 об.
²⁵¹ XV лет МГМИ. С. 10.
²⁵² За кадры. 1966. 15 апреля.
²⁵³ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 89.
²⁵⁴ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 3, 3 об.;
Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 9 декабря.
²⁵⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 9 об.
²⁵⁶ Магнитогорский рабочий. 1935. 5 января.
²⁵⁷ Магнитогорский рабочий. 1934. 6 октября.
²⁵⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 13 об.
²⁵⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 13 об., 14.
²⁶⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9 об., 10.
²⁶¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
²⁶² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
²⁶³ Магнитогорский рабочий. 1934. 11 сентября.
²⁶⁴ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 4. Л. 3, 5.

-
- ²⁶⁵ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 9. Д. 3, 3 об.
- ²⁶⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 9 об.
- ²⁶⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 9 об.
- ²⁶⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.
- ²⁶⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 об.
- ²⁷⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 об.
- ²⁷¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 об.
- ²⁷² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 21, 21 об.
- ²⁷³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 21, 21 об.
- ²⁷⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2, 2 об, 3.
- ²⁷⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 152. Л. 34, 36, 39, 40.
- ²⁷⁶ Магнитогорский рабочий. 1935. 8 июля.
- ²⁷⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 9 об.
- ²⁷⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9 об., 10.
- ²⁷⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 9. Д. 3, 3 об.
- ²⁸⁰ Магнитогорский рабочий. 1934. 6 октября.
- ²⁸¹ За кадры. 1966. 15 апреля.
- ²⁸² Магнитогорский рабочий. 1935. 5 января.
- ²⁸³ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 9. Д. 3, 3 об.
- ²⁸⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
- ²⁸⁵ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 89 об.
- ²⁸⁶ Магнитогорский рабочий. 1935. 16 февраля.
- ²⁸⁷ Магнитогорский рабочий. 1934. 11 сентября.
- ²⁸⁸ Магнитогорский рабочий. 1935. 24 июня.
- ²⁸⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 29 об.
- ²⁹⁰ Магнитогорский рабочий. 1935. 12 августа.
- ²⁹¹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.
- ²⁹² Магнитогорский рабочий. 1935. 10 сентября.
- ²⁹³ За кадры. 1962. 1 ноября.
- ²⁹⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 об.

-
- ²⁹⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
- ²⁹⁶ Денница. 2012. 28 декабря.
- ²⁹⁷ Магнитогорский рабочий. 1935. 2 декабря.
- ²⁹⁸ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 16. Л. 49.
- ²⁹⁹ Магнитогорский рабочий. 1936. 27 января.
- ³⁰⁰ Магнитогорский рабочий. 1935. 9 мая.
- ³⁰¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.
- ³⁰² Магнитогорский рабочий. 1936. 26 июня.
- ³⁰³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 16. Л. 2, 2 об.
- ³⁰⁴ Магнитогорский рабочий. 1936. 28 июня.
- ³⁰⁵ Магнитогорский рабочий. 1936. 18 июня.
- ³⁰⁶ Магнитогорский рабочий. 1936. 6 сентября.
- ³⁰⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-2, 2 об., 5, 5 об.
- ³⁰⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.
- ³⁰⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.
- ³¹⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-2, 2 об., 5, 5 об.
- ³¹¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 202. Л. 37.
- ³¹² Магнитогорский рабочий. 1936. 26 ноября.
- ³¹³ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.
- ³¹⁴ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 22. Л. 41.
- ³¹⁵ Магнитогорский рабочий. 1936. 27 января.
- ³¹⁶ Магнитогорский рабочий. 1936. 28 июля.
- ³¹⁷ Магнитогорский рабочий. 1936. 1 января.
- ³¹⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 202. Л. 37.
- ³¹⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-3.
- ³²⁰ Магнитогорский рабочий. 1937. 10 мая.
- ³²¹ Магнитогорский рабочий. 1937. 11 августа.
- ³²² Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 49.
- ³²³ Магнитогорский рабочий. 1937. 9 октября.
- ³²⁴ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 104, 105.
- ³²⁵ За кадры. 1957. 30 ноября.
- ³²⁶ XV лет МГМИ. С. 45.
- ³²⁷ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 25. Л. 35, 35 об.
- ³²⁸ Магнитогорский рабочий. 1937. 9 октября.
- ³²⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 62.
- ³³⁰ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 31.

-
- 331 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 58-61.
- 332 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39. Л. 1, 1 об.
- 333 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 4 об., 5, 5 об.
- 334 Магнитогорский рабочий. 1938. 1 марта.
- 335 Магнитогорский рабочий. 1938. 16 марта.
- 336 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
- 337 Магнитогорский рабочий. 1939. 2 апреля.
- 338 Магнитогорский рабочий. 1939. 18 марта.
- 339 Магнитогорский рабочий. 1939. 27 мая.
- 340 Магнитогорский рабочий. 1939. 2 апреля.
- 341 Магнитогорский рабочий. 1939. 16 июля.
- 342 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.
- 343 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 9. Л. 13-17.
- 344 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2.
- 345 XV лет МГМИ. С. 45-46.
- 346 Магнитогорский рабочий. 1937. 27 октября.
- 347 За кадры. 1962. 17 ноября.
- 348 За кадры. 1957. 30 ноября.
- 349 Десярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 17 февраля.
- 350 XV лет МГМИ. С. 43-44.
- 351 За кадры. 1966. 15 апреля.
- 352 Магнитогорский рабочий. 1939. 18 ноября.
- 353 За кадры. 1966. 6 мая.
- 354 За кадры. 1957. 30 ноября.
- 355 За кадры. 1962. 13 декабря.
- 356 XV лет МГМИ. С. 10.
- 357 МГТУ. Дела и люди. С. 37.
- 358 Магнитогорский рабочий. 1941. 31 мая.
- 359 Денница. 1998. 26 июня.
- 360 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 32. Л. 69.
- 361 Магнитогорский рабочий. 1937. 10 мая.
- 362 Магнитогорский рабочий. 1937. 11 августа.
- 363 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- 364 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 19. Л. 9.
- 365 Магнитогорский рабочий. 1938. 6 мая.
- 366 Магнитогорский рабочий. 1938. 30 августа.
- 367 Магнитогорский рабочий. 1939. 1 января.

-
- 368 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф.60. Оп. 1. Д. 38. 1-4.
- 369 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 25. Л. 188-192.
- 370 Магнитогорский рабочий. 1939. 18 ноября.
- 371 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 1-4.
- 372 Магнитогорский рабочий. 1941. 31 мая.
- 373 Магнитогорский рабочий. 1939. 1 января.
- 374 Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры.1983. 2 марта.
- 375 Магнитогорский рабочий. 1939. 1 января.
- 376 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 32, 32 об.
- 377 Магнитогорский рабочий. 1939. 22 июля.
- 378 Магнитогорский рабочий. 1939. 5 декабря.
- 379 Магнитогорский рабочий. 1939. 18 января.
- 380 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 23.
- 381 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 29. Л. 1,3,4.
- 382 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. 1-4.
- 383 Магнитогорский рабочий. 1938. 14 мая.
- 384 Магнитогорский рабочий. 1939. 17 июля.
- 385 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 58-61.
- 386 Магнитогорский рабочий. 1939. 9 августа.
- 387 Магнитогорский рабочий. 1939. 15 сентября.
- 388 Магнитогорский рабочий. 1939. 27 сентября.
- 389 Магнитогорский рабочий. 1939. 1 января.
- 390 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 1, 2.
- 391 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 53. Л. 26.
- 392 XV лет МГМИ. С. 13.
- 393 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.
- 394 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 10.
- 395 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.
- 396 Магнитогорский рабочий. 1939. 22 июля.
- 397 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 50 об.
- 398 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 99. Оп. 10. Д. 1090. Л. 159.

-
- 399 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 32. Л. 52.
- 400 XV лет МГМИ. С. 11; <http://magtu.ru>; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.
- 401 Магнитогорский рабочий. 1939. 4 июля.
- 402 Магнитогорский рабочий. 1939. 1 февраля.
- 403 За кадры. 1969. 19 июня.
- 404 Магнитогорский рабочий. 1939. 10 декабря.
- 405 Магнитогорский рабочий. 1939. 15 января.
- 406 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 12, 13.
- 407 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об., 13.
- 408 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
- 409 Магнитогорский рабочий. 1935. 22 июня.
- 410 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2, 2 об., 3.
- 411 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 16. Л. 40-43.
- 412 Магнитогорский рабочий. 1937. 14 мая.
- 413 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 4 об., 5, 5 об.
- 414 <http://magtu.ru>
- 415 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.
- 416 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 58-61.
- 417 XV лет МГМИ. С. 20.
- 418 Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.
- 419 Там же.
- 420 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

Глава 4

- 421 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об.
- 422 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 43.
- 423 Магнитогорский рабочий. 1935. 10 января.
- 424 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 13. Л. 1.
- 425 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 13. Л. 36.
- 426 Магнитогорский рабочий. 1935. 28 июня.
- 427 Магнитогорский рабочий. 1936. 16 мая.
- 428 Магнитогорский рабочий. 1936. 16 июня.
- 429 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 9. Л. 18-21.

-
- ⁴³⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 206. Л. 299.
- ⁴³¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 6.
- ⁴³² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 7-8.
- ⁴³³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 10.
- ⁴³⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 12.
- ⁴³⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.
- ⁴³⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224. Л. 40.
- ⁴³⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 226. Л. 28.
- ⁴³⁸ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 206. Л. 223 об.
- ⁴³⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 13. Л. 30.
- ⁴⁴⁰ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 15. Л. 71.
- ⁴⁴¹ Магнитогорский рабочий. 1936. 15 сентября.
- ⁴⁴² Семенов С.В. Политические репрессии в высших учебных заведениях Южного Урала в 30-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 88-89.
- ⁴⁴³ Магнитогорский рабочий. 1989. 29 апреля.
- ⁴⁴⁴ Магнитогорский рабочий. 1936. 14 октября.
- ⁴⁴⁵ Магнитогорский рабочий. 1937. 1 апреля.
- ⁴⁴⁶ Магнитогорский рабочий. 1937. 10 апреля.
- ⁴⁴⁷ Магнитогорский рабочий. 1937. 21 апреля.
- ⁴⁴⁸ Магнитогорский рабочий. 1937. 22 апреля.
- ⁴⁴⁹ Магнитогорский рабочий. 1937. 18 мая.
- ⁴⁵⁰ Магнитогорский рабочий. 1937. 11 мая.
- ⁴⁵¹ Магнитогорский рабочий. 1937. 10 июля.
- ⁴⁵² Семенов С.В. Указ. соч. С. 88-89.
- ⁴⁵³ Магнитогорский металл. 1996. 27 июля.
- ⁴⁵⁴ Магнитогорский рабочий. 1938. 6 мая.
- ⁴⁵⁵ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 67.
- ⁴⁵⁶ Магнитогорский рабочий. 1989. 29 апреля.
- ⁴⁵⁷ Семенов С.В. Указ соч. С. 89.
- ⁴⁵⁸ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 19. Л. 37.
- ⁴⁵⁹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 57.
- ⁴⁶⁰ Магнитогорский рабочий. 1938. 2 апреля.
- ⁴⁶¹ Магнитогорский рабочий. 1938. 23 мая.
- ⁴⁶² Магнитогорский рабочий. 1938. 23 мая.
- ⁴⁶³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 4 об., 5, 5 об.

-
- 464 Магнитогорский рабочий. 1939. 14 января.
465 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.
Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 45. Л. 10.
466 За кадры. 1966. 6 мая.
467 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.
Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 307. Л. 445.
468 Магнитогорский рабочий. 1938. 6 февраля.
469 Магнитогорский рабочий. 1939. 15 ноября.
470 Магнитогорский рабочий. 1939. 21 ноября.
471 Магнитогорский рабочий. 1938. 9 июня.
472 Магнитогорский рабочий. 1939. 10 декабря.
473 Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.
474 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.
Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 58-61.
475 Магнитогорский рабочий. 1940. 16 июня.
476 Магнитогорский рабочий. 1934. 6 октября.
477 Магнитогорский рабочий. 1934. 17 октября.
478 Магнитогорский рабочий. 1935. 8 февраля.
479 Магнитогорский рабочий. 1935. 23 марта.
480 Магнитогорский рабочий. 1935. 20 июля.
481 Магнитогорский рабочий. 1936. 9 сентября.
482 Магнитогорский рабочий. 1936. 28 июня.
483 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.
Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 5 об.
484 Магнитогорский рабочий. 1937. 21 мая.
485 Магнитогорский рабочий. 1937. 4 апреля.
486 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.
Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 241. Л. 213, 214.
487 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 19. Л. 16.
488 За кадры. 1979. 21 июня.
489 Магнитогорский рабочий. 1938. 9 мая.
490 За кадры. 1966. 6 мая.
491 За кадры. 1969. 19 июня.
492 Магнитогорский рабочий. 1939. 6 сентября.
493 Магнитогорский рабочий. 1939. 5 августа.
494 Магнитогорский рабочий. 1939. 18 ноября.
495 Магнитогорский рабочий. 1939. 23 апреля.
496 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.
Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
497 Магнитогорский рабочий. 1934. 26 октября.
498 Магнитогорский рабочий. 1934. 21 ноября.
499 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.
Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 86. Л. 60.
500 Магнитогорский рабочий. 1934. 16 октября.
501 Магнитогорский рабочий. 1934. 15 октября.
502 Магнитогорский рабочий. 1934. 3 декабря.

-
- ⁵⁰³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 21, 21 об.
- ⁵⁰⁴ Магнитогорский рабочий. 1934. 6 сентября, 12 октября, 17 октября, 27 октября, 28 ноября, 10 декабря.
- ⁵⁰⁵ Магнитогорский рабочий. 1934. 15 сентября, 3 октября, 2 декабря.
- ⁵⁰⁶ Магнитогорский рабочий. 1934. 10 мая.
- ⁵⁰⁷ Магнитогорский рабочий. 1934. 9 сентября.
- ⁵⁰⁸ Магнитогорский рабочий. 1934. 26 сентября.
- ⁵⁰⁹ Магнитогорский рабочий. 1935. 10 января.
- ⁵¹⁰ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 4. Л. 41.
- ⁵¹¹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 9. Л. 25.
- ⁵¹² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 2 об, 3.
- ⁵¹³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
- ⁵¹⁴ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.
- ⁵¹⁵ За кадры. 1966. 15 апреля.
- ⁵¹⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
- ⁵¹⁷ Магнитогорск. Краткая энциклопедия. С. 306.
- ⁵¹⁸ Магнитогорский рабочий. 1935. 10 сентября.
- ⁵¹⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 149. Л. 140.
- ⁵²⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.
- ⁵²¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.
- ⁵²² Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 2 об, 3.
- ⁵²³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.
- ⁵²⁴ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 13. Л. 32.
- ⁵²⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.
- ⁵²⁶ Магнитогорский рабочий. 1935. 4 октября.
- ⁵²⁷ Магнитогорский рабочий. 1936. 1 января.
- ⁵²⁸ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 14. Л. 44.
- ⁵²⁹ Магнитогорский рабочий. 1936. 3 августа; Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 204. Л. 45.
- ⁵³⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 204. Л. 50.
- ⁵³¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 206. Л. 283, 283 об.; Магнитогорский рабочий. 1936. 24 января.

-
- 532 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 10. Оп. 1. Д. 178. Л. 3 об.
- 533 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.
- 534 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 15. Л. 42.
- 535 Магнитогорский рабочий. 1936. 5 июня.
- 536 Магнитогорский рабочий. 1937. 10 мая.
- 537 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- 538 Магнитогорский рабочий. 1936. 9 февраля.
- 539 Магнитогорский рабочий. 1937. 30 августа.
- 540 Магнитогорский рабочий. 1937. 28 февраля.
- 541 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 25. Л. 178.
- 542 Магнитогорский рабочий. 1939. 5 апреля.
- 543 Магнитогорский рабочий. 1937. 10 марта.
- 544 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 1-4.
- 545 Магнитогорский рабочий. 1938. 6 мая.
- 546 Магнитогорский рабочий. 1939. 2 апреля.
- 547 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 58-61.
- 548 Магнитогорский рабочий. 1939. 17 ноября.
- 549 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
- 550 За кадры. 1962. 17 ноября.
- 551 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 1-4.
- 552 Там же.
- 553 За кадры. 1979. 21 июня.
- 554 Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.
- 555 За кадры. 1966. 6 мая.
- 556 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.
- 557 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 31. Л. 45.
- 558 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 58-61.
- 559 Магнитогорский рабочий. 1939. 10 мая.
- 560 Магнитогорский рабочий. 1939. 10 декабря.
- 561 Магнитогорский рабочий. 1939. 5 февраля.
- 562 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 25. Л. 53.
- 563 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 1, 2.
- 564 Магнитогорский рабочий. 1939. 2 августа.
- 565 Магнитогорский рабочий. 1939. 10 марта.

- ⁵⁶⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12, 12 об.
- ⁵⁶⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
- ⁵⁶⁸ Магнитогорский рабочий. 1934. 11 сентября.
- ⁵⁶⁹ МГТУ. Дела и люди. С. 34.
- ⁵⁷⁰ Там же. С. 81.
- ⁵⁷¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об, 13.
- ⁵⁷² <http://magtu.ru>
- ⁵⁷³ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 30.
- ⁵⁷⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 10 об.
- ⁵⁷⁵ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 69.
- ⁵⁷⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.
- ⁵⁷⁷ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.
- ⁵⁷⁸ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 8. Л. 13.
- ⁵⁷⁹ Магнитогорский рабочий. 1934. 29 ноября.
- ⁵⁸⁰ Уральская историческая энциклопедия. С. 138.
- ⁵⁸¹ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 12. Л. 5, 5 об.
- ⁵⁸² Магнитогорский рабочий. 1935. 5 января.
- ⁵⁸³ Магнитогорский рабочий. 1935. 10 сентября.
- ⁵⁸⁴ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 24, 24 об.
- ⁵⁸⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2, 2 об, 3.
- ⁵⁸⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
- ⁵⁸⁷ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 10. Л. 26.
- ⁵⁸⁸ МГТУ. Дела и люди. С. 26.
- ⁵⁸⁹ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 6 января. Челябинская область: энциклопедия. Т.4. С. 61.
- ⁵⁹⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 об.
- ⁵⁹¹ МГТУ. Дела и люди. С. 73.
- ⁵⁹² Там же. С. 54.
- ⁵⁹³ Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
- ⁵⁹⁴ <http://magtu.ru>
- ⁵⁹⁵ Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.
- ⁵⁹⁶ Магнитогорский рабочий. 1936. 14 октября.
- ⁵⁹⁷ Магнитогорский рабочий. 1936. 24 декабря; 1937. 24 марта.
- ⁵⁹⁸ Магнитогорский рабочий. 1937. 4 марта.

-
- 599 За кадры. 1957. 30 ноября.
600 Магнитогорский рабочий. 1937. 9 октября.
601 За кадры. 1966. 15 апреля.
602 Магнитогорский рабочий. 1937. 1 августа.
603 МГТУ. Дела и люди. С. 26.
604 Летопись горного факультета (под ред. Е.П. Кашаповой).
605 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 20. Л. 37.
606 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 19. Л. 20.
607 Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 22. Л. 49.
608 XV лет МГМИ. С. 11.
609 За кадры. 1979. 21 июня.
610 Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.
611 МГТУ. Дела и люди. С. 73.
612 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 39. Л. 4, 4 об., 5, 5 об.
613 Магнитогорский рабочий. 1938. 17 апреля.
614 Магнитогорский рабочий. 1938. 30 августа.
615 Магнитогорский рабочий. 1938. 22 февраля.
616 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 29. Л. 1,3,4.
617 За кадры. 1970. 19 марта; История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях. С. 126.
618 <http://magtu.ru>
619 <http://magtu.ru>
620 МГТУ. Дела и люди. С. 108.
621 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 38. Л. 23, 23 об.
622 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 1, 2.
623 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 52. Л. 3, 3 об.
624 Магнитогорский рабочий. 1939. 18 ноября.
625 XV лет МГМИ. С. 12, 13.
626 XV лет МГМИ. С.10-11.
627 Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 44. Л. 12.
628 Научная элита. Доктора наук и профессора Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова / под ред. В.В. Филатова. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2009. – 199 с.; Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров / Под ред. Филатова В.В., Ивкиной Т.В. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2014. 263 с.; Филатов В.В. История функционирования научных школ в сфере прокатного производства в МГТУ им. Г.И. Носова в 1940-х-начале 2000 годов // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. – 2012. – № 4. – С. 104-107; Филатов В.В. Развитие научных школ в области доменного и

сталеплавильного производства в МГТУ им. Г.И. Носова и техническое перевооружение Магнитогорского металлургического комбината (1940-2000 гг.) // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. – 2012. – № 2. – С. 87-89.

⁶²⁹ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 7 апреля; Магнитогорский рабочий. 1949. 7 ноября.

⁶³⁰ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 6 января.

⁶³¹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.

Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 6. Д. 74. Л. 1, 3 об., 17-18, 58; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 17 февраля; За кадры. 1958. 5 июля.

⁶³² Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров. С. 30-31; Магнитогорский рабочий. 1937. 4 ноября; За кадры. 1964. 27 марта. Денница. 1999. 23 апреля; За кадры. 1981. 12 марта; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 17 февраля.

⁶³³ За кадры. 1962. 25 октября; Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об, 13.

⁶³⁴ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.

⁶³⁵ За кадры. 1971. 11 февраля.

⁶³⁶ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 6. Д. 41. Л. 5, 5 об., 12, 16, 21, 25, 27, 36, 37, 39; Архив ФГБОУ «МГТУ им. Г.И. Носова». Ф. 60. Оп. 2. Д. 77. Л. 175.

⁶³⁷ Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров. С. 70-71; За кадры. 1958. 18 января; За кадры. 1970. 12 марта; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.

⁶³⁸ За кадры. 1974. 4 сентября; За кадры. 1989. 15 декабря; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.

⁶³⁹ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.

Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 6. Д. 3. Л. 10, 11, 11 об., 20, 24.

⁶⁴⁰ Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1982. 18 ноября; интернет-ресурсы.

⁶⁴¹ Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров. С. 99-100; За кадры. 1960. 28 мая; За кадры. 1964. 25 декабря; За кадры. 1979. 14 июня; За кадры. 1990. 12 октября; Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об, 13.

⁶⁴² За кадры. 1979. 14 июня; МГТУ. Дела и люди. С. 81; <http://magtu.ru>

⁶⁴³ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.

Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 6. Д. 61. Л. 2, 2 об., 27; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры. 1983. 2 марта.

⁶⁴⁴ За кадры. 1964. 28 февраля; За кадры. 1978. 18 мая; <http://magtu.ru>

⁶⁴⁵ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г.

Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 6. Д. 2. Л. 2, 3, 7-9, 11, 12, 17-19.

-
- ⁶⁴⁶ Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров. С. 183-184; Денница. 1998. 23 января; Денница. 1999. 23 апреля; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры.1983. 17 февраля.
- ⁶⁴⁷ Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров. С.208-209; Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 6. Д. 48. Л. 3, 3 об., 7, 9, 11, 53; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры.1983. 6 января.
- ⁶⁴⁸ Смольянинов Вадим Александрович. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Смольянинов%20Вадим%20Александрович/> (Дата обращения: 25.11.2014).
- ⁶⁴⁹ Магнитогорский металл. 1996. 26 июля; Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об, 13; Семенов С.В. Указ. соч. С. 88-89.
- ⁶⁵⁰ Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 60. Оп. 6. Д. 49. Л. 10, 15, 18-20.
- ⁶⁵¹ За кадры. 1961. 3 декабря; За кадры. 1972. 13 января; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры.1983. 2 марта; Денница. 2000. 7 апреля; Денница. 2000. 7 апреля.
- ⁶⁵² Денница. 2002. 25 января; Денница. 1998. 26 июня; МГТУ. Дела и люди. С. 72; Дегтярев А.Г. Наша биография // За кадры.1983. 2 марта.